

ФГБОУ ВО «БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ФОНД РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ
(ФИЛИАЛ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

**ГЕНДЕРНЫЕ РЕЖИМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА:
МОЗАИКА СЦЕНАРИЕВ МАСКУЛИННОСТИ
И ФЕМИННОСТИ**

*Сборник материалов
Международной научно-практической конференции
(16-17 мая 2019 года)*

Уфа
Республика Башкортостан, Россия

УДК 36.354:351/354
ББК 60.561.1
Г34

Редакционная коллегия: А.И. Уразова, директор Института истории и государственного управления БашГУ, к. ист. н., доцент; И.В. Фролова, заместитель директора Института истории и государственного управления по научной работе БашГУ, д. филос. н., профессор; Р.Р. Тухватуллин, заведующий кафедрой зарубежной истории Института истории и государственного управления БашГУ, к. ист. н., доцент; Ф.Б. Бурханова, профессор кафедры социологии и работы с молодежью факультета философии и социологии БашГУ, главный научный сотрудник Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, д. соц. н., профессор; Р.Х. Лукманова, профессор кафедры философии и политологии факультета философии и социологии БашГУ, д. филос. н., доцент.

Ответственный редактор: И.В. Фролова, д. филос. н., проф.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов данного сборника

Г34 **Гендерные режимы современного общества: мозаика сценариев маскулинности и феминности:** сборник материалов Междунар. науч.-практич. конф./ под общ. ред. И.В. Фроловой. – Уфа: Диалог, 2019. – 228 с.
ISBN 978-5-94524-216-6

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Гендерные режимы современного общества: мозаика сценариев маскулинности и феминности», состоявшейся 16-17 мая 2019 года. Рекомендуется ученым, научным сотрудникам, преподавателям, студентам, а также специалистам, интересующимся проблемами гендерных режимов современного общества, спецификой сценариев маскулинности и феминности.

Данное издание осуществлено при содействии филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации и распространяется бесплатно.

УДК 36.354:351/354
ББК 60.561.1

© ФГБОУ ВО «БашГУ», оформление, 2019
© ООО «Издательство «Диалог», 2019

ISBN 978-5-94524-216-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Раздел 1. Сценарии маскулинности и фемининности в современном обществе	8
<i>Ваньке А.В., Тартаковская И.Н.</i> Проблемы маскулинности рабочих в контексте неолиберального рынка труда в России	8
<i>Еремин Н.Н.</i> От первых папа-школ до всероссийских союзов: хроника перемен организованной работы с отцами	25
<i>Иванова А.Д.</i> Метаморфозы института семьи: от поколения беби-бумеров до поколения миллениалов	35
<i>Демичев И.В.</i> Диссоциация функций института семьи и проблема трансформации гендера	44
<i>Бурханова Ф.Б.</i> Гендерный режим в системе высшего образования	49
<i>Фролова И.В.</i> Гендерное измерение социума: проблемы отображения в вузовских учебниках	59
<i>Горбачева Е.В.</i> Значения гендерных категорий «маскулинности» / «фемининности» в процессах концептуализации действительности	66
Раздел 2. Постсоветская трансформация гендерных режимов: направленность и специфика	72
<i>Очкина А.В.</i> Мифологизация женственности в современном российском обществе: стереотипы поведения и восприятия, штампы СМИ и попкультуры	72
<i>Резвушкина Т.А.</i> Гендерные стратегии женщин в казахско-русских браках в современном Казахстане	81
<i>Соломатина И.В.</i> Постсоветская трансформация гендерных режимов в Беларуси: что и как репрезентируют средства массовой информации	91
<i>Потарская Н.Н.</i> Трансформация повседневности во время конфликта на востоке Украины: женская перспектива	101
<i>Лаврентьев С.Н.</i> Гендерный фактор в политической повестке современной России	113
<i>Уразова А.И., Ханнанова Т.Р.</i> Современная гендерная политика Российской Федерации: исторические и правовые аспекты	117
Раздел 3. Гендерные режимы прошлого и настоящего	122
<i>Крылова Н.Л.</i> Современная афро-русская семья: специфика гендерных режимов	122

<i>Поздеева С.М.</i> Гендерные режимы: от архаической модели маскулинности и феминности к современной	132
<i>Спичак А.В.</i> Причинение мужчинами телесных повреждений женщинам в конце XVIII – начале XIX вв.: причины и результаты (на материалах тобольской епархии)	138
<i>Емелин С.М.</i> Известные женщины на военной службе в СССР и Российской Федерации: гендерное равенство или идеологическая целесообразность	144
<i>Хабибуллина З.Р.</i> Гендерный аспект паломничества в исламе	155
<i>Вахитов Р.Р.</i> Феминизация профессорско-преподавательского состава в высших учебных заведениях современной России: гендерный аспект	161
<i>Чуйкова Т.С.</i> К вопросу о гендерной обусловленности реагирования в ситуации негарантированной работы	165
Раздел 4. Гендерные режимы будущего: прогнозы эволюции	172
<i>Коростылева Н.Н.</i> Трансформация гендерного режима в обществе 5.0	172
<i>Хисматуллина Г.Г.</i> Признание третьего пола в ФРГ: что изменится в профессиональной коммуникации?	178
<i>Бигнова М.Р.</i> Сценарии маскулинности и феминности в новых религиозных движениях: типология и классификация	185
<i>Кашипова Д.У.</i> Путь к гендерному равенству в России и США: исторические предпосылки и современное состояние	189
<i>Ирхин Ю.В.</i> Возрастание роли и проблемы реализации гендерного фактора в современных электоральных процессах в США	197
<i>Тухватуллин Р.Р.</i> Администрация Б. Обамы: гендерное измерение	205
Конкурс студенческих исследовательских проектов «Гендерные режимы глазами молодых исследователей»	214
<i>Иванов В.Ю.</i> Танцы не для всех	214
<i>Азметова Э.А., Мусина Э.Р.</i> Гендерные аспекты работы в кафе	217
<i>Минибаев А.А.</i> Гендерная политика в транснациональных компаниях (на примере ПАО «Газпром»)	223

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как писал классик социологии Энтони Гидденс в конце XX века, «в истории еще не существовало общества, где женщины и мужчины обладали примерно равными правами». Происходящие в современном мире изменения делают женское поведение более похожим на мужское (маскулинным), поэтому равенство в гендерных отношениях (понятие «гендер» означает «социальный пол») возможно лишь при смене мужского курса жизни в сторону более женского, феминного. Обсуждению этих процессов была посвящена Международная научно-практическая конференция «Гендерные режимы современного общества: мозаика сценариев маскулинности и феминности», состоявшаяся 16-17 мая 2019 года, организаторами которой выступили Институт истории и государственного управления Башкирского государственного университета и филиал Фонда Розы Люксембург в Российской Федерации. Напомним, что нынешний проект является логическим продолжением конференции «Работающая женщина: возможности профессиональной реализации vs дискриминационные практики (опыт постсоветского пространства)», проходившей в Уфе в апреле 2018 года.

Проект 2019 года был посвящен исследованию особенностей гендерных режимов на постсоветском пространстве, попытке их типологизации с учетом разных сценариев маскулинности и феминности, оценке перспектив и направленности трансформации гендерных режимов в будущем. Как и в прошлом году, были затронуты политико-правовая и экономическая сфера общественной жизни. В конференции приняли очное участие исследователи и эксперты из стран ближнего зарубежья, Москвы и Санкт-Петербурга, регионов России.

16 мая 2019 года на площадке санатория Красноусольск в Гафурийском районе Республики Башкортостан состоялись два пленарных заседания, посвященные сценариям маскулинности и феминности в современном обществе и постсоветской трансформации гендерных режимов. Конференцию открыли директор Института истории и государственного управления Амина Уразова и руководитель проекта, заместитель директора института по научной работе Ирина Фролова. Первое пленарное заседание началось с выступления Бориса Кагарлицкого, директора Института глобализации и социальных движений (Москва) на тему «Западноевропейские левые: от классовой борьбы к политике гендерной идентичности – и обратно», после чего с докладами выступили ведущие специалисты в сфере гендерных исследований. В частности, Жанна Чернова, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) представила сообщение «Незавершенная гендерная революция в России», а Ирина Тартаковская, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва) – доклад на тему «Особенности маскулинности работников precarious труда». Живой отклик вызвало выступление независимого исследователя социальной работы с мужчинами Николая Еремина (Санкт-Петербург) – «От первых папа-школ до всероссийских союзов: хроника изменений организованной работы с отцами». Далее выступили представители республиканского научно-педагогического сообщества – прозвучали доклады

Аллы Ивановой, доцента Уфимского авиационного технического университета (Уфа) «Метаморфозы института семьи: от поколения беби-бумеров до поколения миллениалов», а также Ильи Демичева, старшего научного сотрудника Института стратегических исследований Республики Башкортостан (Уфа) «Функциональная диссоциация института семьи и проблема трансформации гендера».

Большой интерес вызвали сообщения и презентация по итогам социологического исследования гендерных режимов разных сфер общественной жизни на эмпирической базе Республики Башкортостан, руководителем которого стала Флора Бурханова, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, а соруководителем – Розалия Яппарова, заместитель директора Центра гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан (Уфа).

Второе пленарное заседание началось с доклада Анны Очкиной, заведующей кафедрой методологии науки, социальных теорий и технологий Пензенского государственного университета (Пенза), на тему «Мифологизация женственности в современном российском обществе: стереотипы поведения и восприятия, штампы СМИ и попкультуры». Далее выступления продолжили представительницы ближнего зарубежья – стран постсоветского пространства. Татьяна Резвушкина, старший преподаватель кафедры политологии и социологии Карагандинского государственного университета им. Букетова (Караганда), представила сообщение на тему «Гендерные стратегии женщин в казахско-русских браках в современном Казахстане». Выступление Ирины Соломатиной, координатора проекта «Гендерный маршрут» в Беларуси (Минск), было посвящено анализу постсоветской трансформации гендерных режимов в Беларуси на основе материалов средств массовой информации. Доклад Нины Потарской, представительницы Международной Женской Лиги за Мир и Свободу (Киев), назывался «Трансформация повседневности во время конфликта на востоке Украины: женская перспектива».

17 мая 2019 года. на площадке Башгосуниверситета прошла работа круглых столов, где были представлены проанализированные с точки зрения гендерной перспективы доклады представителей исторической, этнологической, психологической науки из разных вузов и научных центров Республики Башкортостан. Первый круглый стол, посвященный гендерным режимам прошлого и настоящего, стартовал с выступления Сергея Лаврентьева, доцента кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (Уфа) на тему «Гендерный фактор в политической повестке для современной России». Свои доклады представили коллеги из Башкирского государственного университета – Гулькай Шагапова, сотрудник Научно-образовательного центра истории башкирского народа, доцент кафедры истории России, источниковедения и историографии Института истории и государственного управления (Уфа) «Мифоритуальные истоки мужских и женских инициаций по материалам игровой культуры народов Евразии», а также Рамиль Рахимов, и.о. заведующего кафедрой истории России, источниковедения и историографии, кандидат исторических наук

Института истории и государственного управления (Уфа) «Башкирская женщина в историческом нарративе. Между сценариями маскулинности и феминности». Далее прозвучал доклад Зили Хабибуллиной, старшего научного сотрудника Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа), на тему «Гендерный аспект паломничества в исламе». Дискуссию продолжил Рустем Вахитов, доцент кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета (Уфа), подготовивший выступление на тему «Феминизация профессорско-преподавательского состава в высших учебных заведениях современной России: гендерный аспект». Далее выступила Татьяна Чуйкова, профессор кафедры прикладной психологии и девиантологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа) с сообщением «К вопросу о гендерной обусловленности реагирования в ситуации негарантированной работы».

Финальный круглый стол был посвящен теме эволюции гендерных режимов будущего. Прозвучали выступления Динары Кашаповой, преподавателя немецкого и английского языка (Уфа) «Путь к гендерному равенству в России и США: исторические предпосылки и современное состояние» и Галии Хисматуллиной, старшего преподавателя кафедры иностранных языков для профессиональной коммуникации Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (Уфа) «К вопросу определения пола в ФРГ: мужчины/женщины/иные». Завершили работу круглого стола выступления Марины Бигновой заместителя директора по научно-методической работе лицея № 106 «Содружество» (Уфа) «Сценарии маскулинности и феминности в новых религиозных движениях: типология и классификация» и Рустэма Тухватуллина, заведующего кафедрой зарубежной истории Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета (Уфа, Россия) «Администрация Б. Обамы: гендерное измерение».

Особый интерес у присутствующих вызвал проведенный Ириной Тартаковской мастер-класс «Гендерные режимы: методология Р. Коннелл», а также конкурс студенческих исследовательских проектов, подготовленных под руководством Рушаны Лукмановой, профессора кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета (Уфа). Три студенческие работы, представлены в настоящем сборнике.

В сборник, наряду с представленными в ходе конференции докладами, были включены также материалы авторов, которые, несмотря на заявку об участии и представленные материалы, по объективным причинам не смогли присутствовать или выступить на конференции.

Резюмируя, отметим, что комплексный научно-исследовательский и просветительский проект Института истории и государственного управления Башкирского государственного университета, посвященный гендерным режимам, получил высокую оценку участников и экспертов как мероприятие, направленное на поддержку социальной справедливости, и, в частности, гармонизацию гендерных ролей современных мужчин и женщин.

Редакционная коллегия

РАЗДЕЛ 1
СЦЕНАРИИ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИНИННОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.344.5

А.В. Ваньке, И.Н. Тартаковская

A.V. Vanke, I.N. Tartakovskaya

Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (Москва, Россия)

ПРОБЛЕМЫ МАСКУЛИННОСТИ РАБОЧИХ В КОНТЕКСТЕ
НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА В РОССИИ

PROBLEMS OF WORKERS' MASCULINITY IN THE CONTEXT
OF THE NEOLIBERAL LABOR MARKET IN RUSSIA

Аннотация. В статье реконструируются маскулинности рабочих в постсоветской России, прослеживается их динамика в соотношении с субъективной социальной мобильностью в 1991-2015 гг. Авторы приходят к выводу, что сегодня в российском обществе сочетаются классические и новые типы мужественности рабочих. Классическая маскулинность рабочих воспроизводит образцы советского гендерного порядка и стремится достигнуть нормативного образца, что оказывается не всегда возможным.

Новая маскулинность отличается независимостью, активностью и инициативностью рабочих. В то же время она воспроизводит стратегии нового гендерного порядка, в основе которого лежат ценности индивидуализма, интенсивного потребления и значительных инвестиций в свою внешность. С помощью этих стратегий рабочие стремятся создать свою мужественность и осуществить восходящую субъективную социальную мобильность – при том, что их объективные условия для этого ограничены.

Ключевые слова: рабочие, маскулинности, гендерный порядок, социальная мобильность, социальные изменения, Россия

Annotation. The article reconstructs the masculinity of workers in post-Soviet Russia, traces their dynamics in relation to subjective social mobility in 1991-2015. The authors conclude that today in Russian society classical and new types of masculinity of workers are combined. The classic masculinity of workers reproduces patterns of the Soviet gender order and strives to achieve a normative pattern, which is not always possible. The new masculinity is distinguished by the independence, activity and initiative of the workers. At the same time, it reproduces the strategies of the new gender order, which is based on the values of individualism, intensive consumption and significant investments in their appearance. With the help of these strategies, workers strive to create their masculinity and to implement ascending subjective social mobility – despite the fact that their objective conditions for this are limited.

Keywords: workers, masculinity, gender order, social mobility, social change, Russia

Тема трансформации маскулинностей в позднесоветский и переходный период в России является относительно изученной и представлена в работах российских и зарубежных исследователей (см.: [5; 7; 24; 17; 20]). Её основным лейтмотив – переустройство советского режима, включая его социальный, экономический, политический и гендерный порядок, повлекшее за собой изменение как социальных статусов, так и устоявшихся норм и стратегий гендерного поведения.

Советский гендерный порядок, со свойственным ему неравным распределением власти между мужчинами и женщинами, а также между разными группами мужчин, строился вокруг гегемонной маскулинности [4], для которой, с одной стороны, были характерны проявление мужской силы, приверженность труду, служение Отечеству. С другой стороны, её отличала невозможность проявления низовой инициативности, независимости и свободомыслия, что приводило к расхождению между декларируемыми и реальными маскулинными практиками [16]. Советским женщинам предписывались лояльность, непорочность и скромность, следование контракту работающей матери, в то время как мужчины, занимавшие подчиненные позиции, должны были выражать уважение и лояльность мужчинам, обреченным властными полномочиями [20, р. 9].

Особое место в социальной структуре занимали рабочие – и прежде всего мужчины рабочих профессий, которые за счет идеологической пропаганды активно присутствовали в публичной сфере, а также, благодаря устройству советской экономики, имели реальную возможность зарабатывать сопоставимые с образованными социальными группами деньги и выступать кормильцами в семье, хотя и не единственными. Советские рабочие были «трудоцентричны», во-первых, в силу оказания на них жесткого нормативного давления, во-вторых, из-за того, что их материальное положение все же всегда оставляло желать лучшего. Несмотря на это, их социальному статусу придавалась символическая значимость – рабочие были в почете, что в какой-то степени поддерживало их уверенность в себе и позволяло создавать нормативную маскулинность. В реальности же их положение было противоречивым, поскольку доступ к сопоставимым материальным ресурсам был и у женщин.

Тем не менее, социальная поддержка и забота советского государства о семьях рабочих открывала им доступ к таким социальным благам, как получение высшего образования и социального жилья, предоставление рекреационных возможностей и медицинского обслуживания. После распада Советского Союза положение рабочих резко ухудшилось: снизился их статус, произошло символическое обнищание ручного труда, что привело к габитусной неуверенности [23] мужчин рабочих профессий, которые были уже не в состоянии придерживаться нормативного образца [21].

В статье мы намерены проследить связь между изменением социального положения рабочих и трансформацией их маскулинностей в период 1991-2015 гг. Актуальность этой темы связана с тем, что в последние полтора десятилетия интерес к рабочим как к социальной группе значительно снизился, и, хотя все же было проведено определенное количество исследований, посвященных

различным аспектам жизни российских рабочих [13], работ, рассматривающих их через призму гендерного анализа, практически не существует.

Для этого мы опираемся на подход Р. Коннелл, согласно которому, маскулинности социально сконструированы и представляют собой «паттерны гендерной практики», поддерживаемые в качестве коллективных представлений на уровне институтов. С одной стороны, они создаются в процессе повседневного взаимодействия лицом-к-лицу, с другой стороны, конституируются работой надывдивидуальных структур: труда, власти, катексиса и символических репрезентаций [8, с. 855]. Говоря о множестве маскулинностей, выстраивающихся в иерархическую систему, Коннелл выделяет доминирующие гегемонные типы, при которых воспроизводятся классические патриархальные представления, свойственные акторам, обладающим высокими социальными статусами, и вместе с ними сосуществуют подчиненные, маргинализованные и исключаемые типы, которые характерны для мужчин с низкими социальными статусами.

Мы согласны с выводом о том, что стремление соответствовать нормам гегемонной маскулинности представляет собой не просто набор разрозненных практик, но определенную стратегию, вынуждающую мужчин приспосабливаться к позиции власти и благосостояния, а также воспроизводить и легитимировать социальные взаимоотношения, поддерживающие доминирование мужчин как социальной группы [19, р. 592]. Гегемонная, т.е. доминирующая в данном конкретном обществе, в данный исторический момент, маскулинность, неразрывно связана с понятием социального успеха. Этот успех может выражаться в разных терминах, в зависимости от общей конфигурации гендерного порядка данного общества, но в любом случае, мужчины, которые не могут продемонстрировать свою «успешность», оказываются лишены не просто некоторого набора социальных благ – под вопрос ставится их маскулинная состоятельность, в конечном счете, гендерная идентичность. При этом набор «успешных» социальных позиций всегда достаточно сильно ограничен.

В современном рыночном обществе успех всегда имеет монетарную составляющую, хотя, безусловно, к ней не сводится – играет роль символическая принадлежность к идеологически поддерживаемым группам мужчин, обладающих «правильной» для сложившегося культурного контекста маскулинностью. Так, в советском гендерном порядке мужчины-индустриальные рабочие, условно говоря, относились к «одобряемому» типу маскулинности, связанному с государственной идеологией. В современном же российском обществе они имеют невысокую социальную позицию, никак не ассоциирующуюся ни с успехом, ни с маскулинным самоутверждением.

Таким образом, они сталкиваются с серьезным социальным вызовом, связанным с поиском средств для утверждения своей маскулинной состоятельности. И поскольку реальные возможности социальной мобильности, т.е. перехода в более успешные социальные страты, имеющие доступ к материальным ресурсам и власти, для них чрезвычайно затруднен, им приходится искать другие средства, с помощью которых их маскулинность может быть репрезентирована.

В этом смысле стремление мужчин рабочих символически повысить свой статус за счет определенных социальных практик для достижения нормативного образца может быть изучено с помощью понятия субъективная социальная мобильность, под которой мы понимаем субъективные восприятие, переживания и ожидания социальных агентов относительно своего социального статуса [25, р. 504–505]. Так, нас в статье, скорее, интересуют стратегии создания рабочими маскулинностей в соотношении с их восприятием своего социального положения в социальной иерархии и расположения себя на условной шкале успешности. Другими словами, мы обращаем внимание на символическое измерение социальной мобильности и перемещений из одного класса в другой, которые рассматриваются Пьером Бурдьё через изменение конфигурации и объёмов капиталов: экономического, социального, символического и др. [2].

Структура и процедура сбора эмпирических материалов

Для решения нашей исследовательской задачи – анализа представлений мужчин-рабочих о своей маскулинности в контексте их субъективной социальной мобильности, мы объединили с целью вторичного анализа часть эмпирических материалов (интервью и наблюдений) собранных в рамках нескольких исследовательских проектов, проведенных в 1992–2015 гг.:

1. Материалы проекта «Век социальной мобильности в России» включают 105 биографических интервью, проведенных в 1992–1994 гг. в Москве, Санкт-Петербурге и Кураге с представителями таких социальных групп, как интеллигенция, номенклатура, предприниматели, крестьяне и рабочие. Особое внимание уделялось вопросам социальной мобильности в трех поколениях, ситуациям выбора и смены социального статуса в условиях социально-исторических трансформаций XX в. «Большинство семей принадлежали к крестьянскому сословию; несколько – к рабочим». В базе имеется 6 интервью с рабочими, из них 4 мужчины.

2. Эмпирические материалы лонгитюдного проекта «Гендерные стратегии на рынке труда», выполненного в четырех российских городах (Москва, Самара, Сыктывкар, Ульяновск) в 1999–2001 гг., еще одна волна была проведена в 2010 г. Было проведено сравнение трудовых стратегий мужчин и женщин, чья жизненная ситуация требовала активных действий в данной области. В каждом городе было отобрано по 30 мужчин и 30 женщин; таким образом, общее число респондентов составило 240 человек. Проводились интервью с путеводителем, содержание которого менялось и уточнялось в зависимости от задач конкретного этапа исследования. 38 человек из числа опрошенных мужчин составляли промышленные рабочие.

3. Исследование одного из авторов статьи, проведенного в 2009–2013 гг., содержит 44 биографических интервью с представителями рабочих профессий (20 мужчин) и офисными служащими (20 мужчин) в возрасте от 20 до 55 лет, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге. Исследование было направлено на изучение телесности российских мужчин в режимах труда и приватной

сферы. Гайд интервью содержал блоки вопросов о родительской семье, образовании, трудовой сфере и досуговых практиках. Для данного анализа были использованы преимущественно интервью с рабочими, хотя их ровесники-офисные служащие рассматривались нами по мере исследовательской необходимости как контрольная группа.

Таким образом, общее число интервью с мужчинами рабочими составляет 62 единицы. Объединение этих материалов в общую базу данных для целей этого конкретного анализа стало возможно в результате нескольких методических оснований. Во-первых, хотя они проводились, естественно, по разным гайдам, они имели общую логику и подчинялись одной и той же исследовательской стратегии: во всех случаях это были биографические полуструктурированные интервью, направленные на то, чтобы получить возможно более насыщенное описание жизненной истории респондента. Во-вторых, исследователей во всех трех случаях интересовал не какой-то отдельный аспект жизни и деятельности респондента, но их взаимодействие в рамках биографии, включая его жизненные стратегии на разных этапах социальной и профессиональной мобильности, а также самооценку в пространстве социальных статусов. В-третьих, в каждом из этих проектов уделялось внимание не только принадлежности к той или иной ячейке социальной структуры, но и гендерным аспектам профессиональных и прочих выборов, совершаемых респондентами на протяжении жизненного пути. В частности, мужчинам-рабочим, как и другим респондентам, задавались вопросы об их жизненных планах, представлениях об успехе, организации их личной жизни, потребительском поведении, проведении свободного времени, что провоцировало их на рассуждения о самих себе именно как о мужчинах, стремящихся решать свои маскулинные задачи и с помощью различных стратегий утверждать себя именно в этом гендерном качестве (успешно или неуспешно). Все это сделало интервью из трех проектов вполне сопоставимыми между собой, и позволило выявить в них повторяющиеся паттерны социального поведения. Тот факт, что они были разнесены во времени на два с лишним десятилетия, позволил проследить, с одной стороны, определенную динамику изменения этих паттернов, с другой, их значительную преемственность, и обогатил возможности нашего анализа.

Трансформации маскулинности рабочих в период реформ 1990-х гг.

Почти не существует исследований, посвященных маскулинности позднесоветских рабочих: возникновение и развитие гендерных исследований в России совпало с концом советской эпохи, когда сам объект такого гипотетического исследования начал трансформироваться под влиянием новых социальных вызовов. На наш взгляд, рабочие как социальная группа могут рассматриваться через призму общего анализа советского гендерного порядка, который описывается в научной литературе как этакратический, что означает, что главную роль в определении формата гендерных контрактов и содержания гендерных ролей играла государственная гендерная политика

[17; 5]. Большинство гендерных исследователей полагает, что маскулинность в рамках этого порядка предполагала преимущественную самореализацию мужчин в публичной сфере, на службе государству – в качестве воинов и защитников, а также героического труда в мирное время. Эти требования относились к мужчинам, принадлежащим ко всем социальным группам, и были достаточно консистентны, другими словами, «советская маскулинность» имела достаточно четкую нормативную структуру, которая, безусловно, варьировалась в зависимости от контекста, но имела единое смысловое ядро [7; 1]. Из этого не следует, что эта модель принималась и разделялась всеми советскими мужчинами. Более того, в самой её конструкции были заложены серьезные противоречия, связанные с тем, что, поддерживая власть и авторитет мужчин в публичной сфере, советская гендерная политика подрывала её в сфере семьи, оказывая женщинам прямую социальную поддержку и в значительной степени выводя их из-под мужского контроля. Публичные декларации о «настоящих мужчинах», героях труда, защитниках семьи и государства все сильнее расходились с действительностью: реальность 1970-80-х гг. предоставляла мало возможностей для героизма и самопожертвования, а в повседневной жизни мужчинам недоставало автономии и ресурсов для самоутверждения. Сложившаяся в результате ситуация была описана в научной литературе как позднесоветский кризис маскулинности [4, с. 450–451; 18].

Однако есть основания полагать, что рабочих этот кризис затронул в меньшей степени, чем представителей советского «среднего класса» – просто потому, что дистанция между нормативной маскулинностью и реальными практиками была для них не столь значительна. Как показали исследования, концепт маскулинности в среде рабочего класса в значительной степени строился на индивидуальном проекте практических умений и относительной самостоятельности в рамках своих трудовых компетенций [11, с. 282–286], и у рабочих было достаточно возможностей их демонстрировать в своем профессиональном поле. Немаловажен был также то, что труд рабочих неплохо оплачивался по сравнению, например, с инженерно-техническим персоналом: как показала М. Киблицкая, большинство из них успешно справлялись с ролью основного кормильца семьи – при наличии работающих жен, их вклад в семейный бюджет все же был решающим [21, р. 91–94].

Многие из наших респондентов, имевших опыт работы на производстве в советское время, подчеркивали преимущество своего социального статуса:

«Я не знаю, связан с народом вечно.... Но я хочу сказать, что нормально жили.... Ну, как обычно, как все...» «[Родители] трудились на заводе. Отец пошел по партийной линии.... (м., возраст неизвестен, заводской рабочий, 1992 г.).

«В свое время, когда предлагали мне пойти в институт, ну не в 2001 г., а туда раньше... Ну, инженер тогда получал сколько? И работяга тогда сколько получал? И я остался простым работягой. А сейчас время видите, какое

пошло? Учись, не учись, сейчас везде своих суют...» (м., 47 лет, жестянщик, 2010 г.).

Постсоветские экономические и социальные трансформации нанесли серьезный удар по этому базису маскулинной состоятельности представителей рабочего класса: идеологическая поддержка фигуры «настоящего мужика-рабочего», мастера на все руки, главы семьи и опоры государства прекратилась, медийное пространство стало стремительно заполняться образами новых успешных мужчин – предпринимателей, плейбоев, а нередко даже и романтизированных криминальных авторитетов. Рабочим среди этой новых моделей гегемонной маскулинности места уже не было [15]. Но куда сильнее, чем идеологические изменения, по рабочим ударили рыночные реформы: сокращения рабочих мест, длительные невыплаты зарплаты, деградация социальной политики. В статье М. Киблицкой показано, как болезненно переживали в 1990-е гг. потерю своего статуса квалифицированные рабочие, когда-то «ходившие королями», а ныне вынужденные изобретать стратегии выживания [21, р. 101–103]. Наши респонденты часто описывали в интервью этот процесс скрупулезного расчета своих повседневных затрат, выгадывание на мелочах: *«У меня все деньги уходят на питание. И если я хочу что-то купить, то я, естественно, себя начинаю ограничивать и на этот предмет откладывать, какую-то сумму откладывать. Значит, я в чем-то себя ограничиваю. Если я покупаю колбасу обычно такую-то, то если я планирую что-то купить, я уже покупаю более дешевую колбасу»* (м, 38 лет, слесарь, 2000 г.).

Многokrатно звучали и сожаления по поводу потерянных социальных льгот: *«Тот строй зря захаяли. Можно было только чуть-чуть что-то переделать, а все остальное оставить. Пионерские лагеря оставить, курорты оставить, дома отдыха оставить. У меня сын-то вырос – в Крым ездил по 3 раза в лето. И на Оке отдыхал – 5-разовое питание. Вы представляете – за сезон – 2 раза в Крым! Вот тебе пожалуйста – у рабочего простого – считайте, я же работаю? ... И питание было намного лучше. Я круглый год с яблоками и апельсинами сидел. Раньше кефир, творог – не выходил у нас. А сейчас не хватает»* (м., 50 лет, электромонтер, 1999 г.).

Такая экономическая депривация с неизбежностью должна была сказаться – и сказывалась – на маскулинном самочувствии. Бывшие кормильцы семьи нередко оказывались в положении полуиждивенцев. Позиционирование себя как взрослого, состоявшегося человека, потенциального брачного партнера стало представлять собой большую проблему:

«Да вы понимаете, даже, когда я хочу купить цветы любимой женщине и я думаю, купить ли мне цветок, или перебьемся – вот это для меня уже унижительно» (м., 34 года, гальваник, 2000 г.).

«Как я могу жениться, если я завтра останусь без работы?» (м., 32 года, механик, 1999 г.).

Новое положение вещей принималось с чувством острой несправедливости, нередко порождая конфликты с руководством, семьей, коллегами: *«А она говорит – вам платят деньги. Что это за деньги? Я ей говорю – ты деньги не видела... Я говорю: я получал деньги – дипломат открываю, и кассирша сбивается – только пачки кидала. Она говорит – где ты такие деньги видел? А я говорю – пожалуйста, я тебе и телефон дам. Я отработал там тридцать лет»* (м., 53 года, гальваник, 1999 г.).

Новым фактором на рынке труда, с которым столкнулись рабочие старшего возраста, стала сильнейшая возрастная дискриминация, когда опыт и высокая квалификация перестали служить ресурсом и социальным капиталом. *«Я работал по контрольно-измерительным приборам – та работа была более высокой квалификации, там надо было думать и вообще та работа мне была больше по душе. Но – никуда не денешься. Везде берут только до 40 лет. Было бы мне 40 лет... А в моем возрасте все – ставьте крест»* (м., 48 лет, фрезеровщик, 1999 г.).

В результате у многих рабочих произошла переоценка самого смысла своего труда, долгое время служившего источником уверенности в себе и основой утверждения своей маскулинной состоятельности. Большинство из них в интервью традиционно говорили о важности работы, о невозможности представить без нее свою жизнь: *«Вы знаете, работа для меня все. Можно так сказать. Именно работа. И я ведь ни продать, ни купить, не смогу. В общем, другого я не могу»* (м., 54 года, слесарь-инструментальщик, 1999 г.).

В этой цитате видно, что работа представляет для респондента базис социальной идентичности: он не может «покупать и продавать», т.е. стать субъектом новых для него рыночных отношений с непонятными правилами. Но падение материальной состоятельности и престижа профессии играет свою роль, и все чаще в интервью стали звучать другие мотивы: *«Я работаю за деньги. И на работу я иду как на каторгу»* (м., 53 года, гальваник, 1999 г.).

Отдельные попытки со стороны государственных органов как-то все же поднять престиж если не рабочих профессий в целом, то хотя бы отдельных рабочих, встречались ими с откровенной иронией: *«У меня даже медаль есть, к 850-летию (Москвы – прим. авт.), господин Лужков изволил выделить»* (м., 47 лет, жестянщик, 2010 г.).

Сложившаяся ситуация порождает у мужчин-рабочих несколько типов стратегий социальной мобильности. Первая, более характерная для рабочих старшего возраста, состоит в том, чтобы при любых условиях стараться сохранить свое рабочее место или хотя бы остаться на своем предприятии – некоторые из них при этом отказываются от других предложений, даже если они сулят более высокую зарплату, аргументируя привычкой к своему заводу. Вторая, более адаптивная, предлагает поиски «лучшей жизни» – часть наших респондентов переходили со своих крупных промышленных предприятий в небольшие коммерческие структуры, которые в большом числе возникали в

1990-е гг., или даже пытались сами заниматься мелким бизнесом (обычно речь шла об аренде места на рынке и розничной торговле). В большинстве случаев, эти попытки не увенчивались успехом, и они в итоге возвращались на рабочие позиции на своем предприятии, или на любом, куда удавалось устроиться. Характерно, что эту же модель мобильности демонстрировали и некоторые инженерные работники, переходившие с предприятия в коммерческие фирмы (в основном некрупные, созданные их знакомыми). Сменив последовательно несколько таких фирм, часть из которых разорялась, а в других возникали конфликты между собственниками, многие из этих инженеров в итоге тоже устраивались работать на промышленные предприятия, но уже на рабочие должности, поскольку инженерные позиции подверглись еще более масштабному сокращению, и, таким образом, тоже пополнили ряды рабочего класса: *«Это просто от безысходности... Легче найти рабочую специальность. Рабочие везде требуются. По крайней мере, сейчас. А если куда-нибудь головой идти работать, то необходимо знакомство иметь... На мой взгляд – сейчас лучше даже рабочим быть»* (м., 53 года, слесарь, бывший инженер, затем директор магазина, менеджер, продавец-консультант, 1999 г.).

Такого рода нисходящая мобильность часто встречалась в нашем исследовании. Многие рабочие в это время выражают значительный скепсис по поводу образования как шанса улучшить свои жизненные возможности: *«Образование ума не прибавляет...»* (м., 38 лет, гальваник, 2000 г.) *«Никто сейчас не учится»* (м., 26 лет, водитель, 1999 г.).

Позднее, в 2000-е гг., ценность образования начинает возвращаться, но в 1990-е гг. рабочие профессии, несмотря на невысокие заработки, нестабильность, постоянные жалобы на увеличивающуюся интенсивность труда, для многих выглядят все же как более привлекательный вариант, чем новые «коммерческие», тем более сервисные виды занятости. На наш взгляд, это связано с тем, что они все же сохраняют какой-то базис для утверждения традиционной маскулинности, связанной с работой на предприятии, физическим трудом, «мужским» миром станков и механизмов. Как это сформулировал один из респондентов, рассматривая возможные варианты трудоустройства: *«Все, что связано с каким-то унижением, лакейством, холоуиством – нет. Это мне не свойственно вообще. И ни при каких обстоятельствах я на такие бы работы бы не пошел. Даже если бы меня уволили, официантом – вряд ли. Я пойду ящики грузить»* (м., 36 лет, слесарь, 1999 г.). Это своего рода консервативная реакция на происходящие перемены, но и верность своей социальной и гендерной идентичности.

Особой проблемой, вставшей перед мужчинами-рабочими в 1990-е гг., было выстраивание отношений со своей семьей в условиях пошатнувшегося статуса кормильца. В ответ на вопрос, кто должен заниматься обеспечением семьи, почти все респонденты возлагали эту ответственность на мужчин. Проективная ситуация, при которой больше зарабатывать будет жена, воспринималась некоторыми из них чрезвычайно болезненно: *«Ну, меня бы это очень бы сильно унижало. Но я бы себя утешал бы, что это – явление временное, что все равно я буду зарабатывать больше. Это – только унижение»* (м., 29 лет, механик, 1999 г.) Но, надо сказать, такая реакция более была характерна для

неженатых мужчин, которые рассматривали свою будущую семейную жизнь гипотетически. Большинство респондентов, имеющих семьи, проявляли большую гибкость, демонстрируя своего рода «прагматический эгалитаризм» [22]. Е. Мещеркина также отмечала, что у рабочих опыт меньшего, чем у жены заработка, не приводит к таким фрустрациям, как у представителей среднего класса [11].

«Сейчас уже не будешь так говорить – вот ты больше получаешь – как раньше было. Сейчас даже никто носом не ткнет. Вот иногда мужики говорят – я меньше получил, значит, я уже не мужик. Сейчас очень трудно, конечно...» (м., 50 лет, электромонтер, 1999 г.).

Более проблемным, однако, остается утверждение своей маскулинности при общении с товарищами, являющимися подлинной референтной группой мужской состоятельности. В случае профессиональных неудач такое общение представляет собой достаточно травматичный опыт, которого многие респонденты стараются избегать, несмотря на ценность связей как элемента социального капитала: *«Постоянно поддерживаешь связи со своими знакомыми. А поддерживаешь и имеешь возможность это делать, потому что работаешь. У тебя есть там деньги, ты зарабатываешь и к ним приходишь не так, дай взаймы мол, а поговорить как равный с равным... Потому что если ты не работаешь, то пойдешь к знакомому и десять раз подумаешь: а стоит ли идти?... если не работаешь, да у тебя уже и тон речи не тот»* (м., 38 лет, гальваник, 1999 г.).

Ключевое слово, с помощью которого респонденты-рабочие в 1990-е гг. описывали свое состояние – это **неопределенность**. С помощью него описываются не только перспективы и особенности социальной позиции, но и общее жизненное самоощущение, связанное, в том числе, и с возможностями выстраивания маскулинной идентичности. Утраченный «советский рай» означал не только неплохой заработок и социальные гарантии, но определенные правила игры, приводящие к успеху, определенные жизненные траектории: школа-училище-предприятие: *«...а потом производственная практика, какая там система у нас была: ни влево, ни вправо. Никуда»* (м., 38 лет, токарь, 2000 г.).

В 1990-е гг. распались несущие конструкции не только этой конкретной траектории, но и любых сложившихся социальных траекторий, в том числе и связанных с маскулинной реализацией, её нужно было придумывать с чистого листа, причем, в случае рабочих – с минимальным социальным капиталом и экономическими ресурсами: *«Вот я прихожу на работу. Что у меня есть? Голова да руки. А поставки, обеспечение я же не могу там просто прийти...я зависимый человек, чтобы я был обеспечен работой»* (м., 41 год, слесарь, 1999 г.).

Вместо готовой «жизненной колеи» рабочие, особенно молодые, оказались в некой «пересеченной местности», обставленной к тому же разнообразными барьерами и препятствиями. В этих условиях свою маскулинность надо было во многом «изобретать заново», пользуясь любыми культурными и экономическими средствами, что и привело в итоге к возникновению «миксовых», по выражению И. Костериной, маскулинностей 2000-х гг. [9].

Старые и новые типы маскулинности 2000-2010-х гг.: рабочие в период стабилизации и неолиберализации

2000-е гг. в России характеризуются изменением политического курса, направленного на «стабилизацию» и установление «порядка»: замедление деиндустриализации и в некоторых случаях восстановление промышленности. Однако первые нулевые годы по-прежнему сопровождаются сокращением рабочих мест на производствах, уменьшением числа профессиональных училищ, низкой удовлетворенностью рабочих своей заработной платой и ощущением своей «ненужности» [10, с. 71]. Тем не менее, «субъективное восприятие рабочими положения на работе, жизни в целом, «сложившейся ситуации» и ближайших перспектив оказывается неоднородным, иногда парадоксальным» [10, с. 77], что приводит к изобретению и комбинированию разных стратегий конструирования маскулинных идентичностей, в том числе с помощью субъективной социальной мобильности.

С одной стороны, неоднородность субъективного восприятия рабочими своего социального статуса открывает возможность для реализации разнообразных, но ограниченных стратегий создания маскулинностей и траекторий социальной мобильности. С другой стороны, усиление неолиберальных тенденций, сопровождающееся снижением социальной поддержки, увеличением государственного контроля над финансовыми рынками и капиталами, и как следствие – повышением протестной активности в 2000-х гг., приводит к тому, что рабочие и независимые профсоюзы начинают восприниматься как «лишние» общественные элементы, тормозящие развитие российской и глобальной экономик [14, с. 523].

Так, в постсоветской России в контексте усиления социальной дифференциации и конкуренции между работниками на рынке труда возникает разделение на «успешных» и «неуспешных» – «победителей» и «проигравших» в социальной борьбе. К числу последних нередко относят рабочих-мужчин. При этом сегодня российский гендерный режим продолжает генерировать как старые образцы мужественности, характерные для советской эпохи, так и новые формы мужской субъективности, соответствующие ценностям возникающего неолиберального порядка, которые образуют новые гегемонные типы мужественности, например, глобальные и траспатриархальные маскулинности (бизнесменов, акционеров, работников транснациональных корпораций), которым рабочие зачастую не могут соответствовать. Сочетание/чередование старых и новых стратегий создания маскулинных идентичностей является отличительной чертой современного российского гендерного режима и предоставляет мужчинам-рабочим возможность более суженного по сравнению с 90-ми годами, но, тем не менее, достаточно широкого выбора построения жизненных траекторий и движения по социальной лестнице: вверх или вниз.

На фоне этих социально-экономических трансформаций изменились

и стратегии рабочих по созданию маскулинности, что повлекло за собой переформатирование мужских габитусов, а, следовательно, и изменение набора и конфигурации социальных практик рабочих. В условиях стабилизации, глобализации и усиления неолиберальных тенденций, локализованных в дифференцированном российском обществе, можно выделить два типа гендерных стратегий мужчин рабочих: создание маскулинностей классического и нового типов.

Конструирование *классической маскулинности* в большей степени характерно для мужчин в возрасте старше 40 лет. Этот тип гендерной идентичности соответствует паттернам советского гендерного порядка и вынуждает мужчин встраиваться в новые социальные реалии, обменивая свое согласие с политическим курсом и неолиберальными реформами на иллюзию стабильного социального положения. Рабочие с классической маскулинностью стремятся воссоздать гегемонный образец, который предполагает выполнение в семье роли кормильца, добытчика и защитника: *«Конечно, должен быть главный мужчина в семье. Он должен быть... кормилец. Любящий. Ну, своих детей любить, жену. Ну, вот так – защитник. Ну, всё. Ну, любящий своих детей особенно»* (м., 46 лет, проходчик, стройка, Москва, 2011 г. В данном случае мы видим стремление респондента соответствовать нормативному образцу главы семейства, который обязан не только обеспечивать, но и любить своих детей и жену. Так, классическая маскулинность конституируется через воспроизводство традиционных гендерных ценностей и неравномерное распределение власти в семейной сфере.

Вместе с тем, рабочие, стремящиеся к воспроизводству классической мужественности, в биографических интервью говорят о том, что их жены занимают равное с ними или доминирующее положение в семье, что идет вразрез с моделью гегемонной маскулинности: *«Вот почему-то не только у меня, у всех главенствуют жёны. Я один раз пытался – один раз на место поставить. Это закончилось тем, что она получила нервный срыв. И я с тех пор, значит, я не... [пытаюсь – прим. авт.]»* (м., 54 года, стропальщик, стройка, 2011 г.). Высказывание демонстрирует, с одной стороны, удивление, а, с другой стороны, смирение рабочего с ситуацией, при которой главной в семье оказывается супруга, что делает их отношения если не эгалитарными, то компенсаторными. При этом нельзя утверждать, как это делает ряд исследователей (см., например, [23]), что мужчины-рабочие относятся к отношениям, в том числе семейным, прагматично. В данном случае, мужчина-рабочий выражает желание не усугублять конфликт с супругой в обмен на согласие с равноправным распределением власти.

Все это свидетельствует о том, что достижение гегемонной маскулинности не всегда оказывается возможным, поскольку мужчины-рабочие продолжают испытывать беспокойство в связи с ухудшившимся социальным положением, что подрывает их самооценку и веру в себя, ставя под вопрос их гендерную

идентичность, либо заставляет искать другие стратегии для утверждения себя в качестве маскулинного субъекта. Следующая цитата подтверждает данный тезис:

«Я начинал по вахте тут [в Москве – прим. авт.] работать. А что меня заставило сюда приехать? Старишнюю мы-то выучили, всё нормально получилось у нас там. А как вот эти времена плохие настали, я получал денег... сколько там? От силы три – четыре тысячи, и денег нет..., а жить-то не с чего. Так что надо, ребёнка надо учить, а умница она у меня. Я говорю, либо я её учу.... Или я, значит, остаюсь в сельском хозяйстве.... Я бросил всё это образование, как говорится, ... сельское хозяйство. Но учился по специализации «стропальщик». Вот уже пятый год работаю здесь для того, чтобы обучить, вот она в июне у меня заканчивает» (м., 54 года, стропальщик, стройка, 2011 г.).

С одной стороны, в высказывании артикулируется проблема сужения социальных возможностей для непривилегированных социальных групп после распада СССР, а, с другой стороны, показывается обретение классической маскулинности через трансформацию мужского габитуса: смену профессии и трудовую миграцию.

Создание новой маскулинности скорее свойственно молодым рабочим в возрасте до 40 лет. Конституирование подобной маскулинности заставляет рабочих изобретать новые стратегии создания мужской субъективности через самообразование, повышение осознанности и критической рефлексии, в некоторых случаях через сопротивление неолиберальному порядку и как следствие – участие в протестной и профсоюзной деятельности. Рабочие с новой маскулинностью тяготеют к героизированному, свободолюбивому и романтизированному образу мужчины борца и активиста. Они борются за трудовые права и социальную справедливость, организуют профсоюзные ячейки и низовые инициативы на рабочем месте. Этот тип воспроизводит гетеросексуальные нормы, но отличается от классического советского образа мужчины-рабочего самостоятельностью и активностью.

При этом молодые рабочие испытывают сложности в сфере построения эмоциональных, сексуальных и семейных отношений, зачастую имеют заниженную самооценку, считают себя «неуспешными» и «непривлекательными» в условиях усиления конкуренции на рынке труда и брачном рынке (см. об этом подробнее [3, с. 73, 77]). Следующее высказывание подтверждает вышеприведенный тезис:

«Для молодого парня, наверное, это проблема.... То есть им же нужно, когда познакомишься с девушкой, тебе же нужно какой-то статус свой назвать. Вот я там.... Уууу, да ты в три смены работаешь, да ты работага. Да как это так? Да что я с тобой буду делать? Да нахрена ты такой нужен? Я тоже в своё время такие ответы получал, пока не понял, что я не хочу слышать таких ответов. Поэтому я и задавать вопрос не буду там: выйдешь ты за меня замуж...? Зачем задавать вопрос, заведомо на который я получу ответ, что... ты неудачник» (м., 33 года, слесарь механосборочных работ, завод, 2011 г.).

Здесь мы видим стратегию отказа от семейных отношений в виду

невозможности соответствовать нормативным гендерным ожиданиям, навязанным обществом. Так, маскулинная идентичность молодых рабочих оказывается поставленной под вопрос, что вызывает у них напряжение и эмоциональные переживания по поводу своей мужской состоятельности и заставляет считать себя «неудачниками». В подобной ситуации для повышения самооценки и увеличения своей символической значимости некоторые молодые рабочие инвестируют значительные средства и время в свое тело, которое в процессе труда изнашивается, механизмуется и отчуждается. Так, они пытаются осуществить субъективную социальную мобильность, которая служит средством повышения их оценки своего социального положения.

Данная стратегия создания мужской субъективности сближает молодых рабочих и офисных служащих, склонных к отправлению тех же маскулинизированных социальных практик: культурных, спортивных, сексуальных, потребительских и др. Например, молодой рабочий, занимаясь ручным трудом, получает высшее образование по менеджменту организаций. При перечислении своих увлечений он говорит, что в свободное время катается на сноуборде, горных лыжах, сплавляется на байдарках, занимается альпинизмом и конькобежным спортом, участвует в велосипедных кроссах. Наряду с этим читает художественную литературу и книги по менеджменту, слушает классическую успокаивающую музыку и занимается профсоюзной деятельностью, рассматривая свою работу на производстве как временное жизненное обстоятельство. Здесь мы можем говорить не только о стремлении рабочих с новой маскулинной идентичностью выйти из класса и совершить вертикальную социальную мобильность, но и о желании всячески копировать тот стиль жизни, который ассоциируется, скорее, с более привилегированными слоями общества. При том, что он часто требует значительных финансовых трат, выходящих за пределы их материальных возможностей, и стимулирует «жить в кредит». Однако поддержание маскулинной самооценки, все больше связанное именно со стилем потребления и инвестированием в свой внешний вид, требует подобных жертв.

Как показывает А. Каравай, опираясь на результаты количественного исследования, уровень «потребления рабочими модных гаджетов, дорогостоящей бытовой техники и автомобилей сравним с потреблением россиян, занимающих позиции среднего класса...» [6, с. 9, 10]. С одной стороны, этот вывод, подтверждает тезис о размывании классовых границ в современном российском обществе и свидетельствует о возможности социальных перемещений: восходящей/нисходящей социальной мобильности. С другой стороны, он отчетливо показывает эффекты складывающегося социального и гендерного режимов: уменьшение государственной социальной поддержки и усиление социального расслоения, продвижение идей индивидуального успеха вместо стремления к коллективным действиям, направленным на борьбу за социальную справедливость, обесценивание ранее уважаемых «мужских» профессий. В таком локальном социальном контексте классическая – лояльная по отношению к российскому гендерному порядку – маскулинная идентичность рабочих оказывается заведомо проигршной. В то время как новая маскулинность может стать основой для создания

привлекательной героизированной мужской субъективности (отличной от героизированного образа советского рабочего) посредством создания себя через взаимную поддержку и совместные коллективные действия, а не через активное потребление.

Заключение

Таким образом, комплексный сравнительный анализ интервью с рабочими, взятых в позднесоветский, перестроечный и современный периоды, позволяет увидеть набор отличающихся друг от друга нормативных моделей маскулинности. Советский гендерный порядок предполагал утверждение гегемонной маскулинности через связь с государством, понимаемым как служение высокой идее и общему благу. Рабочим в обобщенной модели советской маскулинности отводилась особая роль – не только кормильцев семьи и сильных мужчин, обладающих техническими умениями и навыками, но и «станового хребта» советского государства, его главные опоры и одновременно репрезентанта. Символический статус рабочих в этот период был относительно высок. Степень нормативности этой маскулинности была также достаточно высокой, она практически не предполагала для рабочих других способов позитивного самоутверждения (хотя в реальной жизни рабочие вполне могли вести себя – и часто вели – не в соответствии с ней, но все равно вынуждены были соотносить себя с этой моделью).

В период перестройки эта модель утратила и институциональную, и идеологическую поддержку, заставив мужчин-рабочих искать не только новые способы экономического выживания, но и утверждения маскулинной идентичности в условиях резкого снижения социального статуса. С одной стороны, эта ситуация порождала новые способы обретения субъектности и самоутверждения, т.е. давала определенную свободу по сравнению с советскими гендерными режимами. С другой – эта свобода постоянно сталкивалась с различными ограничениями: отсутствием ресурсов, дискриминаций (например, по возрасту), культурными и идеологическими вызовами.

В 2000-е и особенно в 2010-е гг. постепенно стала складываться новая государственная гендерная политика, хотя и фрагментарная, и не вполне последовательная. В этой ситуации оказалась частично востребованной модель «рабочего-государственника», напоминающая советскую, но она является ориентиром лишь для части рабочих, в основном старшего возраста, которые испытывают сложности при невозможности выполнять роль единственного «кормильца» в семье. Молодые рабочие, с одной стороны, предпринимают попытки создать маскулинность нового типа, которая включает измерение политической активности. С другой стороны, они воспринимают универсальную консьюмеристскую модель мужественности, связанную с материальным достатком, карьерным успехом, престижным потреблением, инвестированием финансовых и временных вложений в свое здоровье и внешний вид, за счет чего они стремятся символически повысить свой статус и осуществить тем самым восходящую субъективную социальную мобильность – при том, что их объективные возможности следовать этой модели достаточно

ограничены. Наряду с этим, молодые рабочие зачастую воспринимают себя «неудачниками», что выражается в ощущении ими собственного «неуспеха» и габитусной неуверенности (в терминах Мойзера). Тем не менее, мы можем предложить гипотезу о том, что представления о нормативной маскулинности у синих и белых воротничков сейчас значительно сближаются, а мужчины рабочие стремятся копировать образ жизни офисных служащих.

Список литературы

1. Ашвин С. Утверждение мужской идентичности на рынке труда современной России // Рубеж. 2001. № 16-17. С.5–24.
2. Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология социального пространства. Пер. с франц. Н. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. С. 14–48.
3. Ваньке А.В. Телесность мужчин рабочих профессий в режимах труда и приватной сферы // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2014. № 6 (1). С. 60–83.
4. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Советский этакратический гендерный порядок // Российский гендерный порядок: социологический подход. Колл. монография под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 96–137.
5. Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности. Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение. 2002. С. 432–451.
6. Каравай А.В. Заведомо проигравшие: отношение российских рабочих к ресурсам и реформы социального государства. Доклад конференции «Пересматривая профессионализм: вызовы и реформы социального государства», 21-22.05.2015.
7. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. С.127–180.
8. Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. II. Харьков: Алетейя, 2001. С. 851–879.
9. Костерина И.В. «Ботаники» против Джеймса Бонда: некоторые тренды современной маскулинности // Неприкосновенный запас. 2012. № 83 (3). С.61–72.
10. Максимов Б.И. Рабочие в реформируемой России, 1990-е – начало 2000-х годов. СПб.: Наука, 2004.
11. Мецеркина Е.Ю. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции // О муже(Н)ственности. Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 268–287.
12. СМИ не пишут о рабочих с натуры // OpenEconomy. Экспертный сайт Высшей школы экономики // URL: <http://opes.ru/1842592.html>.
13. Темницкий А.Л. Рабочие реформируемой России как объект социологических исследований // Мир России. 2006. №2. С. 79-107.

14. Уокер Ч. Класс, гендер и субъективное благополучие на новом российском рынке труда: жизненный опыт молодежи в Ульяновске и Санкт-Петербурге // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 10 (4). С. 521–538.
15. Чернова Ж.В. «Корпоративный стандарт» современной мужественности. Инструкции по созданию // Социологические исследования. 2003. №2. С. 97–104.
16. Шилина Н.А. Трансформация маскулинности в российском обществе (социокультурный анализ). Автореферат диссертации. 2005.
17. Aschwin S. Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. Ed. by S. Aschwin London: Routledge. 2000. P. 1–29.
18. Ashwin S., Lytkina T. Men in Crisis in Russia: The Role of Domestic Marginalization // Gender and Society, 2004, vol. 18, no 2, pp. 89–206.
19. Carrigan, T., Connell R., Lee J. Toward a New Sociology of Masculinity // Theory and Society, 1985, vol. 14, pp. 551–604.
20. Kay R. Men in Contemporary Russia: The Fallen Heroes of Post-Soviet Change? London: Ashgate, 2006.
21. Kiblitckaya M. Once We Were Kings': Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-communist Russia // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. Ed. by S. Aschwin. London: Routledge, 2000. P. 55–70.
22. Meuser M. Geschlecht und Männlichkeit. Soziologische Theorie und kulturelle Deutungsmuster. Opladen: Leske + Bundrich, 2010.
23. Meuser M. Modernized Masculinities? Continuities, Challenges and Changes in Men's Lives // Among Men: Moulding Masculinities. Ed. by S. Ervo, T. Johansson. Aldershot, UK: Ashgate. 2003. P.127–148.
24. Tartakovskaya I.N. The Changing Representation of Gender Roles in the Soviet and Post-Soviet Press // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. Ed. by S. Ashwin. London: Routledge. 2000. P. 118–136.
25. Van den Berg M. Subjective Social Mobility: Definitions and Expectations of 'Moving Up' of Poor Moroccan Women in the Netherlands // International Sociology, 2011, vol. 26, no 4, pp. 503–523.

Н.Н. Еремин

N.N. Eremin

Независимый исследователь социальной работы с мужчинами (Санкт-Петербург, Россия)

ОТ ПЕРВЫХ ПАПА-ШКОЛ ДО ВСЕРОССИЙСКИХ СОЮЗОВ: ХРОНИКА ПЕРЕМЕН ОРГАНИЗОВАННОЙ РАБОТЫ С ОТЦАМИ

FROM THE FIRST FATHER-SCHOOLS TO ALL-RUSSIAN UNIONS: A CHRONICLE OF CHANGES IN ORGANIZED WORK WITH FATHERS

Аннотация. В статье хронологически описывается появление в последнее десятилетие инновационных методов работы с молодыми отцами, направленных на их вовлечение в активное участие в жизни ребенка, а также новых форм участия мужчин в общественной жизни, выразившихся в создании общественных союзов/советов отцов, чья работа направлена на укрепление семьи и создание безопасной среды для детей, выделение «отцовских» направлений работы в законодательных актах региональных и федеральных органов власти.

В составленную хронику включены только те инициативы и проекты работы с мужчинами, чья деятельность носит долговременный характер и продолжается с момента появления и до настоящего времени. Приведены результаты ряда исследований, имеющих прямое отношение к изучению института отцовства. Учтены федеральные и региональные меры поддержки отцовства.

Представленная краткая хронология перемен прошедшего десятилетия обращает внимание на происходящие изменения в отношениях государственных и общественных организаций к поддержке и развитию института современного отцовства в России.

Ключевые слова: отцовство, современное отцовство, папа-школа, союз отцов

Annotation. In article emergence in the last decade of the innovative methods of work with young fathers directed to their involvement in active participation in the child's life and also new forms of participation of the men in public life shown in creation of the public unions \councils of fathers whose work is directed to strengthening of family and creation of the safe environment for children, allocation of the «fatherly» areas of work in acts of regional and federal organs of the power is chronologically described.

The made chronicle included only those initiatives and projects of work with men whose activity has long-term character and proceeds from the moment of emergence and so far. Results of a number of the researches having a direct bearing on studying of institute of fatherhood are given. Federal and regional measures of support of paternity are considered.

The presented short chronology of changes of last decade pays attention to the happening changes in the relations of the state and public organizations to support and development of institute of modern fatherhood in Russia.

Keywords: fatherhood, modern fatherhood, father-school, fathers union

«Проблема современной семьи и отцовства не является специфически детской или мужской проблемой, так как практика отцовства определяется общественными процессами.

В настоящее время в российском обществе существует потребность в грамотной пропаганде ответственного отцовства в соответствующих социальных мероприятиях» [9]

В ноябре 2018 года наступила одна дата, которая не очень широко известна, но позволила выстроить в ряд события, концептуально связанные с ней и произошедшие за последнее десятилетие. В этот месяц исполнилось десять лет новому для современной России социальному явлению, ставшему известным под названием Папа-школа и давшему толчок процессу вовлечения мужчин в активное проявление своих отцовских качеств не только в личном, но и в общественном пространстве. И хотя сейчас еще рано оценивать влияние этого явления на весь институт отцовства и происходящие в его среде процессы, я хочу предложить рассмотреть собранную мной хронологию «отцовских» перемен, впервые появившихся в общественной жизни России и получивших развитие после появления папа-школ. Это и появление новых форм участия мужчин в общественной жизни, направленных на укрепление семьи и появление «отцовских» направлений работы в законодательных актах региональных и федеральных органов власти. И есть еще одна важная особенность, в эту хронику включены только те инициативы и проекты, чья жизнь продолжается с момента появления и до 01.05.2019 года. Это позволяет продемонстрировать устойчивость произошедших изменений в деятельности мужских групп, вовлеченных в общественно-государственную работу, направленную на развитие и укрепление современного института отцовства.

2007 год: в этом году в Санкт-Петербурге начали работать первые мужские группы, работающие на принципах папа-школы: открытым разговором мужчин-отцов с мужчинами, только готовящимися стать отцами. Это был год несистематической работы, когда опробовались методики организации встреч будущих отцов в мужских группах, где они в диалоге могли бы обсудить жизненные изменения, происходящие в семье с рождением ребенка, обменяться отцовским опытом. Символично, что первым адресом папа-групп в Санкт-Петербурге стал Роддом №2 на Фурштатской, поддерживавший такой формат организации встреч будущих отцов. Большую поддержку в это время оказал и Благотворительный фонд «Теплый дом», предоставлявший возможность проводить встречи в своем помещении.

2008 год: открылась первая в России Папа-школа.

Ее открытие прошло в Центре помощи семье и детям Невского района Санкт-Петербурга в рамках программы «Воспитание отцовства», реализованной при поддержке Комитета по труду и социальной защите населения правительства Санкт-Петербурга [9]. Занятия в Папа-школе организовывались для мужчин, впервые ожидающих рождения детей. В цикл занятий включались упражнения, посвященные поддержке беременной жены, уходу за младенцем, равному разделению домашних обязанностей, изучению изменений в семье с появлением ребенка. Инновационность такой формы работы, как папа-школа, состояла в том, что групповую работу с молодыми отцами, ожидающими рождение ребенка, проводили только мужчины-отцы. Здесь стоит подчеркнуть, что в России, как и в других странах, всегда существовало множество курсов,

школ, групп, готовящих семьи к рождению ребенка, но не было школ для будущих отцов, в которых работу, направленную на воспитание отцовства, проводили сами папы. Возможно, именно эта уникальность стала причиной поддержки работы с отцами как на региональном, так и на федеральном уровне.

Открытие новых папа-групп поддерживается районными отделами социальной защиты населения города Санкт-Петербурга, Комитетом по социальной политике Правительства города.

Отметим, что за прошедшие 10 лет принцип создания строго мужской группы не стал догмой для организаторов работы с молодыми отцами. Папа-школы в Санкт-Петербурге, в других регионах страны в последние года организуются и работают по одному из двух типов. Первый тип Папа-школы – мужской дискуссионный клуб, где занятия проводят модераторы-мужчины. Здесь основная задача модератора не чтение лекции, а организация диалога участников по заявленным темам, связанным с современной ролью отца.

Папа-школы второго типа – просветительские, во время занятий мужчины получают информацию по педагогическим аспектам воспитания ребенка, консультации медицинских работников, психологов. Здесь занятия с молодыми отцами в формате лекции проводит ведущий вместе с приглашенными специалистами. Такой тип папа-школ наиболее распространен, здесь организатором и ведущим занятия может быть специалист любого пола.

2009 год: появились работающие на постоянной основе региональные Советы отцов.

Один из первых был создан в Архангельске – Совет отцов Архангельской области [14], работающий с 1 октября 2009 года. Среди других региональных советов, Архангельский получил известность тремя акциями:

- благотворительным автопробегом «Поможем детям Поморья», во время которого заранее собранные ранцы первоклассника, тетради, канцелярские принадлежности для учебы, доставляются к началу учебного года членами Совета отцов детям из нуждающихся семей, проживающим в отдаленных деревнях и поселках Архангельской области;

- ежегодным региональным форумом «Поморский папа», в последнее время приобретшим статус межрегионального;

- акцией «Письмо Деду Морозу», во время которой письма детей Архангельской области, адресованные Деду Морозу, передаются в Совет отцов, который старается выполнить детские просьбы. Так что теперь мы знаем кто Дед Мороз в Архангельске.

2010 год: издано методическое пособие «Папа-школа шаг за шагом» [5].

«Папа-школа: шаг за шагом» – это учебно-методическое пособие, обобщившее опыт практической работы с будущими отцами в котором были рассмотрены методы организации групп для молодых отцов, гендерно-ориентированные технологии групповой работы, российский и международный опыт подготовки модераторов папа-групп. Издано при поддержке ЮНИСЕФ.

Переиздано в 2011 году на английском языке под названием Father School: Step by Step [18].

2010 год: в Санкт-Петербурге опубликован первый номер «Папиного журнала» [16]. С момента своего появления «Папин журнал» ввел Россию в узкий круг стран, где есть тематические издания, посвященные отцам. В Чехии периодически издается журнал «РаТата», в Швеции – PAPPA. Пробная версия журнала для отцов «Аяй Ата» в прошлом году вышла в Киргизии.

Редакция «Папиного журнала» была и остается добрым другом папа-школ и организатором ежегодного проведения в Санкт-Петербурге «Папа-стартов», которыми горожане отмечают День отца.

2011 год: реализован один из последних проектов ЮНИСЕФ в России «Папа-школа: как создать и обеспечить работу».

Реализация этого проекта позволила провести в Северо-Западном регионе семинары по изучению практики создания папа-школ и групп для молодых отцов. Кроме того, в период с 25 октября по 27 октября 2011 опыт работы организаторов папа-школ Санкт-Петербурга был представлен на научно-практической конференции «Региональные передовые практики работы с отцами» [19] в городе Барнауле Алтайского края. Встречи с региональными активистами прошли и на межрегиональном обучающем семинаре для организаторов папа-школ, организованном Алтайским краевым кризисным центром для мужчин.

С 2012 года ЮНИСЕФ прекратил финансирование социальных проектов в Российской Федерации.

2011 год: издано пособие «Невидимые отцы» [3]

«Невидимые отцы» – это экспериментальное учебно-методическое пособие, рассматривающее практику организации социальной работы с отцами детей, родившихся у несовершеннолетних матерей. Идея оказания таких социальных услуг возникла на базе уже существующей программы Папа-школы. Организаторы папа-групп заметили, что попадающие к ним несовершеннолетние отцы чувствуют себя некомфортно и стесняются приходить на занятия, например, потому что не могут полноценно обсуждать вопросы материальной обеспеченности ребёнка или планирования своей занятости после рождения ребенка. Кроме того, не все из них были приняты семьей матери ребенка. В основе работы этой категории отцов был положен опыт занятий в папа-группах, с дополнением новыми темами занятий. Изучающим работу папа-школ известно, как правило, о темах пяти занятий с молодыми отцами. В этом пособии организаторам работы предложено 10 новых тем для обсуждения с отцами:

- Шансы семьи и ребенка;
- Разговор с родителями;
- Ее семья – твоя семья;
- Буду папой;
- Семейный кошелек;
- Первые дни;
- Заботливые родители;
- Папины заботы;
- Семья без насилия;
- Здоровье семьи.

Основное отличие работы с несовершеннолетними отцами от папа-групп – это не групповая, а индивидуальная работа.

Издание пособие профинансировано ЮНИСЕФ

2011 год: «Рожаем вместе и бесплатно»

С 01.01.2012 года вступили в силу поправки, позволившие отцам участвовать в совместных родах бесплатно. Теперь статья 51 п.2. ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» звучит так: «Отцу ребенка или иному члену семьи предоставляется право при наличии согласия

женщины с учетом состояния ее здоровья присутствовать при рождении ребенка, за исключением случаев оперативного родоразрешения, при наличии в учреждении родовспоможения соответствующих условий (индивидуальных родовых залов) и отсутствии у отца или иного члена семьи инфекционных заболеваний. Реализация такого права осуществляется без взимания платы с отца ребенка или иного члена семьи [8].

История появления этой поправки такова, предложение о внесении изменений в федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» было выдвинуто 01.07.2011 года на встрече в Смольном представителей НКО с губернатором Санкт-Петербурга В.И. Матвиенко. До 2012 года участие отца в совместных родах было возможно только за деньги. Размер сумм, выплачиваемых роддомам отцами за право участвовать в совместных родах в 2010-2011 годах, варьировался от 25000 до 80000 рублей, в зависимости от учреждения и предоставляемых им услуг. Такой порядок давал возможность быть рядом с женой в момент рождения ребенка только наиболее обеспеченным отцам, при том, что отчисления на содержание государственных медицинских учреждений все мы делаем одинаково. В.И. Матвиенко поддержала аргументацию о необходимости дать равный доступ отцам к присутствию в родильном зале при рождении их детей и донесла позицию общественников Санкт-Петербурга до Министерства здравоохранения РФ и депутатов Государственной думы [12]. Депутаты Госдумы также посчитали необходимым создать справедливые условия для отцов и ими были внесены необходимые поправки в Федеральный закон, а с 1 января 2012 года они вступили в законную силу. И хотя позже в СМИ написали, что «Петербургские папы первыми смогут бесплатно присутствовать при родах [15]», безусловно эти поправки коснулись всех российских отцов, независимо от того, в каком регионе страны они живут.

Интересное наблюдение: когда участникам папа-школ, присутствовавшим на родах, неформально задавали вопрос «зачем вы пошли в родильный зал», на первом месте стоял ответ – «следить, чтобы с женой хорошо обращались» и только потом шли ответы «поддержать жену» или «присутствовать при рождении своего ребенка».

2012 год: губернатор Санкт-Петербурга Полтавченко Г.А. подписал «Концепцию семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012-2022 годы» [6].

Институту отцовства в принятой правительством города концепции, внимание было уделено в разделе 6.4. «Развитие системы семейного воспитания, образования, формирование семейных ценностей, повышение родительской и социальной компетентности семей с детьми».

Этим разделом учреждениям города Санкт-Петербурга, работающим с семьей и детьми, независимо от вида собственности, предлагается:

- развитие программ повышения родительской компетентности и поддержки для отцов (папа-школы, клубы одиноких отцов, группы встреч и др.), повышение их доступности для молодых отцов всех районов города;
- развитие программ, направленных на укрепление ответственного отцовства, усиление роли отцов в воспитании детей;
- развитие системы первичной профилактики семейного неблагополучия и насилия в семье.

Интересный факт, несмотря на то, что в Европе существует много социальных программ посвященных отцовству, а в странах Скандинавии,

например, систематическая работа с отцами в формате папа-групп или папа-школ ведется с конца 90-х годов, принятая «Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге», в части которой отцы выделены как социальная группа с которой важно проводить работу направленную на укрепление семьи и защиту детства, оказалась среди немногих законодательных актов такого типа принятых европейскими региональными органами власти и первым таким документом принятым в Российской Федерации. После принятия Концепции, в Санкт-Петербурге некоммерческими и государственными организациями активно развивается сеть Папа-школ, отмечается «День отца», проводятся выставки, посвященные ответственному отцовству.

2013 год: в Санкт-Петербурге впервые комплексно исследуют практики работы с отцами.

Проведено исследование «Влияние гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов на трансформации ценностей и практик родительства в современной России», в которой в число исследуемых вошли участники папа-школ.

Что стало известно в результате исследования? «Семья является одной из наиболее приоритетных ценностей современных мужчин. Нормативная модель распределения обязанностей по обеспечению заботы и воспитания между родителями среди мужчин на сегодняшний день носит преимущественно традиционный характер (модель мужчины-кормильца и женщины, занятой заботами о детях), однако включает отдельные черты, характерные для более равного распределения обязанностей. Около 2/3 отцов в современном российском обществе вовлечены в практики заботы о детях [2]». Мужчины, прошедшие занятия в папа-школах, в сравнении с мужчинами в них не участвовавшими, демонстрируют более плотное вовлечение в практики заботы о детях.

Важным для организаторов школ для отцов стал вывод о том, что, влияя на практики родительства, папа-группы не оказывают влияния на ценности участников и это подтверждает возможность организации работы с мужчинами в группах отцов, принадлежащих к различным религиозным, национальным и культурным группам.

2014 год: Правительство Российской Федерации принимает «Концепцию государственной семейной политики в России на период до 2025 года» [7], в которой впервые выделены направления работы с отцами.

Раздел «Решение задачи по повышению ценности семейного образа жизни, сохранению духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании» включает в себя:

- пропаганду ответственного отцовства, материнства и формирование позитивного образа отца и матери.

А в разделе «Решение задачи по содействию в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи» Концепции говорится о необходимости:

- реализации дополнительных образовательных программ для мужчин в целях формирования ответственного отцовства, повышения социальной роли отца, вовлечения мужчин в семейные дела и воспитание детей.

Нужно отметить, что принятие Концепции государственной семейной политики в России значительно повлияло на поддержку некоммерческих организаций, работающих с отцами и семьями, о чем будет сказано ниже.

2014 год: Папа-школа попала в энциклопедию.

Авторы «Энциклопедии социальных практик поддержки семьи и детства в Российской Федерации [9]» включили в ее состав статьи, посвященные работе с отцами. Об организации работы папа-школ говорится в статье «Социальная работа с отцами. Город Санкт-Петербург». Но не менее интересны для изучения и другие практики социальной работы с отцами, представленные в статьях:

- «Работа с отцами из проблемных семей, город Санкт-Петербург», описывающая опыт работы социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Воспитательный дом»;

- «Социальная помощь одиноким отцам (практика «ответственное отцовство»), Вологодская область».

2016 год: установлено сколько одиноких отцов в России.

В декабре 2016 года Росстат опубликовал сборник статистической информации «Женщины и мужчины России. 2016» [1], в котором приведены официальные данные о количестве одиноких отцов в России. По данным Росстата в Российской Федерации проживает 648,0 тыс. одиноких отцов, воспитывающих детей в возрасте до 18 лет.

Из них:

- 544,6 тыс. одиноких отцов воспитывает 1 ребенка;

- 88,7 тыс. одиноких отцов воспитывает 2-х детей;

- 11,8 тыс. одиноких отцов воспитывает 3-х детей;

- 2,9 тыс. одиноких отцов воспитывает 4-х и более детей.

Всего же в России 5650,6 тысяч одиноких родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей.

Одинокие отцы составляют – 12,95%

2016 год: изучено «Отцовство в России сегодня» [4]

Исследование «Отцовство в России сегодня», представленное в декабре 2016 года в Москве, выполнено коллективом ученых Института Социально-экономических проблем народонаселения РАН под руководством чл.кор. РАН, профессора, доктора экономических наук Н.М. Римащевской.

Исследование посвящено изучению качества взаимоотношений между мужчинами и женщинами, состоящими в зарегистрированном или незарегистрированном браке, вопросам межпоколенческих отношений в семье и усвоению детьми моделей поведения родителей, а также роли отца в российских семьях.

Стоит отметить, что национальные доклады об отцовстве стали проводиться с представления в ООН в 2015 году глобального исследования «Положение отцов в мире» (State of the World Fathers).

В 2016 году, одновременно с российским, опубликованы аналогичные исследования:

State of America's Fathers / Положение отцов в США

State of the World's Fathers: Balkan Review/ Положение отцов на Балканах

State of Africa's Fathers / Положение отцов в Африке

State of Australia's Fathers / Положение отцов в Австралии

A Situação da Paternidade Envolvida e Não-Violenta em Portugal / Положение отцов в Португалии.

A Situação da Paternidade no Brasil / Положение отцов в Бразилии опубликовано в 2017 году.

Исследования «Положение отцов в мире» и упомянутые выше национальные исследования, включая «Отцовство в России сегодня», доступны на вебсайте Глобальной компании отцовства – MenCare a Global Fatherhood Campaign [17].

2016 год объединились Союзы отцов России.

31 мая 2016 года региональными организациями Союзов отцов, при поддержке Союза женщин России была создана Межрегиональная общественная организация поддержки института семьи и традиционных семейных ценностей «Союз отцов [11]». Организация проводит на федеральном уровне общественно-политическую работу, направленную на укрепление института отцовства и социальную поддержку семьи и детства.

2016 год: появилась Папа-школа 2:0

Методы работы с отцами модернизируется по мере приобретения практического опыта. В Санкт-Петербурге межрегиональная общественная организация поддержки семьи, материнства и детства «Врачи детям» объединила вокруг себя практиков и изучив региональный и международный опыт, создала обновленную программу организации работы «Папа-школ [20]». Проанализировав потребности отцов, теперь участникам папа-групп предлагается семь наиболее актуальных тем для занятий в «Папа-школе»:

Занятие первое «Я – папа»;

Занятие второе «Моя семья»;

Занятие третье «Права и обязанности отцов»;

Занятие четвертое «Здоровый ребёнок»;

Занятие пятое «Мой ребёнок растёт»;

Занятие шестое «Общение с ребёнком»;

Занятие седьмое «Право ребёнка на отца».

Кроме занятий в группе, папы в разделе ПапаКниги могут свободно скачать книги:

«Развитие ребенка от 0 до 1 года», «Развитие ребенка от 1 до 3 лет», «Маленькие ручки» и другие.

В онлайн режиме отцы могут задать свой вопрос специалистам: педиатру и детскому психологу. Организаторам папа-школ предлагается пройти подготовку в организации «Врачи-детям» и получить консультации практиков.

2017 год: Первый президентский!

В этом году в Архангельске разработали проект «Играем с папой [13]», включающий программу поддержки и укрепления института семьи, призывающий мужчин больше заниматься со своими детьми. Для этого некоммерческие организации города создали группы для совместных игр пап с детьми в возрасте от 3 до 14 лет. В этом же году на проводимом в Архангельске Форуме отцов был организован праздник-квест «Поморский папа», включавший в себя фестиваль совместных игр «Вместе весело играть». И этот проект стал первым «отцовским» проектом, поддержанным Фондом президентских грантов. Можно считать, что принятая в 2014 году «Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года» обеспечивает поддержку проектов некоммерческих организаций, работающих с отцами, т.к. она предусматривает:

– «поддержку некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность, связанную с пропагандой традиционных семейных ценностей, их сохранением и восстановлением, а также семейных клубов и родительских

объединений, имеющих различную целевую направленность (семейный досуг, образование, взаимопомощь, продвижение гражданских инициатив и др.) [7]»

2018 год: в конкурсах Фонда президентских грантов победили 10 «отцовских» проектов некоммерческих организаций из 9 регионов, представляющих самые разные края России [10]:

- Семейный фестиваль #ПАПАТУТ», Тюмень
- «Экранизация произведения Алтайской детской писательницы Елены Ожич – Мой папа-мальчик», Барнаул
- «Внедрение комплексной помощи мужчинам-отцам Ростовской области», Волгодонск, Ростовская область
- «Поморские мамы и папы», Архангельск
- «Быть отцом «особого» ребенка!», Азов Ростовская область
- «Вместе защитим», Нижний Тагил
- «Отцовский meet-up: культура и безопасность», Тюмень

Еще три поддержанных Фондом президентских грантов проекта представили региональные Советы отцов:

- «Папа-школа», проект Союза отцов Краснодар
- «Создание детско-родительского клуба «Игротека с папой», проект Совета отцов Новосибирской области
- «Отцовский патруль: безопасная дорога детям», проект Совета отцов Красноярского края.

Такова краткая хронология «отцовских» перемен прошедшего десятилетия, не столько подтверждающая появление и жизнеспособность новых форм работы с отцами и практик вовлечения мужчин в общественную деятельность, направленную на укрепление семьи и обеспечение безопасного детства, прошедших путь от идеи к своему воплощению, вошедшим в федеральные и региональные программы поддержки семьи, сколько обращающая внимание на происходящие изменения в отношении государственных и общественных организаций к институту современного отцовства в России.

Список литературы

1. Женщины и мужчины России. 2016: Стат.сб./ Росстат. М., 2016. С. 35.
2. Малышев А.Г. Влияние гендерно-чувствительных форм работы социальных сервисов на трансформации ценностей и практик родительства в современной России. СПб.: Тускарора; 2013. С. 66.
3. Невидимые отцы. М.: ООО «БЭСТ-принт», 2011. 112 с.
4. Отцовство в России сегодня. Москва, 2016. – 120 с.
5. Папа-школа: шаг за шагом. М.: «БЭСТ-принт», 2010. 148 с.
6. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 10 июля 2012 г. N 695 «О концепции семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012-2022 годы».
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 года № 1618-р об утверждении «Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 года».
8. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

9. Энциклопедия социальных практик поддержки семьи и детства в Российской Федерации / Под ред. Профессора Е.И. Холостовой, профессора Г.И. Климантовой. – 2-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2015. 752 с.

Интернет-ресурсы

1. Режим доступа: <https://www.президентскиегранты.рф> (обращение 30.03.2019)
2. Режим доступа: <http://www.союзотцов.рф/> (обращение 26.03.2019)
3. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/rolling_news/2011/07/110701_rn_russia_delivery.shtml (обращение 26.03.2019)
4. Режим доступа: <https://vk.com/igraemcпароу> (обращение 26.03.2019)
5. Режим доступа: <https://vk.com/club31417807> (обращение 26.03.2019)
6. Режим доступа: <http://www.gazeta.spb.ru/541967-0/> (обращение 26.03.2019)
7. Режим доступа: <https://maminpapin.com/> (обращение 30.03.2019)
8. Режим доступа: <https://men-care.org/> (обращение 24.03.2019)
9. Режим доступа: <https://men-care.org/resources/father-school-step-by-step/> (обращение 24.03.2019)
10. Режим доступа: <http://www.minsoctrud.astrobl.ru/event/ktsson-kamyzyakskogo-raiona/proshla-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-i-seminary-v-gorode-b> (обращение 30.03.2019)
11. Режим доступа: <https://papashkola.ru/> (обращение 30.03.2019)

А.Д. Иванова

A.D. Ivanova

Уфимский государственный авиационный технический университет (Уфа, Россия)

МЕТАМОРФОЗЫ ИНСТИТУТА СЕМЬИ: ОТ ПОКОЛЕНИЯ БЕБИ-БУМЕРОВ ДО ПОКОЛЕНИЯ МИЛЛЕНИАЛОВ

METAMORPHOSIS OF FAMILY INSTITUTE: FROM GENERATION OF BABY-BOOMERS TO GENERATION OF MILLENNIALS

Аннотация. В данной статье рассматривается дискредитация и деградационная трансформация института семьи в западном мире и в России, начиная с конца 1940-х годов и до сегодняшних дней. Анализируется, как на изменения семейно-брачных отношений повлияли гуманистические процессы, происходящие в обществе после окончания Второй мировой войны. Разбираются отдаленные последствия конвенций и рекомендаций, принятых Организацией Объединенных Наций в эти годы, и влияние глобального феминистского движения на насаждение и распространение гендерно-либеральной идеологии, нивелирующей традиционный брак между мужчиной и женщиной. Гендерный подход с одной стороны, не признает врожденных отличий между мужчинами и женщинами, а с другой – требует введения жестких гендерных квот на важных должностях. Изначальная подозрительность надзорных органов в отношении родителей и передача детям прав, несоизмеримых с уровнем их развития, не только деформируют юную психику, но и ставит под удар само существование и развитие института семьи, неуклонно снижая его ценность как фундаментальной ячейки общества.

Ключевые слова: поколения, семья, воспитание, гендер, феминизм.

Annotation. This article discusses the discrediting and degrading transformation of the institution of the family in the Western world and in Russia from the late 1940s to the present day. The author analyzes how the changes in family and marriage relations were influenced by the humanistic processes taking place in society after the second world war. The long-term implications of the conventions and recommendations adopted by The United Nations in those years and the impact of the global feminist movement on the planting and dissemination of a gender-liberal ideology that negates traditional marriage between a man and a woman are being examined. The gender approach, on the one hand, does not recognize the inherent differences between men and women, and on the other – requires the introduction of strict gender quotas in important positions. The initial suspicion of the Supervisory authorities of parents and the transfer of rights to children that are not commensurate with their level of development, not only distort the young psyche, but also jeopardizes the very existence and development of the institution of the family, steadily reducing its value as a fundamental unit of society.

Keywords: generations, family, education, gender, feminism.

Тревожный и пугающий факт: сегодня само «существование и развитие института семьи под ударом – снижается его ценность как фундаментальной ячейки общества. Рушится не только многовековой уклад жизни, в результате слабеет механизм воспроизводства основных человеческих ценностей, таких как самоотверженность и самопожертвование, взаимопомощь, сострадание и милосердие. В связи с этим усиливается острая необходимость воспитания и формирования семейных ценностей на всех уровнях образовательного процесса, начиная с детского сада и заканчивая вузом» [5, с. 255]. Но разрушение семьи как важнейшего социального института – это длительный процесс, связанный с разными аспектами развития общества, начавшийся в середине XX века. Проследим его основные вехи.

После второй мировой войны во всем мире растет влияние гуманистической педагогики и зарождается понятие «педоцентризма» – семья и школа начинают «вращаться» вокруг ребенка, его потребностей и желаний. Многие страны ввели обязательное базовое школьное обучение для всех детей и юные бэби-бумеры (1944-1962 г.р.) стали первым мировым поколением, получившим базовое образование. Повсеместно открываются совместные школы (в дополнение к уже существующим раздельным мужским и женским). Это вызвало кардинальные изменения в школьных программах: когда в классе сидят мальчики и девочки, сложно по-разному подходить к их воспитанию и обучению. Постепенно в обществе начинают внедряться идеи «бесполый» педагогики: дети учатся и отдыхают вместе, а, значит, на дифференциацию на половые различия и особенности развития и психики времени остается все меньше.

Подытоживая гуманистические изменения мирового сообщества, в 1959 году ООН принимает «Декларацию прав ребенка», в которой провозглашается, что человечество обязано дать детям все, что оно имеет. «Главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка» [3] – слова, наполненные любовью и заботой о детях. Но благие намерения заложили «мину замедленного действия» под будущее семьи. Много веков в традиционных семейных укладах главная роль отводилась отцу – гаранту благосостояния и безопасности рода. Он отвечал за всех и пользовался непререкаемым авторитетом и уважением. Мальчики, видя почтительное отношение к мужчине, стремились в будущем стать такими же. Но в XXI веке центральной фигурой и «главой» среднестатистической семьи стал ребенок: взрослые предпочитают готовить еду, которую он любит, выполняют его желания, смотрят телепередачи, которые ему нравятся. Ребенок, которому дают все самое лучшее, живет в расслабленно-комфортных условиях – ему не на кого равняться и нет смысла подстраиваться под чужие интересы. Ему даже взрослеть не хочется – зачем расставаться с детскими привилегиями?! Эта смена фокуса социальных приоритетов не могла пройти бесследно: мы

наградили функциями главы семьи ребенка – несформировавшуюся личность, психика которой деформируется от «свалившихся» полномочий. И, если раньше глава семьи, в первую очередь, ассоциировался с обязательствами, то сегодня это связано с неоправданными «авансными» бонусами. Поколение хиппи с девизом «Самореализация важнее социализации!» – это «первые ласточки» и плоды гуманистической педагогики. Цветастые одежды, гитара, марихуана, фенечки и старый трейлер – яркий антураж подростков, но так и не повзрослевших детей.

Также в послевоенные годы на Западе нарастает новая волна феминизма с резонными требованиями: женщины справились с мужскими функциями в тяжелое военное время, поэтому заслуживают равных с мужчинами экономических и политических прав и одинаковой оплаты своего труда. К тому же, введение для всех обязательного школьного обучения открыло большие возможности для девушек в области среднеспециального и высшего образования: с 1960-х гг. они все чаще становятся квалифицированными профессионалами, делают карьеру, а после замужества уже не спешат становиться традиционной домохозяйкой. Но массовый выход женщин на работу в перспективе принес своеобразные плоды. Если в довоенное время средняя зарплата мужчины в США и Западной Европе позволяла ему обеспечивать и содержать семью из 4-5 человек, то уже к концу XX века жизнь круто изменилась. Женщины законно требовали оплату труда, равную мужской – и они ее получили. Но по факту не женские зарплаты выросли, а мужские – упали... И сейчас все понимают, что для поддержания нормальной жизни среднестатистической семье одной зарплаты уже явно не хватает... Выравнивание окладов шло параллельно с насаждением мнимых ценностей общества потребления, доступностью бытовых кредитов и ростом налогообложения и страховых отчислений. Это все происходило небыстро и незаметно, но регулярно и планомерно. Экономическая самостоятельность работающих женщин также поспособствовала внутрисемейной конкурентной борьбе между мужем и женой и разрушению классических семейных устоев – если муж перестал быть основным кормильцем, то, значит, и главой семьи. Экономическая политика конца XX века победила эволюционное социальное развитие человечества многих тысячелетий.

Беби-бумеры, первыми прошедшие через совместное обучение и получившие возможность равного карьерного роста, также стали и первым поколением, получившим «индულгенцию» на развод – с начала 1970-х годов количество разводов по всему миру только растет. Раньше семья была базовым социально-экономическим институтом, обеспечивающим благосостояние и жизнеспособность его членов, и каждый дорожил своей причастностью к ней. Религия и государство духовно и законодательно поддерживали эту важную ячейку общества. Начиная с 1960-х, создание и жизнь семьи все чаще стали базироваться на «виртуальном» фундаменте – чувствах и эмоциях,

испытываемых супругами по отношению друг к другу. Старое, «материальное» ядро семьи было гарантией ее жизнеспособности и безопасности: давало понимание ценности вклада каждого, давала взаимное уважение, воспитывало способность уступать и принимать чужие недостатки. И, если прежде развод означал потерю основного кормильца, резкое падение уровня жизни и общественное порицание, то ныне он стал обыденным: многие женщины решаются на создание семьи и рождение ребенка лишь после того, как «станут на ноги» и будут способны сами себя обеспечить. То есть до брака они думают о том, как будут жить после развода! Этот, как говорят, «здоровый» прагматизм – опасная тенденция, демонстрирующая «болезнь» семьи и общества. Как следствие, с конца XX века идет стабильный процесс старения родителей и откладывание рождения первенца на возраст после 30 лет.

В конце 1960-х набирает силу международное феминистское движение, провозгласившее, что «в различиях между мужчиной и женщиной нет ничего естественного... психологические, социальные и сексуальные роли... это чисто культурное изобретение, придуманное мужчинами на их благо для эксплуатации репродуктивной функции женщин посредством такого «института угнетения» как брак» [1]. А уже с 1970-х годов теоретики феминизма активно насаждают понятие «гендер», чтобы отделить половые различия, обусловленные биологией, от форм поведения и качеств, которые считаются в обществе «женскими» или «мужскими». Гендерный подход не признает врожденных отличий между мужчинами и женщинами. Применяя универсальный либеральный прием, тут игнорируется не только здравый смысл и историческое развитие человечества, но и анатомо-физиологические различия (структура мозга, гормональный баланс). Но «идеологические лидеры гендер-движения, например, Джудит Батлер путаются в противоречащих друг другу высказываниях. С одной стороны, они заявляют, что «не существует мужчин и женщин, пол – это фантазия», а с другой, борются за права женщин (которых якобы не существует)» [2]. В 1979 г. под напором феминистского лобби ООН принимает Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Билль о правах женщин) [7], а вот вопрос о правах мужчин уважаемые международные организации даже не поднимали...

В 1985 году в Найроби состоялась Всемирная конференция ООН, ознаменовавшая рождение глобального феминизма и начало эры притеснения мужчин: теперь при изучении любых вопросов все международные и внутригосударственные организации, должны учитывать гендерный аспект. Прогрессивные страны начали вводить специальные гендерные квоты и вести скрупулезный подсчет, сколько женщин занимают те или иные должности, а женщины – отстаивать свое право на службу в армии и работу на тяжелых производствах (ту, против которой протестовали 100 лет назад).

Поколение X (1963-1980 г.р.) выросло на фильмах, где женщины демонстрируют свое превосходство над мужчинами, которые их недооценивали.

А с конца XX века уже не найти кинопродукции, где женщина показана слабее или глупее мужчины, зато обратных примеров не перечесть. Квинтэссенцией стала реклама: если в ролике показывают семью, то из разбирающейся во всем сообразительной мамы и недотепы-отца, над которым все потешаются и поступки которого надо исправлять и контролировать. Но это совсем не смешно – дети и взрослые, видя подобные «образцы», начинают верить, что так и должно быть. Отсюда растет женская напористость и мужская инфантильность, женское стремление к доминированию в отношениях и уход мужчин от ответственности. Стоит ли удивляться, куда делись сильные мужественные мужчины и мягкие женственные женщины?

В 1989 г. ООН принимает Конвенцию «О правах ребенка» [8], запрещающую любые телесные наказания детей. Во что же вылились её гуманные положения в жизни? Во-первых, уже во многих странах «терапевтический» шлепок по попе за то, что дитя лезет пальцами в розетку, может закончиться изъятием ребенка из семьи и серьезными санкциями по отношению к родителям (но есть важное наблюдение: чтобы уберечь своих детенышей от большей беды, все приматы (к ним относится и человек), раздают им «профилактические» подзатыльники!). Во-вторых, все дети знают «телефон доверия», куда они могут пожаловаться в надзорные органы (на всех, включая родителей) и их слово будет решающим. А серьезно обидеться на родителей можно даже по ничтожному поводу: не дают играть на компьютере или заставляют убираться в своей комнате. «В современном обществе, где права отдельной личности только растут, а ее обязательства перед обществом выводятся за скобки, формируется климат, в котором невообразимо тяжело воспитывать детей. На Западе у родителей развилась своеобразная культура отношения к детям: все завязано на них. Еще шире распространено мнение, что те, кто по отношению к своим детям никогда не вел себя как старший, кто общался с ними на их уровне, на их языке, могут называться идеальными родителями. Но такой подход взрастил инфантильных взрослых, мало чем отличающихся от собственных детей» [11, с. 23].

Российское отделение Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в 1990-х гг. распространяло по всем школам красочную листовку, где читаем: «Никто не имеет право заставлять тебя делать то, что ты категорически не хочешь. Например, переехать в другой город или поссориться с другом». Выходит, что сказать ребенку: «Это плохая компания, не дружи с ней!» – уже противозаконно! Но при жизненной необходимости родители обязаны применить к своему чаду соответствующие меры – изоляцию от маргинального окружения, запрет на посещение плохих заведений, сайтов и т.д. Это и есть концентрированное выражение ответственности за ребенка, но сегодня родители бесправны и изначально виноваты – чтобы ни произошло с их детьми дома, в школе или на улице. Социализация детей должна проходить постепенно и поэтапно, причем каждый период развития должен пролегать через институт семьи, так как именно там устанавливается необходимый базис сознательности, на котором

строится дальнейшее воспитание личности. А передача несовершеннолетним прав, несоизмеримых с уровнем их развития, деформирует неустоявшуюся юную психику.

В 1995 г. в Пекине прошла Всемирная конференция ООН по улучшению положению женщин, признавшая, что гендерное равенство является целью развития общества и надо расширить полномочия и права женщин. В итоге на рубеже веков практически во всех международных организациях окончательно утверждается новое гендерное мировоззрение, снимающее все различия между полами (т.к. эти различия выдуманы и воспитаны обществом). Проводники гендерной идеологии методично претворяют в жизнь очередные этапы сексуальной революции, изнутри разлагающей общество. С 1990-х годов их представители занимают доминирующую позицию в ООН, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, ВОЗ и ЕС. «Они поддерживают такие инициативы, полагая, что гендерная идеология с ее разрушением семьи и абортами, будет способствовать уменьшению мирового населения... Принцип прост: чем больше секса, тем меньше детей. В Европе еще никогда не было столько секса, а одновременно – так мало детей» [2].

В 1995 году приняли новый Семейный кодекс РФ, он стал первым шагом по внедрению ювенальной юстиции (ЮЮ) и, одновременно, начал планомерную дискредитацию института семьи. По Конвенции ООН в нем прописано право ребенка обращаться в суд или органы опеки при нарушении своих прав или ненадлежащем выполнении родителями своих обязанностей. А в 2002 г. приняли закон о создании ювенальных судов, идеология которых не имеет ничего общего с нашей страной, ее культурой, историей и религиозными конфессиями. Тогда же органы опеки получили право изымать ребенка из семьи. Сложно контролируемые действия ювенальной юстиции – еще одна веская причина, из-за которой нормальные люди не захотят рожать детей, если их в любое время могут отнять. В России основной удар нацелен на полноценные и, в особенности, многодетные, традиционные семьи, не имеющие высокого материального уровня (который гораздо легче поддерживают бездетные). Но принципы ЮЮ не предполагают помощь семьям в тяжелой жизненной ситуации – ни материальную, ни в трудоустройстве, ни в решении жилищно-коммунальных проблем. Таким образом, структуры, на бумаге призванные помогать семье, на деле превращаются в карательную и антисемейную.

Миллениалы (1981-2009 г.г.) – «это дети либеральных ценностей и псевдогуманистической педагогики, проповедующей вседозволенность, свободу и отсутствие контроля. Это первое российское поколение, с пеленок впитавшее понятия гендер, чайлдфри, унисекс, мультикультурализм, толерантность и политкорректность: их вообще не удивляют однополые браки, гей-парады и операции по смене пола» [5, с. 190]. Они все чаще заявляют: «семейную жизнь мы пока отложим – поживем без обязательств, «для себя» ... В итоге мы уже сейчас наблюдаем нарастающий кризис семьи и семейно-брачных отношений»

[4, с. 55].

Сегодня самый главный враг социальных реформ – традиционная семья из сильного мужественного мужчины, женственной заботливой женщины и их общих детей, рожденных в любви. Именно против семьи, как основы здорового общества, работают либерально-гендерные структуры. Например, в 2011 г. Госдеп США запретил использовать в официальных документах слова «мать» и «отец», заменив их на «родитель №1» и «родитель №2». Но у нас тоже беспокойно. «Хочешь победить врага – воспитай его детей» гласит восточная мудрость. Наших детей уже 30 лет воспитывают международные фонды и НКО – щупальца их идеологии можно обнаружить везде. Например, на международной выставке в Шанхае в 2010 году от РФ был представлен Форсайт-проект «Детство-2030». Читаем Приложение 3 «Стереотипы российского дискурса детства»:

- «Родители любят своих детей. Опросы экспертов показывают, что реальное положение дел состоит в том, что родители в большинстве своем равнодушны к своим детям и воспринимают воспитание своего ребенка, скорее, как обязанность.

- Дети должны жить в семьях. Это не так. Семейная структура резко тормозит развитие детей. В развитых странах дети вырастают в многообразной среде различных воспитательных сообществ, клубов, детских организаций и др.

- Родители знают, как воспитывать своих детей. Данный стереотип был верен в традиционном обществе, когда люди жили большими семьями, а дети участвовали в воспитании младших братьев и сестер. В современном обществе, когда процент традиционных семей составляет лишь малую долю среди других форм семейной жизни, ... данный стереотип становится абсолютно неверным» [10].

А в 2012 г. в рамках детского проекта Л. Улицкой «Другой, другие, о других» вышла книга В. Тименчик «Семья у нас и у других», предназначенная для 5-6 классов. Читаем: «у африканской народности азанде мужчинам разрешалось иметь несколько жен, но при этом другим мужчинам жен не хватало, поэтому они могли брать себе в «жены» юношей 12-20 лет... у других африканских племен, например, у нанди, приняты браки между женщинами» [9, с. 50]. Это курирует Европейский культурный парламент, а спонсирует российский благотворительный фонд «Институт толерантности», духовный преемник фонда Сороса...

На фоне обилия принятых законов, положений и конвенций гетеросексуальные молодые люди сегодня все чаще говорят об отмирании института семьи, не желают вступать в брак, не хотят быть родителями и записываются в чайлдфри. Но одновременно с этим гомосексуальные пары по всему миру добиваются прав регистрировать брак и усыновлять детей. Мир перевернулся и сошел с ума: те, кто могут создать семью и продолжать род, предпочитают жить одни и не связываться с такой «обузой», как дети. Те

же, кто по своим сексуальным предпочтениям не могут естественным путем завести собственных детей – акциями и парадами требуют узаконивания своих отношений, венчания в церкви и признания их полноценной семьей.

Все описанное – лишь малая толика той токсичной, разрушающей нормальные человеческие отношения, информационной среды, в которой с рождения живут наши дети. Они, видят это на улице и по телевизору, читают в книгах и слышат в школе – и у них вырабатывается обычное отношение к описываемым переменам в обществе. Для них это нормально. Пропаганда однополых браков и беспорядочных половых связей, культ бездетности и индивидуализма (т.н. «права человека»), целенаправленное понижение морального и интеллектуального уровня социума через СМИ и др., высмеивание и унижение людей с традиционными взглядами на семью, «демонизация» гетеросексуальных мужчин, массовая дезинформация и бесстыдные манипуляции общественным мнением – всего лишь разные типы оружия в «холодной» информационной войне против сохранения нормальных семейных ценностей. Семья – основная ячейка общества, ее уничтожение ведёт к катастрофическим и непредсказуемым последствиям, и только реальные действия по укреплению авторитета и ценности семьи могут спасти будущее России и человечества.

Список литературы

1. Бенигно Бьянко. Гендерная идеология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://credonews.org/index.php/statii/145-stati/katekhizis/trudnyevoprosy/o-cheloveke/otvechaet-o-carlos/3493-gendernaya-ideologiya>, свободный.
2. Дариуш Око. Гендерная революция [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20130312/206853289.html>, свободный.
3. Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml, свободный.
4. Иванова А.Д. Центениалы в современном цифровом мире: психолого-педагогические особенности развития // Информационные технологии обеспечения комплексной безопасности в цифровом обществе. Мат. Всеросс. мол. научн.-пр. конф. с межд. уч. (7-8 июня 2018 г.). Уфа: Изд-во БГУ. 2018. с. 53-58.
5. Иванова А.Д., Муругова О.В. Реализация профессиональных стандартов и развитие профессиональных компетенций работников социальной службы // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – Пермь: Издательство ПНИПУ, 2018. № 3. С.184-196.
6. Иванова А.Д., Шамсутдинова Д.Ф. Социальные аспекты преподавания предметов психолого-педагогической направленности в техническом вузе // Жизненный потенциал региона: социально-демографические проблемы

современного общества (Аитовские чтения). Мат. межд. научн.-пр. конф. Уфа: АЭТЕРНА, 2015. С. 255-257.

7. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml, свободный.

8. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml, свободный.

9. Тименчик В. Семья у нас и у других. М.: Эксмо. 2012. 64 с.

10. Форсайт-проект «Детство-2030» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docviewer.yandex.ru/view/366497503/?*=x8r4v527vykNYwbO0jUCpIZdGtp7InVybcI6InlhLWJyb3dzZXI6Ly80RFQxdVhFUFJySlJYbFVGb2V3cnVEcVpOcFBpeXZCSiR6RWZLaDVXT2oyRk5ZZlRCUngydIBNb0NGWkgxRlVkVFhQbldpaEljUzV4ZkxvWGhVM0hhTzRuMWhpenZraVpuVlVKekk5amtmNV9xN2tPQ2NIWkI0NzRBZGh5S1dyUkxKY0o2TWRRSGhMTkVpQkFOY2FyX3c9PT9zaWduPUxVY2I4VlliNEpyNzdLak0xT25fdDBESU9UYkU5THNxVmhhWWl2aTdJb2s9liwidGl0bGUiOiJEZXRxZdHZvLmRvYyIsInVpZCI6IjM2NjQ5NzUwMyIsInl1IjoiotM1MjE2OTcwMTU0MjgxMDgzNyIsIm5vaWZyYW11IjpmYWxzZSwidHMiojE1NTcyOTIwMjg5MTZ9&page=1, свободный.

11. Эбехард Д. Дети у власти: как мы растим маленьких тиранов, которые управляют нами. М.: Эксмо. – 2017. – 304 с.

УДК 316.42, 304.5, 316.356.2

И.В. Демичев

I.V. Demichev

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (Уфа, Россия)

ДИССОЦИАЦИЯ ФУНКЦИЙ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРА

DISSOCIATION OF THE FUNCTIONS OF THE FAMILY INSTITUTION AND THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF GENDER

Аннотация. Тезисы доклада посвящены проблеме трансформации гендера, как комплекса социальных ролей и статусов, а также культурных образов, имеющих половозрастную привязку, в контексте институциональных изменений при становлении современного общества. Базовыми подходами выступают структурно-функциональный и структурно-конструктивистский с элементами социокультурного. Семья рассматривается, как институт, обеспечивающий комплекс функций, в рамках которых социализация и инкультурация имеют вторичный характер. Развитие общества предполагает углубление и расширение разделения труда, его технологизацию и рост циркулирующих в обществе благ. Это смещает практики в публичную, субкультурную сферу и вызывает изъятие функций из института семьи. Формируются противоречия между семейными и общественными функциями, транслируемыми образами и установками, публичными и частными установками, универсальностью (в т.ч. гендерной нейтральностью) общественных отношений и субкультурной вариативностью (в т.ч. и гендерной) и т.п.

Ключевые слова. Институционально-дискурсивные структуры, институт семьи, социализация и инкультурация личности, социальные трансформации, социальные функции, современное общество, социальные противоречия, гендер.

Annotation. The thesis of the report is devoted to the problem of gender transformation as a complex of social roles and statuses, as well as cultural images with gender-age binding, in the context of institutional changes in the formation of modern society. The basic approaches are structural-functional and structural-constructivist with elements of socio-cultural. The family is seen as an institution providing a set of functions in which socialization and inculturation are secondary. The development of society involves deepening and expanding the division of labor, its technologization and the growth of circulating in society benefits. This shifts practices into the public, subcultural sphere and causes the removal of functions from the institution of the family. Formed the contradiction between the family and public functions, broadcast images and installations, public and private installations, versatility (including gender neutrality) public relations and subcultural variation (including gender), etc.

Keywords. Institutional and discursive structures, the institution of the family, socialization and enculturation of the individual, social transformation, social functions, modern society,

social contradictions, gender.

1. Если исходить из того, что гендер представляет собой комплекс ролей и статусов, привязанных к половозрастным признакам, закреплённых в культурных образах и стереотипах поведения, то формирование гендерных позиций личностью происходит в рамках общего процесса социализации и инкультурации. Институционально-дискурсивная структура в этом смысле выполняет функцию задачи нормы, индивидуальный опыт личности – реакции, причем рефлексивность личности здесь определяет индивидуальную вариативность в освоении опыта. Это обуславливает иерархическую структуру в формировании гендерных установок личности: базовая система ролей и статусов – опыт личного участия или узнавания – рефлексия опыта и индивидуальные установки.

2. В отличие от профессиональных, территориальных и стратовых установок, гендерные пронизывают все общество, лишь модифицируясь в зависимости от первых: мужчина или женщина такой-то территории, такой-то профессии и такого-то статуса. В этом смысле, гендерные установки фундаментальны и «вшиты» в нормальные институционально-дискурсивные структуры, образуя как парадигму индивидуальной жизненной траектории, так и базовый комплекс социальных и коммуникативных маркеров, выступающих ядром для организации взаимодействия. В последнем отношении они создают саму среду общения, делают ее возможной и определенной в базовом отношении.

3. Поскольку социализация и инкультурация происходит в среде личных контактов, ядром которой выступает семья, последняя выступает базовым образом для основных социально-коммуникативных практик общества. Она определяет полный спектр отношений, от рутинных и профессиональных (бытовые отношения) до экзистенциально-значимых (личные отношения членов семьи) и исключительных (например, праздники, ключевые события и т.п.). По сравнению с ней следующий круг личного общения – соседи, друзья и враги, соученики и т.п. выступают внешними и эпизодическими событиями, которые, также, воспринимаются через призму фона семейных отношений.

4. Соответственно, статусно-ролевое распределение членов семьи, реализуемое старшим поколением (родителями, родителями родителей, прочими значимыми родственниками) выступает фундаментом для индивидуального опыта личности, подвергаемого рефлексии (в том числе, оценочно-контекстной), в ходе чего складываются базовые стереотипы поведения, мышления, ценностные ориентации и т.п., определяющие характерные черты личности. Они не обязательно будут иметь комплиментарный характер – в случае негативной рефлексии, личность будет «исходить от противного» – но в любом случае будут задавать парадигму личной активности («к чему стремиться» или «чего избегать»). Внешние относительно семьи среды в этом смысле выполняют функцию проверки,

приложения и модификации такой парадигмы – и лишь в крайних случаях могут замещать ее (например, отсутствие или принципиально негативный контекст семейных отношений – при обязательном экзистенциально-значимом положительном контексте внешнего элемента).

5. Сама семья, как институт представляет собой комплекс функций и обеспечивающих практик, для которых воспитание – т.е. организация социализации и инкультурации – играет очевидно вторичную роль: на первый план выходит организация жизни членов семьи, которая, собственно, и образует основной институционально-дискурсивный фон для становящейся личности. Если «традиционная семья», т.е. семья аграрного общества, выступала «ячейкой общества» в полном смысле этого слова, реализуя основные формы практики, от хозяйственной до административной и культурной (религиозной), то «современная семья» в значительной мере такую функциональную связку утратила. Современная семья представляет собой практики по организации досуга, личных отношений (в т.ч. интимных), бытовых; остальные функции в значительной степени редуцированы и выступают дополнением для других социальных институтов и организаций. Более того, даже оставшиеся практики, пусть и основные для семьи, все больше перекладываются на смежные институты – в общем виде, внутреннее пространство семьи оказывается раскрыто и не представляет собой существенной замкнутой единицы, ни в социальном, ни в коммуникативном плане.

6. Размывание функциональной основы семьи – следствие развития и становления современного общества: углубление и расширение разделения труда, его технологизация, снижающая (а в ряде случаев, устраняющая) специфические поло-возрастные требования к функционерам, повышение производимых, распределяемых и потребляемых благ, удлинение структур производительной деятельности и т.п. В такой ситуации в значительной степени снижается «личное пространство» членов общества и их частных объединений (в т.ч. семей) – они все больше зависят от более крупных, обезличенных, сложно организованных и массивных социальных организаций и занимают в них достаточно жестко ограниченное функциями положение.

7. Технологизация практик в обществе, их стандартизация и унификация создают запрос на «среднего человека», измерением которого выступает комплекс знаний, умений и навыков, достаточных для исполнения функций (с точки зрения системы – т.е. не только формальных, но и неформальных). Масштабы циркулирующих в обществе благ делают невозможной «автаркию» частных групп. Вместе это образует специфический феномен: жесткая регламентация «производительных» практик при высокой вариативности практик «потребительских» или досуговых. Последнее, при всей своей унификации, оказывается все-таки более вариативно и изменяемо, и, по сути, регулируется только статусом в общей иерархии общества (стративное деление) – причем, чем выше страта, тем более разнообразны досуг и потребление.

8. В этом отношении, чем более развито общество – тем менее значима семья, как институт, и тем менее она способна обеспечивать функцию задачи базовых, в т.ч. гендерных, установок становящейся личности. Складывается комплекс противоречий между уже невыполнимыми функциями и необходимостью их исполнять (институционально-дискурсивная недостаточность), а также между фрагментами транслируемых в рамках семьи (всегда индивидуально-конкретных) и внешнего окружения (всегда вариативных) установками.

9. Первое противоречие определяет сопоставление субъективно воспроизводимых в личном общении членов семьи установок (в т.ч. гендерных) и установок, воспроизводимых в рамках специализированных институтов (основной пример – система образования, охватывающая все возраста становления личности, от ясельного до вузовского, т.е. включения в производительные практики). Ни одна личность – представители семьи или функционеры – не в состоянии контролировать заложенные в такие практики институционально-дискурсивные принципы и нормы; они способны лишь несколько варьировать их частным случаем или примером. Учитывая принципиально более высокий уровень организации общественных институтов, представляющих профессиональную деятельность и нормативную регламентацию, основную на отрефлексированном опыте, личные круги общения семьи могут быть альтернативны им только в условиях редкого сочетания: одновременно резко негативного контекста организации и крайне положительного контекста семьи.

10. Второе противоречие определяет содержательное сопоставление этих контекстов: в условиях принципиально высокой значимости досуговых практик, их вариативности и «адаптации под личность», ценность транслируемых в рамках семейных объединений (которые представляют собой лишь один из вариантов проведения досуга, причем, не профессионального) заведомо ниже, и всегда конкретна в силу однозначности установок данных личностей, членов семьи. Соответственно, семьи не только менее склонны становиться фокусом экзистенциального мира становящейся личности – они проигрывают в сопоставлении: чем меньше установки семьи комплиментарны досуговым субкультурам последней, тем больше она склонна отбрасывать их, и даже помещать их в негативный контекст.

11. Иными словами, чем более развито общество – тем выше роль досуговых субкультур, вариативных и экзистенциально значимых; тем ниже значимость половых признаков, которые уже менее функциональны и более экзистенциальны (или досуговых). Это определяет еще одно, базовое противоречие: между универсальными «производственными» практиками с относительно низкой экзистенциальной значимостью – и вариативными «досуговыми» практиками с относительно высокой экзистенциальной значимостью. Экзистенциальная значимость предполагает ценностное отношение к «досуговым» сообществам; масштабность общественного

пространства – склонность к «автаркии» таких сообществ; «досуговость» их характера не только означает слабую связь с «производительными» практиками, но и частный характер базовых установок.

12. В гендерном отношении это означает, что семья – и чем дальше, тем больше – перестает быть задатчиком основных образов и стереотипов поведения: фокус последнего смещается в досуговые сообщества и универсальные, а значит, гендерно-нейтральные, но и исходящие из доминирующей идеологии общества, практики. «Производительные» и обще-социальные практики осваивают в рамках «институтов образования»; досуговые – осваиваются в рамках сообществ. Гендерные установки, имеющие огромную культурную инерцию и лежащие в основе согласованных практик, теряют не только нормативную, но и экзистенциальную значимость, смещаясь из области «рутинного порядка» в область «личных отношений». Вариативность последнего и принципиально личный характер предполагает, по крайней мере, принципиальный рост конфликтности отношений, сохраняющих связь с гендерными признаками (например, профессиональных, бытовых, личных и т.п.).

13. Рост рутинной конфликтности из-за вариативности личных отношений предполагает проблематизацию статуса и образование соответствующих сообществ, что, в целом, катализирует противоречия. Если гендерные комплексы проблема, то неизбежно складываются сообщества тех, кто консервирует уже утрачивающую ценность установки; тех, кто стремится их отбросить; тех, кто распределяется между этими крайностями и сочетает консервативную и модернизационную части в том или ином соотношении. Оформление таких конфликтных сообществ предполагает следующий виток противоречий: они из личных снова становятся общественными, но на более высоком уровне. Таким образом, гендерная лабильность в конфликтном ключе обретает экзистенциальное, межличностное, институционально-дискурсивное и общественно-политическое выражение, образуя одно из измерений фундаментальных противоречий становящегося общества.

Ф.Б. Бурханова¹

F.B. Burckhanova

*Бакирский государственный университет,
Бакирский Филиал Федерального научно-исследовательского социологического
центра РАН
(Уфа, Россия)*

ГЕНДЕРНЫЙ РЕЖИМ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

GENDER REGIME IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION

Аннотация. В статье гендерные процессы в сфере высшего образования рассматриваются с позиций концепции Р.Коннела. На основании статистики, данных контент-анализа сайтов вузов и качественных интервью с женщинами, занимающими должности профессорско-преподавательского состава, анализируются три структурных компонента гендерного режима: профессиональный труд, разделение его между мужчинами и женщинами; структура руководства вузами; личные отношения мужчин и женщин на работе. Делается вывод о существенных отличиях во всех аспектах режимов начала 90-х годов и первого десятилетия 2000-х годов.

Ключевые слова: гендерный режим, система высшего образования, государственные и негосударственные вузы, профессорско-преподавательский состав, феминизация кадров, гендерная асимметрия, типы карьеры женщин, сексуальные домогательства на работе.

Abstract. The article considers gender processes in higher education from the standpoint of the concept of R. Connel. Based on statistics, content analysis of university websites and qualitative interviews with women occupying teaching positions in universities, three structural components of the gender regime are analyzed: professional work, its division between men and women; university leadership structure; personal relationships of men and women at work. It is concluded that there are significant differences in all aspects of the regimes of the early 1990s and the first decade of the 2000s.

Keywords: gender regime, higher education system, state and non-state universities, faculty, feminization of personnel, gender asymmetry, types of women's career, sexual harassment at work

Цель, задачи, теоретико-методологическая база исследования. Целью исследования является описание современного гендерного режима в сфере высшего образования. Система высшего образования рассматривалась как сфера занятости, поэтому студенты исключены из анализа.

¹Статья выполнена на основе исследования, поддержанного Московским отделением Фонда Розы Люксембург «Гендерные режимы современного общества: мозаика сценариев маскулинности и феминности», 2019 год.

Задачами являлись: охарактеризовать гендерное разделение труда; показать особенности властного порядка; описать личные отношения на работе между мужчинами и женщинами. Задачи ставились в соответствии с избранной теоретической концепцией. В основу исследования положена концепция гендерной композиции Р. Коннела. Согласно ей, гендерный режим определяется как «состояние гендерных отношений» и имеет три (или четыре) основных структурных компонента – гендерное разделение труда, организацию власти, структуру катексиса (эмоциональные отношения) и символический уровень. Р.Коннел писал: «Компактные формальные организации вроде школ, вероятно, имеют особенно очевидные гендерные режимы, но ими обладают и другие учреждения. Диффузные институты, такие как рынки, или большие и разветвленные институты, такие как государство, а также неформальные среды, такие как уличные компании ровесников, так же гендерно структурированы и могут быть охарактеризованы через свои гендерные режимы» [7].

Информационная, эмпирическая база. 1). Опубликованные данные государственной статистики 2). Контент-анализ официальных сайтов вузов и филиалов (28 организаций), работающих в Башкортостане, собраны данные о 988 человеках, относящихся к руководящему составу (ректоры, проректоры, деканы, заведующие кафедрами, их заместители); 3). Качественные интервью с женщинами, занимающими должности профессорско-преподавательского состава (всего 15, в том числе работают в вузах 9 человек, в секторе науки – 6 человек). Самой молодой 33 года, самой возрастной – 64 года. По возрасту делятся условно на «поколение учителей», «поколение учеников» и «среднее поколение». Поколения «учителей» и «учеников» входили в систему образования в разное время, в разных исторических условиях: в конце 80-х – начале 90-х и в 2000-ые. Это позволяет увидеть гендерный режим глазами респонденток в динамике.

Респондентки на момент исследования или занимали руководящую должность или имели такой опыт в прошлом. Должности: профессор, заведующий кафедрой, заместитель декана факультета, заместитель директора института, директор института. Прошлый опыт руководящей работы: заведование кафедрой, проректора вуза, исполняющего обязанности директора филиала вуза.

Основной вывод исследования: современный гендерный режим в системе высшего образования существенным образом отличается от того, который существовал в начале 90-х годов.

Для начала 90-х характерны:

- численность и доля женщин в составе ППС ниже, чем мужчин (асимметрия в пользу мужчин);
- затрудненный вход в систему высшего образования для женщин как сферу занятости из-за небольшого числа рабочих мест, неразвитости аспирантуры и ограниченного приема в нее, наличия гендерного препятствия в виде

предпочтения юношам при приеме в аспирантуру, что существовало в виде негласной практики;

- высший руководящий состав – мужской, на низовом и среднем уровне руководства – преимущественно мужской; доминирование маскулинного стиля руководства;

- трудности при продвижении на руководящие позиции женщин, торможение карьеры со стороны мужчин, (тип женской карьеры «сдерживание»), распространено мнение о том, что руководителями должны быть мужчины;

- область личных отношений характеризуется распространенностью сексуальных притязаний и домогательств.

Для второго десятилетия 2000-х годов характерны:

- гендерная асимметрия в пользу женщин в численности ППС, процесс феминизации кадрового состава;

- свободный вход в систему высшего образования как сферу занятости, в том числе через аспирантуру и докторантуру, отсутствие гендерных препятствий; рост доли женщин в числе обучающихся в аспирантуре и докторантуре. В последние годы, когда идет сокращение вузов, факультетов, кафедр, числа рабочих мест, вход становится затрудненным и для мужчин, и для женщин, примерно с 2011-2012 годов начинается сокращение приема в аспирантуру и докторантуру.

- труд ППС не воспринимается как гендерно маркированный, работа не делится на женскую и мужскую, однако женщины чаще специализируются на преподавании гуманитарных и социальных, в широком смысле дисциплин, женской работой становится и работа заместителя;

- появление запроса на женщину-руководителя, ослабление гендерного стереотипа, гендерные препятствия в должностном продвижении все еще существуют, но они ослабевают, тип женской карьеры «успешное карьерное продвижение» становится не исключительным;

- рост доли женщин на всех уровнях руководства, особенно существенный – на среднем и низовом уровне (деканы, заведующие кафедрами);

- распространенность в структуре власти модели «руководитель-мужчина, заместитель – женщина»;

- женщины-руководители привносят в руководство стиль, который отличается от мужского, главные его характеристики: вникать в детали, работать вместе с подчиненными, видеть и оценивать вклад каждого сотрудника;

- практики сексуальных домогательств перестают быть неотъемлемым элементом отношений мужчин и женщин на работе.

Результаты. Сначала охарактеризуем гендерное разделение труда, затем – структуру властных отношений, и наконец, третий аспект – личные отношения мужчин и женщин.

В развитии системы высшего образования России, и, соответственно, в динамике численности ППС можно выделить два периода – примерно

до 2008/2009 и после. В первый период – шел рост численности ППС, во второй – снижение. Причины роста численности: развитие существовавших вузов, открытие новых направлений обучения, увеличение приема; открытие новых вузов; формирование и развитие негосударственного сектора высшего образования; благоприятная демографическая ситуация, рост численности выпускников школ; высокая востребованность у населения высшего образования. Причины снижения: сокращение численности выпускников учреждений среднего общего образования, что приводит к снижению числа абитуриентов и студентов вузов; изменение государственной политики в области высшего образования, поставлена задача его оптимизации, укрепилась и ужесточилась система аккредитации, которая становится основным инструментом оптимизации.

В 1995/96 уч. году в вузах работало всего 244,4 тысячи человек, в 2007/08 году численность выросла до 388,2 тыс. человек, к 2016/17 уч. году сократилась до 261 тыс. человек. Такая динамика – рост, затем сокращение, характерна как для государственного, так и негосударственного секторов высшего образования (рис.1).

В государственных и муниципальных вузах в 1995/96 учебном году работало 240,2 тыс. человек из числа ППС, в 2009/10 году численность выросла до 342,7 тыс. человек, к 2016/17 уч. году сократилась до 242,8 тыс. человек. Таким образом, к концу рассматриваемого периода численность профессорско-преподавательского персонала государственного сектора сократилась практически до исходной. В негосударственном секторе стремительный рост численности преподавательского персонала происходил до 2007/08 уч. года: с 4,4 тыс. человек до 47,7 тыс. человек (рост в 10,8 раза). В конце рассматриваемого периода, хотя численность сократилась, здесь продолжали работать 18,2 тыс. человек, что в 4 раза больше, чем в начале периода.

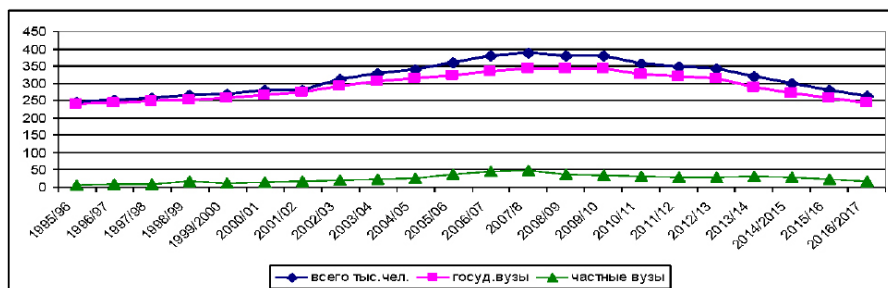

Рис.1. Динамика численности профессорско-преподавательского состава учреждений высшего образования, Россия, тыс.чел.

Источники: [2. С.96; 3.С.104; 5.С.206-207; 6.С.256-257]

Состав преподавателей по полу также сильно изменился (рис.2). Если в начале периода в нем преобладали мужчины, то к концу преобладающей группой стали

женщины. В государственном секторе высшего образования в начале периода женщины составляли 44,4%, в конце – 57,5%. Доля женщин в государственных вузах неуклонно росла все годы. В негосударственном секторе данные за 1995-1999 годы отсутствуют, в 2001/02 уч. году доля женщин уже была больше доли мужчин и составляла 56,9%, в 2016/17 – 56,6%.

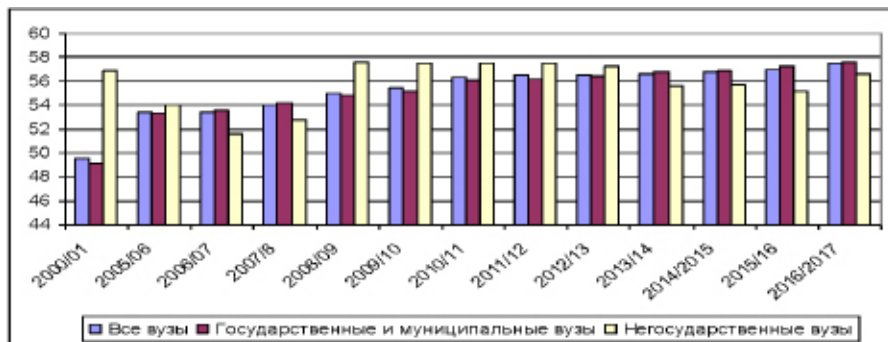

Рис. 2. Доля женщин в профессорско-преподавательском составе вузов, Россия, %

Примечание: данные приводятся без внешних совместителей и работавших по договорам гражданско-правового характера, на начало учебного года. Источники: [4.С.189; 6.С.263]

Менялся и гендерный состав работников по должностям, в том числе руководящим. К сожалению, нет данных о том, что происходило в гендерном составе до 2010 года. С 2010/11 учебного года на фоне снижающейся численности всего ППС и женщин в том числе, растет доля женщин, занимающих руководящие должности (табл.1). В 2010/11 учебном году среди заведующих кафедрами было 39,9% женщин, в 2016/17 году их стало 44,3%. Деканов, соответственно, 42,3% и 46,3%. К тому же в 2016/17 году 339 женщин занимали должность директора института (в составе вуза), они составляли 39,8% всех директоров. Доля женщин среди заведующих кафедрами и деканов неуклонно растет.

Важным свидетельством гендерных изменений является прирост числа и доли женщин, имеющих должность профессора: в 2010/11 году – 29,0%, в 2016/17 году – 34,0%. Среди доцентов, старших преподавателей, преподавателей и ассистентов женщины продолжают составлять подавляющее большинство, они занимают третья часть и более названных должностей (соответственно, 60%, 70,2%, 67,3%).

Полную динамику изменений в составе ППС по должностям по секторам высшего образования описать невозможно из-за отсутствия данных, но некоторое представление дают сведения за два учебных года (2010/11 и 2011/12 уч. годы). Негосударственный сектор показывает большую гендерную асимметрию в пользу женщин на руководящих должностях. Так, среди заведующих кафедрой в государственном секторе 38,7% женщин, в

негосударственном секторе – около 49,8%, среди деканов, соответственно, около 38,6% и 63,4%. На остальных должностях больших различий в гендерном составе работников двух секторов высшего образования не имеется.

	2010/11 уч.год		2016/17 уч.год	
	тыс. чел	%	тыс. чел	%
Деканы факультетов	2,8	42,3	1,67	46,3
Заведующие кафедрами	11,8	39,9	8,9	44,3
Директора институтов	-*	-	0,39	39,8
Профессора	11,7	29,0	12,1	34,0
Доценты	83,0	55,7	76,4	60,0
Старшие преподаватели	54,2	70,8	32,4	70,2
Преподаватели, ассистенты	37,3	68,3	18,2	67,4
Всего женщин	200,8	56,3	150,1	57,5

Таблица 1. Численность и доля женщин в составе ППС по должностям в учреждениях высшего образования, Россия, тыс.чел., %

Примечание: * – нет данных. Источники: [5.С.208; 6.С.264]

Важно посмотреть на выше руководство вузов. Опубликованные данные по таким должностям, как ректор, проректор, являются очень фрагментарными или полностью отсутствуют, поэтому невозможно надежно продемонстрировать, что на верхнем этаже руководства так же происходят изменения. По данным одного из исследований текущего года, среди ректоров 274 ведущих вузов России 54 женщины, что составляет 19,7% [1]. Данный показатель может быть оценен как большое достижение в продвижении женщин на высший уровень управления системой высшего образования. В республике 1 женщина ректор (8,3%), а среди директоров филиалов вузов их 52,9%. Женщины занимают 32,7% должностей проректоров и заместителей директоров филиалов вузов.

Деканов-женщин в республике 37,6%, заведующих кафедрами – 43,1%. Статистики о заместителях деканов и заместителях заведующих кафедрами нет. Официальные же сайты вузов тоже не дают исчерпывающую информацию. Одна из причин состоит в том, должности заместителей заведующих кафедрами практически всегда, и должности заместителей деканов в некоторых случаях, являются «неформальными». Они отсутствуют в перечнях должностей вуза, для их занятия не проводятся конкурсы, на них назначают. Функции (особенно заместителей заведующих кафедрами) выполняются без соответствующей оплаты труда.

Данные контент-анализа показывают, женщины чаще мужчин занимают должности заместителей деканов (60,8%) и заместителей заведующих кафедрами (60,0%). В деканатах они курируют все направления деятельности факультетов – учебную (66,1%), научную (62,8%), воспитательную работу (57,7%). Должности заместителей женщины выполняют даже на тех кафедрах, где мужчины имеют численное преимущество. Распространенной является

модель «руководитель – мужчина, заместитель – женщина».

Учитывая возросший за последние годы объем учебной, учебно-методической, научной, организационной, управленческой работы на кафедрах, дополнительная работа в статусе заместителя становится существенным довеском к основным функциям. Здесь видится большая социальная проблема, суть которой состоит в выполнении преимущественно женщинами большого объема неоплачиваемого профессионального труда.

Для характеристики гендерного разделения труда в вузах, важно обсуждать такой его аспект, как особенности специализации преподавателей по специальностям научных и научно-педагогических работников. Традиционно, с советских времен женщины больше занимались гуманитарными науками и меньше – техническими и естественными. Рост численности женщин в вузах и ее доли в 90-ые – начале 2000-х годов происходил по большей части за счет как раз гуманитарного направления в широком смысле, включая социальные, экономические, юридические направления. Однако приходится констатировать отсутствие опубликованных статистических данных по этому аспекту кадрового состава.

По данным контент-анализа сайтов вузов республики, на факультетах, которые готовят по гуманитарным и социальным направлениям в широком смысле, примерно каждый второй декан женщина (48,8%), на факультетах, отнесенных к группе «естественные науки», каждый четвертый (25%), а на технических факультетах – каждый пятый (22,7%). На должностях заведующего кафедрой ситуация похожая. Женщины составляют более половины руководителей гуманитарных (60,9%), третью часть – естественно-научных (33,6%) и пятую часть – технических (20,9%) кафедр.

Проведенные интервью позволили выделить следующие модели профессиональной карьеры женщин на основании мотивов и причин должностного продвижения.

«Сдерживание». Карьера характерна для поколения «учителей». Имеющие такую модель, после защиты кандидатской и/или докторской диссертации, испытывают сильное торможение карьеры со стороны непосредственного руководителя и руководителей среднего звена. Их профессиональный потенциал начинает использоваться руководством по максимуму. Они назначаются заместителями заведующих кафедрами, долгие годы занимают эти должности. Нередко им поручаются ответственные участки работы, они выполняют большой объем работы за своего непосредственного руководителя, «тащат» кафедру, отдел, «прикрывают» руководителя в разных ситуациях, в начале профессионального пути, после аспирантуры выполняют за руководителя учебную нагрузку.

С приобретением профессионального опыта, с защитой докторской диссертации делают попытки выдвинуться на более высокие позиции (заведующего кафедрой, декана), которые не только не поощряются, но

им нередко оказывается сопротивление. Иногда их используют в мужских управленческих играх. Например, респондентке Р. было предложено выдвинуть свою кандидатуру на должность декана без реальной перспективы занять эту должность для того, чтобы действующий декан, которого планировалось переизбрать снова, «получил урок». Главный фактор, препятствующий успешной карьере в данной модели – позиция «сдерживания» непосредственного руководителя и вышестоящего руководства.

«Соратница». Тип характерен для поколений «учителей» и «учеников». Представительницы данной модели занимают должности заместителей первых руководителей, заместителей руководителей подразделений или имеют такой опыт в прошлом. Они работают/работали «в паре» с мужчиной – непосредственным руководителем. Выполняют функции зама добросовестно, с большой отдачей, высокой степенью погружения в работу, ценятся своим руководителем, выстраивают с ним доверительные отношения, не проявляют амбиций относительно повышения своего должностного статуса, не стремятся к установлению широких связей за пределами своего подразделения или организации.

В ситуации реорганизации организации в целом или ее подразделений (института, факультета, кафедры), а также и замены руководителя, под началом которого они трудятся, карьера может обрываться. Вышестоящим руководством они рассматриваются как «человек прежнего руководителя».

«Заменить своего учителя». Карьера обнаружена у поколения «учителей» и ее элементы – у «учеников», в ней есть преемственность между учителем – научным руководителем и ученицей, защитившей диссертацию (диссертации) под его руководством. Мотивацией на продвижение в такой карьере выступает не столько стремление быть руководителем, сколько чувство долга перед учителем, который стремится «передать дело в надежные руки» и рассматривает свою ученицу как достойного преемника.

Показательна история респондентки Б., которая объясняет свое решение пойти на выборы заведующей кафедрой, несмотря на свое нежелание занимать эту должность: «...у меня был моральный долг его (заведующего кафедрой) поддержать и действительно заменить. Я проработала под его руководством большую часть своей профессиональной жизни, защищала под его руководством кандидатскую и докторскую, я относилась к нему с большим уважением («учителя»).

«Больше некому». Модель карьеры имеет место в филиалах вузов, где выбор кандидатур для занятия руководящей должности ограничен и большую часть профессорско-преподавательского персонала составляют женщины. Объективная ситуация, способствовавшая, такому типу карьеры: активный рост сектора высшего образования, расширение сети существовавших и открытие новых филиалов вузов, формирование негосударственного сектора высшего образования, приток женщин в состав ППС, высокий запрос в

филиалах на кадры с учеными степенями.

Характерными особенностями карьеры являются относительно быстрое продвижение к первой руководящей должности. Показательна история респондентки Л., которая работала в филиале крупного Уфимского вуза. Первую свою руководящую должность – заведующей кафедрой заняла в 31 год и после относительно непродолжительной работы на кафедре (6 лет). Состав кафедры был преимущественно женским, в конкурсе на должность заведующей, кроме нее, принимали участие еще два претендента – женщины. В период закрытия филиала заняла должность заместителя директора, а затем и исполняющего обязанности директора филиала.

«Успешное карьерное продвижение». Выявлена в обеих группах. Модель присуща женщинам с высокой мотивацией профессионального роста и карьерного продвижения. Становятся руководителями не только среднего уровня, но и высшего. Факторами, способствующими успеху, помимо мотивации, являются также: высокий личностный профессиональный потенциал, установление деловых профессиональных контактов за пределами основного места работы, не привязанность к одному месту работы, готовность к его смене и реальная смена мест работы.

Важный фактор карьерного продвижения – поддержка руководителей. Представительницы данной группы, считают, что их успешному карьерному продвижению способствуют так же и благоприятные объективные условия. На вопрос «Почему, как Вы думаете, Ваша карьера оказалась успешной, в чем факторы Вашего успеха?» одна респондентка ответила: «Мне кажется, сегодня в обществе существует запрос на женщину руководителя ...» (А., «учителя»)

Интервью показали, что тема сексуальных домогательств в системе российского высшего образования не является надуманной и незначимой. Она имеет два аспекта – сексуальные притязания по отношению к студенткам и сексуальные домогательства в преподавательской среде. Оба этих аспекта прозвучали в интервью. В силу задач исследования больший акцент был сделан на опыт женщин преподавателей.

Личный опыт столкновения с сексуальным домогательством по отношению к себе имеет каждая третья, каждая вторая рассказала реальные истории о своих коллегах. Поколение «учителей» имеет такой негативный опыт гораздо чаще, чем поколение «учеников». Истории представителей поколения «учителей» говорят о наличии в преподавательской среде этого явления как об обычной практике, как о неотъемлемом элементе отношений мужчин и женщин. Отсутствие такого личного опыта воспринимается как исключение из правил и как большая удача. Поколение «учениц» в целом более позитивно оценивает ситуацию. Но некоторые из них, все же, имеют опыт столкновения с домогательствами.

Из интервью:

– «Ну, это считалась как норма, когда во время посиделок мужчины

выпивали, оказывали знаки внимания. И не только комплименты, кто-то мог начать обнимать там, тискать и т.д.»; «У ... (называет имя, отчество руководителя) репутация однозначная. Он – любитель женщин, и любовницы у него всегда были, как правило, на рабочем месте, ... люди говорят, что мой случай уникальный, потому что до меня он не домогался никогда» (Р., «учителя»).

– «Ну, не буду называть лиц, но практически все мои руководители в той или иной форме мне это (сексуальные отношения) предлагали. ... Не скажу, что это было насилие какое-то, но это было озвучено.... Совершенно явно озвучено»; «...если честно, я думаю, что ситуация была такова, что предлагалось большинству. ... если эти предложения делались, значит, они делались не только мне...» (И., «учителя»);

Сексуальные домогательства исходят от научных руководителей в аспирантуре, докторантуре, непосредственных руководителей на работе, от руководителей диссертационных советов. Опыт столкновения с домогательством со стороны научного руководителя и одновременно председателя диссовета, приводит к негативным обобщениям о влиянии его поведения на гендерный состав защитившихся в совете: «Даже если посмотреть, кто уже защищался в 2000-ые годы, там практически не было женщин, там были все мужчины».

Сексуальные притязания проявлялись в формах от двусмысленных высказываний до прямых предложений стать любовницей, с предложением взамен покровительства, помощи, поддержки и продвижения.

Обобщая личный опыт респонденток и рассказанные ими истории о коллегах, можно выделить следующие негативные последствия домогательств: смена места работы; уход из сферы (системы высшего образования и науки); исключение организации, в которой подверглась домогательствам, из числа возможных мест трудоустройства; смена научного руководителя в аспирантуре; переживания, страхи, стресс, психологическая травма. Пример, когда домогательства оказали не только сильное психологическое воздействие, но повлияли и на дальнейший профессиональный путь: «У меня есть хорошая подруга, ... Она говорит, ее эта история (с домогательством научного руководителя) настолько сломала, что она даже порог (вуза) переступить не может. Из-за чего мне и обидно, то, что один человек может... Вот она женщина, выдающийся человек, ... она бредила тем, что она будет продолжать дело (называет фамилию ученого), ... вот заблокировалось, и все! Психологическая травма у нее... То есть, один человек, представляете, он начал олицетворять и вуз, и науку, это страшно для женщин!» (А., «учителя»).

Случаи домогательств не стали предметом жалоб, открытых обсуждений с коллегами, вышестоящим руководством, служебных и судебных разбирательств. Причины замалчивания проблемы, проявившиеся в рассказах: обыденность практик, восприятие их как нормы, преимущественно мужское вышестоящее руководство, от которого трудно ожидать понимания и адекватной реакции,

гендерные стереотипы, боязнь огласки и обвинения самой женщины.

Список литературы

1. Аргументы и факты. Еженедельник. №10, 06.03.2019.
2. Индикаторы образования: 2007: стат. сб. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 176 с.
3. Индикаторы образования: 2010: стат. сб. М.: Государственный университет – «Высшая школа экономики», 2010. 176 с.
4. Индикаторы образования: 2011: стат.сб. – М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2011. 264 с.
5. Индикаторы образования: 2013: стат. сб. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2013. 280 с.
6. Индикаторы образования: 2018: стат. сб./ В.Н. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В. Ковалева и др.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 400 с.
7. Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика/ Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2015. // Режим доступа: <https://e-libra.ru/read/486353-gender-i-vlast-obschestvo-lichnost-i-gendernaya-politika.html> (дата обращения: 20.05.2019)

УДК 316.34

И.В. Фролова

I.V. Frolova

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИУМА: ПРОБЛЕМЫ ОТОБРАЖЕНИЯ В ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКАХ

THE GENDER DIMENSION OF SOCIETY: DISPLAY ISSUES IN UNIVERSITY TEXTBOOKS

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы отображения в вузовских учебниках гендерного измерения социума. Автор опирается на работы социолога Е.Р. Ярской-Смирновой и политолога Т.Б. Рябовой, которые в середине 2000-х годов проводили специальную гендерную экспертизу учебников российских авторов по социальной работе и педагогике. Для сравнения приводится анализ учебников западных авторов – Э.Гидденса, Дж.Масниона, Д.Майерса по социологии и социальной психологии. Далее данные пособия сопоставляются с их российскими аналогами, подготовленными как 15-20 лет назад, так 5-10 лет назад. Делается вывод, что уже к

началу 2000-х годов гендерный в западных учебниках реализовывался полноценно и последовательно. Современные реалии требуют активного использования гендерной парадигмы при подготовке вузовских учебных пособий по социально-гуманитарным наукам.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the problem of displaying the gender dimension of society in University textbooks. The author relies on the work of sociologist E. R. Yarskaya-Smirnova and political scientist T. B. Ryabova, who in the mid-2000s conducted a special gender expertise of textbooks of Russian authors on social work and pedagogy. For comparison, the analysis of textbooks by Western authors – E. Giddens, J. Masionis, D. Myers on sociology and social psychology. Further, these manuals are compared with their Russian counterparts, prepared as 15-20 years ago, so 5-10 years ago. It is concluded that by the early 2000s gender in Western textbooks was fully and consistently implemented. Modern realities require the active use of the gender paradigm in the preparation of University textbooks on social Sciences and Humanities.

Ключевые слова: гендерный подход, российские учебники по социально-гуманитарным наукам, западные учебники по социально-гуманитарным наукам

Keywords: gender approach, Russian textbooks on social Sciences and Humanities, Western textbooks on social Sciences and Humanities

Антропологи, этнографы и историки давно установили относительность представлений о «типично мужском» или «типично женском»: то, что в одном обществе считается мужским занятием (поведением, чертой характера), в другом может определяться как женское. Возникло понятие «гендер», означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют в конечном счете психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин, в целом их социальную активность.

Именно поэтому для анализа социума не менее важным, чем системный, структурно-функциональный, классовый и иные подходы является гендерный подход. Причем применение данного подхода должно стать своего рода нормой для всех уровней образования, и для вузовского – в первую очередь. Это является принципиальным не только для обучающихся по программам, предполагающим подготовку специалистов, работающих в социально-гуманитарной сфере, но и для всех, кто в рамках базового компонента изучает науки об обществе – историю, политологию, социологию и т.д. Трансляция знания предполагает не только учет гендерного фактора в программе курса, но и обязательную апелляцию именно к тем учебникам, которые этот подход реализуют. Ряд российских исследователей – политолог Т.Б. Рябова и социолог Е.Р. Ярская-Смирнова проанализировали с этой точки зрения отечественные учебники. В частности, Е.Р. Ярская-Смирнова задалась такими вопросами, как: какое место в стандартных вузовских курсах занимает гендерный подход, если он вообще применяется? Какие смысловые измерения гендера используются и в каких контекстах; используется ли авторами учебников

и учебных пособий гендерная терминология (гендер, фемининность/маскулинность, сексуальность, патриархальность и т.д.) и в какой трактовке? Насколько в изложении учебного материала отражен женский/мужской опыт, а также вопросы отношений между полами? Как отражено в учебной литературе женское движение; упоминается ли в учебной литературе феминизм, в каком контексте и какие оценки ему даются? Насколько последовательно используется «гендер» или «пол» в учебной литературе – как измерение, переменная, методология анализа? Является ли язык учебной литературы гендерно-нейтральным или имеет место сексизм? [30, с.127].

Исследование Е.Р. Ярской-Смирновой посвящено гендерной экспертизе учебников в рамках специальности «Социальная работа». В его рамках было проанализировано 42 учебных пособия, большая часть которых издана с 1999 по 2004 гг. На основе скрупулезного изучения содержания и концепции всего корпуса учебной литературы, Е.Р. Ярская-Смирнова выделила четыре группы по степени присутствия категории гендера в учебном тексте. К первой группе можно отнести издания, которые умалчивают о гендере. Таких изданий оказалось 14, в их числе – пособия авторства М.В. Фирсова, В.П. Мельникова и Е.И. Холостовой [27; 12]. Причем среди анализируемых учебников были и такие, что должны были бы отражать гендерную специфику [30, с.128]. Поскольку исследование проводилось на основе анализа учебной литературы, выпущенной 15-20 лет назад, было интересно посмотреть, изменилась ли ситуация в более поздних изданиях этих авторов. Однако и в «свежих» учебниках под редакцией Е.И. Холостовой и Е. Г. Студёновой мы обнаруживаем лишь два упоминания о гендере [25].

Обращение к гендерным различиям как демографическому конструкту – отличительная черта следующей группы пособий, исследованных Е.Р. Ярской-Смирновой, в которую вошло также 14 книг. Здесь гендер играет роль переменной, от которой, как показывают авторы, зависит степень остроты социальной проблемы, уровень переживания стресса, особенности жизненной траектории и характер требуемой помощи [30, с.130]. Это пособия авторства В.А. Никитина, Л.В. Мардахаева, Ю.П. Платонова и других, причем в девяти пособиях гендер как переменная возникает внутри одного или нескольких разделов, а в пяти является структурным компонентом книги, будучи вынесенным в оглавление них [14; 10; 17].

Еще одна группа учебных пособий представлена пятью изданиями, в оглавлении которых присутствует категория гендера [30, с.134]. Однако их авторы – В.И. Курбатов, Н.А. Волгин – не всегда последовательно выдерживают гендерный подход при изложении учебного материала [21; 19].

Отдельно социолог отмечает четыре учебных пособия, посвященных вопросам, непосредственно связанным с гендерными отношениями, о чем и говорится в их названиях: семейная политика и социальная защита женщин. Авторы этих пособий – Г.И. Климантова, Т.С. Зубкова, Н.В. Тимошина.

Однако и в этих пособиях гендерный подход здесь осуществляется с позиций, связывающих проблемы семьи и детей исключительно с женщинами [7;5].

Выводы, к которым приходит Е.Р. Ярская-Смирнова, заключаются в том, что в проанализированных изданиях не использовались гендерные исследования в России и СНГ, но отчасти привлекались переводы зарубежных учебных материалов, международные и отечественные законодательные документы, этические кодексы. Технологии нондискриминационной или мультикультурной социальной работы, активной толерантности, социально-критической позиции в учебной литературе не были раскрыты [30, с.140-141].

Анализом отечественной учебной литературы занималась и Т. Б. Рябова, которая, исследуя вузовские учебники по педагогике, выпущенные в период с 1996 по 2002 годы, стремилась выявить, «в какой степени ... учитывается гендерный фактор, а также в какой мере авторами этих текстов востребованы положения исследований по проблемам гендерной педагогики и теории и методологии гендерных исследований в целом» [18]. В поле зрения исследовательницы попадают учебники, таких авторов, как Б. Лихачев, П. Пидкасистый, И. Харламов [8; 16; 29]. В результате исследовательница приходит, как и ее коллега, к неутешительным выводам – «современные вузовские учебники по педагогике написаны с совершенно определенной точки зрения, которая может быть охарактеризована как андроцентрическая». Это проявляется в игнорировании гендерных особенностей и их роли в воспитании, иначе говоря – в гендерной дискриминации. Также имеет место некорректное использование языка, что ведет к искажению истины. Все авторы воспроизводят стереотипные представления о женщине и женском начале, обеспечивающие делегитимацию женщин и консервацию их в качестве вспомогательного элемента общества. Ну и, наконец, практически игнорируется имеющийся опыт гендерных исследований в области педагогики [18, с.18].

После анализа учебников российских авторов возник резонный вопрос – как обстоит дело с переводными учебниками, посвященными социально-гуманитарному блоку. Напомним, что материал зарубежных исследователей отчасти использовались и отечественными авторами. Обратимся к трем переведенным на русский язык учебникам по социологии и социальной психологии Э. Гидденса, Д. Масиониса и Д. Майерса. Начнем с «Социологии» Э. Гидденса, а именно второго издания на русском языке, выполненного по четвертому английскому изданию.

Гендерный подход последовательно применяется в учебнике, о чем специально упоминается в предисловии к книге. «Изучение гендера, – указывает автор, – обычно не рассматривается как особая область в пределах социологии в целом – и в данной книге есть отдельная глава, в которой обсуждаются теории и исследования по проблемам гендера. Однако гендерные отношения являются настолько фундаментальными для социологического анализа, что их

нельзя просто передать в ведение какого-то одного подраздела социологии» [4, с.16]. Действительно, глава 5 «Гендер и сексуальные отношения» специально посвящена целому спектру вопросов, включая гендерные различия, перспективы гендерного неравенства, гендерные отношения и т.д. [4, с.100-131]. Гендерная терминология применяется Э. Гидденсом в полном объеме, но для понятий фемининность/маскулинность в русскоязычном издании используются аналоги – мужественность/женственность.

В изложении учебного материала автор уходит от андроцентризма, занимает объективную позицию и учитывает женский опыт – это мы видим, в частности, в главе, посвященной социологии тела, где увязываются проблемы здоровья и гендера [4, с.137-138]; в главе о преступности и девиантном поведении, где автор, опираясь на исследования феминистов, с одной стороны, делает проблему женской преступности более «видимой», с другой – уделяет внимание преступлениям против женщин [4, с.200-204]. Рассуждая о классах, стратификации и неравенстве, Гидденс снова делает необходимый акцент на вопросах определения классовой принадлежности женщин, влияния женского наёмного труда на классовое расслоение [4, с.266-267], а, излагая материал главы о современных организациях, отдельно останавливается на теме женщин в менеджменте [4, с.321]. Существенное внимание уделяется проблеме гендерного измерения вопросов труда и экономической жизни в контекстах «женщина-работа» и «женщина-семья» [4, с.344-359], гендеру и образованию [4, с.450-452], гендеру и религии [4, 472-474].

Феминистская позиция и ее методологические особенности также находят отражение в учебнике Э. Гидденса – в частности, в главе «Семья» мы обнаруживаем среди теоретических взглядов на семью и феминистские подходы [4, с.157-158]. Язык изложения материала – гендерно-нейтральный. Думается, что учебник Гидденса – это образцовый пример учебника нового типа, учитывающего реалии сегодняшнего дня.

Важную оговорку делает в первой методологической главе своей «Социологии» другой известный социолог современности – Д. Масионис. Характеризуя социологический метод, он пишет о том, что «социологический взгляд на мир заставляет нас осознать и важность гендера» [11, с.25]. И осознание важности этого постулата мы можем проследить во всем изложении учебного материала. В частности, в главе, посвященной социологическим исследованиям, Масионис отдельно останавливается на гендерных аспектах, стараясь последовательно проводить в учебнике принципы гендерно-нейтральной методологии [11, с.68-69]. Рассматривая разные парадигмы и концепты социализации, Масионис, наряду с подходами З. Фрейда, Ж. Пиаже, Л. Колберга, Дж. Г. Мида и Э. Эриксона выделяет и подход К. Гиллиган, учитывающий гендерный фактор [11, с.177-178]. В главе, посвященной социальному взаимодействию в повседневной жизни, гендерные аспекты рассматриваются как в контексте самопрезентации, так и в фокусе языковой

реальности [11, с. 213-216]. В разделе, анализирующем формальные организации, Масионис также делает акцент на их эволюции с учетом таких факторов, как раса и гендер [11, с. 246], и, аналогичным образом, рассматривает соотношение девиантности и гендера [11, с.280]. Рисуя картину социальных классов в США, Д. Масионис затрагивает вопросы гендера применительно к социальной стратификации; к положению и различий, порождаемых классами и к социальной мобильности, а затем и к проблеме бедности [11, с.372, с.380, с.383].

Специальная глава – «Гендерная стратификация» – охватывает проблемы гендера и неравенства, гендера и социализации, гендера и стратификации, а также обобщает материал по теоретическому анализу гендера [11, с.431-466].

Также гендерные аспекты вынесены отдельно в обсуждение главы, посвященной семье, где они представлены при анализе специфики американских семей, а также в материал главы о социальных движениях, где препарируется гендерная составляющая социальных движений [596, 709].

Дэвид Майерс в своем интенсивном курсе по социальной психологии, очерчивая ее предметную сферу, пишет об основных вопросах, на которые она призвана ответить. Один из них – насколько сильно воздействие наших гендерных ролей?» [9, с. 35]. Не случайно один из модулей раздела, посвящённого социальному влиянию, называется «Пол, гены и культура», а речь в нем идет де-факто о гендерных различиях в контексте социального доминирования, соотношения эволюции и пола, а также культуры и гендерных ролей [158-175]. В разделе, посвященном социальным отношениям, в рамках модуля о проблемах неприязни к похожим на нас рассматриваются и гендерные предрассудки [9, с. 291-294], а в рамках модуля о влиянии массовой информации на поведение – агрессия против женщин [9, с. 345]. Отношения между полами с учетом гендерного фактора анализируются в модулях, направленных на изучение «кто кого любит» и «взлетов и падений любви» [9, с.425-426]. На протяжении всего изложения учебного материала автор использует понятия «гендерные предрассудки», «гендерные различия», «гендерные роли», «гендерные стереотипы».

Завершая обзор переводных учебников, можно констатировать, что уже к началу 2000-х годов гендерный подход в них реализовывался полноценно и последовательно. Если же мы обратимся к их российским аналогам – учебным пособиям по социологии и социальной психологии авторства таких отечественных ученых и педагогов, как Ю.Г. Волков, С.С. Фролов, А.М. Столяренко [2; 28; 24], то увидим совершенно противоположную картину, когда гендерный подход просто игнорируется. И даже сегодня, анализируя учебные пособия по социологии, вышедшие за последние пять лет, мы можем с грустью констатировать, что ситуация либо не изменилась, либо изменилась незначительно. В большинстве пособий по социологии гендер по-прежнему не упоминается, а в тех, где упоминается, это носит во многом формальный характер – термин расшифровывается, основные понятия прописываются, но реальной методологической силой этот подход не обеспечен [15; 22]. Движение вперед, тем не менее, можно усмотреть в появлении специальных учебников, посвященных гендерной психологии, а также в обновлении и переиздании пособий, посвященных феминологии и гендерной политике [1; 6]. Последнее,

правда, декларируя приверженность гендерной политике, концентрируется преимущественно на описании женской включенности в разные сферы жизни общества, а не на анализе предпочтений и препятствий в разных сферах жизни для представителей разных полов [6].

Общий вывод напрашивается автоматически – современные реалии требуют активного использования гендерной парадигмы при подготовке вузовских учебных пособий по социально-гуманитарным наукам. В противном случае отображение социальной действительности будет искаженным или неполным. Как мы уже подчеркивали выше, это требование необходимо реализовывать не только в учебных планах обучающихся по программам, предполагающим подготовку специалистов, работающих в социально-гуманитарной сфере, но и для всех, кто изучает историю, политологию, социологию, социальную психологию и другие науки об обществе и человеке.

Список литературы

1. Бендас Т. В. Гендерная психология: Учебное пособие. СПб., 2006.
2. Волков Ю.Г. Социология: Лекции и задачи. М., 2003.
3. Волков Ю.Г. Социология: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2017.
4. Гидденс Э. Социология/ При участии К. Бердсолл: Пер.с англ. Изд-е 2-е, полностью перераб. и доп. М., 2005.
5. Зубкова Т.С., Тимошина Н.В. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семьи. М., 2003.
6. Зуйкова Е.М., Ерусланова Р.И. Феминология и гендерная политика. М., 2007.
7. Климантова Г.И. Государственная семейная политика современной России. Учеб. пособие. М., 2004.
8. Лихачев Б. Педагогика: Курс лекций. М., 1996.
9. Майерс Д. Социальная психология. Интенсивный курс. СПб., 2002.
10. Мардахаев Л.В. Социально-педагогическая реабилитация детей с ДЦП. Учеб. пособие. М., 2001.
11. Масионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб., 2004.
12. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России. Учеб. пособие. 2-е изд. М., 2002.
13. Мкртчян, Е.Р. Основы социологии: учебное пособие. Волгоград, 2017.
14. Никитин В.А. Социальная работа: проблемы теории и подготовки специалистов. Учеб. пособие. М., 2002.
15. Нурышев Г.Н., Бразевич Д.С. Социология: Учеб. пособие. СПб., 2010.
16. Педагогика / Под ред. П. И. Пидкасистого. М.: Педагогическое общество России, 2002.
17. Платонов Ю.П. Основы этнической психологии. Учеб. пособие. СПб., 2003.
18. Рябова Т.Б. Гендерная экспертиза вузовских учебников по педагогике// Женщина в российском обществе.2005. № 3. С.7-18.

19. Социальная политика. Учебник / Под ред. Н.А. Волгина. М., 2002.
20. Социальная психология: Учеб. пособие для вузов /Под ред. проф. А.М. Столяренко. М., 2001.
21. Социальная работа / Под общ. ред. проф. В.И. Курбатова. Ростов н/Д, 1999.
22. Социология. Конспект лекций. Казань, 2014.
23. Социология: учебник для академического бакалавриата / А.Е. Хренов [и др.]; под общ. ред. А.С. Тургаева. М., 2017.
24. Столяренко, Л. Д. Социальная психология: учеб. пособие для СПО / Л.Д. Столяренко, В. Е. Столяренко. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
25. Теория социальной работы: Учебник для магистров. Под общ. ред. Е.И. Холостовой, Е. Г. Студёновой. М., 2018.
26. Теория социальной работы: учебник. Под ред. В.И. Жукова. М., 2011.
27. Фирсов М.В. История социальной работы в России. Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2001.
28. Фролов С.С. Социология: Учебник. 4-е изд., стереотипное. М., 2003.
29. Харламов И.Ф. Педагогика. М.: Юрист, 1997.
30. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная работа: гендерный анализ учебной литературы// Высшее образование в России. 2004. № 10.

УДК 316.44

Е.В. Горбачева

E.V. Gorbacheva

Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург, Россия)

ЗНАЧЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ КАТЕГОРИЙ «МАСКУЛИННОСТИ» / «ФЕМИНИННОСТИ» В ПРОЦЕССАХ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

THE VALUES OF THE GENDER CATEGORIES OF «MASCULINITY» / «FEMININITY» IN THE PROCESSES OF CONCEPTUALIZATION OF REALITY

Аннотация. В статье проанализированы основные современные положения для формирования категорий маскулинности и фемининности в процессах концептуализации действительности. Определено, что для современной действительности, значение данных категорий определяет когнитивное содержание гендерных эталонов и стереотипов.

Ключевые слова: концептуализация, категории, маскулинность, фемининность,

андрогинность, гендерные роли, гендерные стереотипы.

Annotation. The article analyzes the main modern provisions for the formation of categories of masculinity and femininity in the process of conceptualization of reality. It is determined that for modern reality, the value of these categories determines the cognitive content of gender standards and stereotypes.

Keywords: conceptualization, categories, masculinity, femininity, androgyny, gender roles, gender stereotypes.

Постановка научной проблемы и ее значение. Новейшие концепции, сформировавшиеся в лингвистике вследствие привлечения к лингвистическому описанию данных психологии, культурологии, философии и ряда других антропоориентированных наук изменили взгляд на традиционный когнитивный подход, при котором познание – это формирование новых ментальных репрезентаций, отражающих реальность. Согласно концепциям, возникшим под влиянием трудов Х. Матураны, Дж. Лакоффа, а также переосмысление идей Е. Гуссерля и М. Хайдеггера, основная функция языка состоит не столько в передаче информации и осуществлении референции к независимой от него реальности, сколько в ориентации личности в ее собственной когнитивной базе. Язык, следовательно, рассматривают как систему ориентированного поведения, в котором коннотация играет решающую роль. Поэтому значимость индивидуальных параметров говорящего субъекта существенно возрастает. Пол человека – одна из его важнейших и экзистенциальных, и общественно значимых характеристик, во многом определяющая социальную, культурную и когнитивную ориентацию личности в мире, с помощью языка [4, 111].

Анализ последних исследований по этой проблеме. Существует ряд работ отечественных ученых, в которых освещены отдельные лингвальные проявления гендера. О. Л. Бессонова (2002) изучала гендерные аспекты оценочного тезауруса; О. В. Дудолодова (2002) – гендерные аспекты речевого взаимодействия; А. П. Мартынюк (2006) исследовала гендерные репрезентации в англоязычном дискурсе. Работы Н. Д. Борисенко (2007) посвящены гендерному анализу в лингвистике и исследованию гендерно-маркированной лексики в англоязычном дискурсе. Ю. П. Маслова (2010) разработала модели гендерной идентичности мужчины и женщины.

Формулировка цели и задач статьи. Целью работы является изучение значения гендерных категорий «маскулинности» / «фемининности» в процессах концептуализации действительности.

Изложение основного материала.

Как гендерные категории «маскулинность» (латин, *masculus* – мужской; здесь – мужество, сила) / «фемининность» (латин, *femina* – женщина, самка; здесь – женственность) имеют по крайней мере три разных значения:

1. Маскулинность/фемининность как дескриптивная, описательная категория обозначает совокупность психических черт, свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам/женщинам в отличие от женщин/мужчин.

2. Маскулинность/фемининность как аскриптивная категория обозначает один из элементов символической культуры общества, совокупность социальных представлений, установок и верований о том, чем является мужчина/ женщина, какие качества ему приписываются.

3. Маскулинность / фемининность как прескриптивная категория означает систему указаний, подразумевающую не заурядного, а идеального мужчину (идеальную женщину), то есть представляет собой нормативный эталон мужества / женственности.

Высший уровень родства черт маскулинности и феминности, достигнутый одним лицом, удостоверяющим ее андрогинность (греч. androgynos – двуполой). Маскулинность, феминность и андрогинность является предпосылками определенной модели социального поведения. Андрогинное лицо имеет больший выбор вариантов моделирования поведения, более гибкого в отношении социального приспособления. Профессор психологии Сандра Бем объясняла андрогинность как индивидуальную способность лица в зависимости от конкретных ситуативных условий действовать одновременно по-женски и по-мужски [6].

Фемининность – не чисто женская черта, так как и маскулинность – не сугубо мужская, как это закрепилось в нашем сознании, перегруженном различными стереотипами. Это определенные способы осмысления и восприятия реальности. По мнению теоретиков феминизма, «фемининность – это произвольная категория, которой женщину наделил патриархат, это характерные формы поведения, которых ожидают от женщины в данном обществе» [2]. Маскулинность трактуется как традиционный мужской способ бытия (ориентированный на доминирование), мужские ценности, общественные мужские роли (кормильца, защитника, опекуна, руководителя). Существует несколько теорий, объясняющих сложившуюся в когнитивной базе дихотомии «фемининность – маскулинность»:

- биологический детерминизм, опирающийся в своих обоснованиях на теории биологического диморфизма (указывают на существование различий между самками и самцами любого биологического вида);

- психоаналитический подход, по которому различие мужского и женского характеров трактуют как неизбежное следствие особенностей половой идентичности ребенка в процессе взаимодействия с родителями;

- социально-психологические концепции, сторонники которых рассматривают маскулинность и фемининность как производные от существующих в обществе гендерных ролей, норм и стереотипов, детерминированные прежде всего социокультурно и насаждаемые индивиду в процессе социализации;

- постмодернистские концепции, сторонники которых обращают внимание на расовые, классовые, этнические различия в формировании и проявлениях фемининности и маскулинности [1].

Считаем, что наиболее целесообразным является теория объяснения дихотомии «феминность-маскулинность», согласно которой гендерные различия (выбор гендерных «норм» поведения в эмоциях, активности/пассивности, субъективности/объективности и т. п.) является в первую очередь результатом особенностей социализации, различия социальных ролей мужчин и женщин, хотя и другие теории имеют смысл относительно гендерных идентичностей.

Вследствие структурирования социокультурных категорий маскулинности и фемининности в процессах концептуализации действительности формируются два основных типа гендерных установок – патриархатные и феминистские. Ассоциативные связи таких процессов в основном базируются на андроцентрических мифах, сказках, суевериях и т.п. Соответственно, маскулинность ассоциируется с силой, жестокостью, а фемининность – с мягкостью и нерешительностью.

На основе анализа произведений литературы XX-XXI вв. мы выделили характерные черты референтов мужского и женского пола, раскрывающие сущность категорий маскулинности и фемининности в процессах концептуализации действительности.

Для патриархальных установок характерны следующие особенности:

- 1) убеждение, что в общественных и семейных отношениях должно существовать жесткое разделение мужских и женских ролей;
- 2) взгляд, согласно которому мужчине принадлежит ведущая, активная роль в семье и обществе, а женщине – подчиненная, пассивная;
- 3) убеждение, что жизненные ценности женщин и мужчин различны: семья и любовь – главные ценности для женщин; дело, работа, самореализация вне семьи – ценности мужчин;
- 4) предпочтение семейным отношениям, в которых мужчина – глава семьи, который вносит основной вклад в бюджет семьи;
- 5) приписывание женщине в качестве главной ее роли в обществе роли матери, т. е. поведения, связанного с рождением и воспитанием детей;
- 6) осуждение поведения женщины, в которой доминируют ориентации на самореализацию вне семьи, на карьеру, профессиональные достижения;
- 7) представление о том, что патриархальная модель общества естественна, обусловлена биологическими различиями полов;
- 8) осуждение равных прав женщины и мужчины.

Феминистские установки сознания содержат в себе следующие аспекты:

- 1) осуждение использования биологических половых различий для внедрения жестко закрепленного, подчиненного положения женщины в семье и обществе;
- 2) неприятие существования в семье и обществе строго закрепленных мужских и женских ролей;
- 3) осуждение разделения сфер общественной жизни на мужские и женские;
- 4) убеждения, что женщины и мужчины в современном обществе имеют не одинаковые возможности для самореализации в различных сферах, и такое положение признается несправедливым;

5) принятие образа женщины (гендерного идеала), главными чертами которого являются энергичность, активность, уверенность в себе, стремление к свободе и независимости, деятельность в различных сферах общественной жизни;

6) взгляд, согласно которому для женщины высокую ценность имеют профессиональные достижения, карьера, раскрытие собственных возможностей и способностей, стремление к самореализации;

7) предпочтения семейным отношениям, которые не обязывают женщину всю себя отдавать заботе о других;

8) взгляд на воспитание детей, по которому общество должно максимально стремиться к равному участию отцов и матерей в жизни ребенка;

9) осуждение отношения к женщине как к субъекту сексуального угнетения;

10) неприятие двойных стандартов в общественной морали в оценке поведения мужчин и женщин в различных сферах жизни.

В бытовом сознании превалирует биполярное, дихотомическое понимание маскулинности и фемининности, что напрямую зависит от биологического пола, диктующего личностные характеристики, внешность, поведение, одежда, увлечения, интересы, профессиональные занятия, образовательные специальности, сексуальные и межличностные отношения мужчин и женщин. Стереотипы приписывают женщинам пассивность, послушность, эмоциональность, склонность к кооперации, ориентирование на людей. Женщина должна заниматься бытом. К истинно мужским качествам относят агрессивность, стремление к лидерству, рациональность, соревновательность, ориентация на вещи (инструментальность). Относительно преимуществ – мужчины стремятся к власти, ценят компетентность, мастерство и достижения. С другой точки зрения, мужчины бывают совершенно послушными подчиненными (даже если начальник – женщина), а мужчины-художники (в широчайшем смысле этого слова) ценят красоту не меньше женщин. С другой стороны, женщинам никак не обойтись без проявления лидерских качеств, например, во взаимодействии с детьми, да и красоты в любой сфере нельзя достичь без компетенции и мастерства.

В современном обществе повсеместно встречаются индивиды, которые не вписываются в рамки устоявшихся гендерных моделей, а определяют себя в измерениях маскулинности/фемининности не в чистом виде, а в смеси того и другого. Например, женщина может считать себя полностью фемининной, но при этом иметь такие маскулинные черты как рациональность, спортивность и склонность к техническим видам профессиональной деятельности: инженер, программист или водитель. А мужчина без всякого вреда для своего мужества может испытывать склонность к «женским» занятиям вроде воспитания детей, шитья или приготовления пищи.

Гендерные черты многогранны и многомерны, фемининность и маскулинность – это не два противоположных полюса одной и той же оси, как свидетельствует американская исследовательница С. Л. Бем [6]. Скорее всего – это две разные и независимые шкалы, два разных измерения человечности. С точки зрения многих социальных психологов, люди, которые имеют высокие показатели по обоим измерениям, – полные, целостные человеческие существа. Те, у кого низкие показатели по обоим измерениям, относятся к психологически нейтральным, или незрелым личностям. Разница и дополняемость гендерных

ролей – это символ взаимозависимости мужчин и женщин.

Исследования последних лет отмечают устойчивую тенденцию во многих регионах мира к сближению стандартов поведения мужчин и женщин, образов маскулинности и фемининности. Эту тенденцию, как уже отмечалось, называют андрогинной. Хотя эта новая мировая гендерная тенденция весьма противоречива. Прежде всего, определенное сближение стандартов поведения мужчин и предопределяет несет немало позитивных импульсов, поскольку способствует их гуманизации и взаимообогащению. В то же время исследователи обращают внимание на то, что сближение образов маскулинности и феминности часто приводит к потере лучших их составляющих компонентов [2, 198-210].

Любые фигуранты в системе гендерных взаимосвязей склонны идентифицировать себя с определенными образами и стереотипами маскулинности и фемининности. В этих ориентациях на сегодня достаточно рельефно проявляются известные расхождения между устойчивыми традиционными представлениями (они воспроизводятся в системе субъект-объектных отношений) и модернизационными, в которых постепенно усиливается удельный вес андрогинных представлений (как результат социальной динамики, свойственной гендерному деятельности). Однако это вовсе не означает, что социум поставил себе цель достичь абсолютной гендерной симметрии. Даже если бы это было так, успешность такого проекта без существенных на биологическом уровне изменений мужчин и женщин просто недостижима.

Список литературы

1. Краткий словарь когнитивных терминов / [Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина]; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. 245 с.
2. Самыгин С.И. Любовь глазами мужчины / С. И. Самыгин. Р н/Д: Изд. центр «МарТ», 2000. 224 с.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: [науч. пособие] / В.Н. Телия. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 288 с.
4. Феминность и маскулинность // Независимый культурологический журнал «I». – 2003. – Ч. 23. 151 с.
5. Фромм Э. Мужчина и Женщина / Э. Фромм. М.: АСТ, 1998. 512 с.
6. Bem S. L. Dismantling gender polarization and compulsory heterosexuality: Should we turn the volume down or up? / S. L. Bem// Journal of Sex Research. Vol. 32, 1995. – P. 329-334.

РАЗДЕЛ 2
ПОСТСОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ
РЕЖИМОВ: НАПРАВЛЕННОСТЬ И СПЕЦИФИКА

УДК 316.344

А.В. Очкина

A.V. Ochkina

Пензенский государственный университет (Пенза, Россия)

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЖЕНСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СТЕРЕОТИПЫ ПОВЕДЕНИЯ И
ВОСПРИЯТИЯ, ШТАМПЫ СМИ И ПОПКУЛЬТУРЫ

MYTHOLOGIZATION OF FEMININITY IN MODERN RUSSIAN
SOCIETY: STEREOTYPES OF BEHAVIOR AND PERCEPTION,
STAMPS OF THE MEDIA AND POPCULTURE

Аннотация. Статья посвящена трансформациям феномена женственности в современном российском обществе. Автор использует данные социологических исследований и анализа информационного пространства для выявления содержания и функций мифа и стереотипа женственности в современном обществе.

Ключевые слова. Фемининность и маскулинность, социальные стереотипы, гендерные роли, феминизм, биологическая судьба

Annotation. The article is devoted to the transformation of the phenomenon of femininity in modern Russian society. The author uses data from sociological research and analysis of the information space to identify the content and functions of the myth and stereotype of femininity in modern society.

Keywords. Femininity and masculinity, social stereotypes, gender roles, feminism, biological fate

Феномен женственности, фемининности — одно из центральных понятий гендерных исследований, одно из самых любимых и в то же время трудноуловимых явлений. Самое сложное — разграничить женственность как систему требований к образу жизни и поведения женщин, связанные с их положением в обществе, и женственность как характеристику женской личности вне зависимости от её общественного положения и рода занятий. Сегодня такое разграничение особенно актуально, так как во многих обществах положение женщин поменялось столь значительно, что «женский мир», мир женственности, как замкнутое социальное пространство попросту перестал

существовать.

Исследователи, работающие в рамках феминистской традиции, признают существование доминантой фемининности (как антипод доминантной маскулинности) [2, 3, 5] и рассматривают её как часть системы угнетения женщин, конструкт патриархального общества, эксплуатируемый сегодня современным обществом потребления. Главные теоретики феминизма второй волны, Симона де Бовуар и Бетти Фридан, поставили под сомнение существование какой-то особой женской природы за пределами биологии вообще и утверждали, что любые рассуждения на тему женской природы есть уже проявление интеллектуального сексизма, поскольку женщину с её особой природой просто «придумало» для своего удобства маскулинно ориентированное общество.

Итальянский исследователь, теоретик современного западного феминизма, Сильвия Федеричи, в своей работе «Калибан и Ведьма», пишет, что если «... женственность была сконструирована в капиталистическом обществе как рабочая функция, маскирующая производство рабочей силой биологической судьбой, то женская история становится классовой историей, а вопрос, который должен быть задан, звучит так: преодолел ли кто-нибудь половое разделение труда, которое произвело эту концепцию?» [7. С. 15-16.] Известная феминистка непосредственно связывает женственность с местом женщин в общественном разделении труда, куда она включает и репродуктивный труд. У Федеричи, таким образом, женственность становится социальной, даже классовой, формой дискриминаций женщин. Женственность понимается итальянской феминистской как своего рода приводной ремень, с помощью которого общество удерживает женщин в рамках репродуктивного труда.

В научных концепциях, как феминистских, так и анти-феминистских, присутствует отчётливая бинарность в рассмотрении феминности и маскулинности, которые понимаются как противоположности, отражающие бинарность положения полов в обществе. Согласно представлениям Симоны де Бовуар и Бетти Фридан такая бинарность носит принудительной, дискриминационный по отношению к женщине характер. Сильвия Федеричи обращает внимание на связь дискриминации женщин с их привязанностью к репродуктивному труду. У Вирджинии Вулф концепт женственности создаёт объективные и субъективные препятствия для творческой самореализации женщин. [1] В исследованиях, выполненных вне феминистской парадигмы, или построенных на основе консервативной идеологии, женственность связывается с семейными ролями женщин и, особенно, с материнством. В любой из этих парадигм женственность разрушается при изменении социальной роли женщины, при вовлечении её в профессиональную и общественную жизнь, в результате установления хотя бы частичного гендерного равенства.

Здесь, на мой взгляд, уместно вспомнить Льва Николаевича Толстого с его трактовкой женственности. В романе «Анна Каренина» дворянин-

интеллектуал Константин Левин, наблюдая за действиями своей молодой жены Китти, удивляется её недоступной ему мудрости. «Скрыл от премудрых и открыл детям неразумных... Так думал Левин про свою жену, разговаривая с ней в этот вечер. Левин думал о евангельском изречении не потому, чтоб он считал себя премудрым. Он не считал себя премудрым, но не мог не знать, что он был умнее жены и Агафьи Михайловны, и не мог не знать того, что, когда он думал о смерти, он думал всеми силами души. *Он знал тоже, что многие мужские большие умы, мысли которых об этом он читал, думали об этом и не знали одной сотой того, что знала об этом его жена и Агафья Михайловна.* (Выделено мной – АО). Как ни различны были эти две женщины, ..., они в этом были совершенно похожи. Обе, несомненно, знали, что такое была жизнь и что такое была смерть, и хотя никак не могли ответить и не поняли бы даже тех вопросов, которые представлялись Левину, обе не сомневались в значении этого явления и совершенно одинаково, не только между собой, но разделяя этот взгляд с миллионами людей, смотрели на это. Доказательство того, что они знали твердо, что такое была смерть, состояло в том, что они, ни секунды не сомневаясь, знали, как надо действовать с умирающими, и не боялись их. Левин же и другие, хотя и многое могли сказать о смерти, очевидно не знали, потому что боялись смерти и решительно не знали, что надо делать, когда люди умирают. Если бы Левин был теперь один с братом Николаем, он бы с ужасом смотрел на него и еще с большим ужасом ждал, и больше ничего бы не умел сделать. [6. С. 65-66]

Лев Толстой демонстрирует здесь понимание истинной женственности как способности находить верные решения за пределами рационального мышления, не прибегая к сложным философским построениям и даже не зная о них. Такие способности могут иметь не только женщины, но и мужчины, но для последних это означает отсутствие интеллекта и образования, неразвитость ума. Для женщины же это – самый верный, самый естественный способ воспринимать жизнь – через чувство и сопереживания. Отказываясь от этого, женщина, по мнению классика русской литературы, уничтожает всё женское и вместе с этим всё человеческое в себе.

Вся галерея женских образов, созданная Толстым, должна убедить нас в том, что существует истинная женская природа, которая связана с главным предназначением женщины – дарить и хранить жизнь. Отказ от этого, даже если он связан с попыткой женщины заниматься чем-то значительным и значимым, ведёт к гибели и женского начала, и самой личности женщины. Женщина может отринуть свою биологическую судьбу, говорит Толстой, но это губительно для самой женщины. Лев Николаевич не видел возможности соединить интеллект и свободомыслие с теми испытаниями, с которыми женщины сталкиваются, выполняя своё природное предназначение. А без этой женской функции человечество, каким бы мудрым оно не стало, не сможет справиться с вечными вопросами жизни и смерти.

Нужно заметить, что внешняя красота, привлекательность и соблазнительность не являются для Толстого необходимыми элементами подлинной женственности. Скорее, напротив, увлечение женщин атрибутами своей внешней привлекательности в ущерб эмпатии и семейным обязанностям убивают в них подлинную женственность. Безупречно красивая Эллен – образец анти-женственности, а женская прелесть княжны Марьи проявляет себя и расцветает, когда некрасивая княжна заботится о своём отце и племяннике, и особенно – когда она влюбляется в Николая Ростова.

Приведенный выше отрывок из «Анны Карениной» – один из самых сильных в романе и самый показательный относительно гендерной концепции великого русского писателя. И завершается он так: «Не успела на его (Левина – А. О.) глазах совершиться тайна смерти, оставшаяся неразгаданной, как возникла другая, столь же неразгаданная, вызывавшая к любви и жизни. Доктор подтвердил свои предположения насчёт Кити. Нездоровье её была беременность». [6. С. 75]

Итак, для Толстого женственность как особый склад характера и ума есть следствие непреложной необходимости репродуктивного труда для воспроизводства человечества. Женственность для него – не искусственная конструкция, принуждение к определённому стилю поведения со стороны общества, а единственный способ мышления и поведение для женщины, от которого она не может отказаться без вреда для человечества и самой себя. Лев Николаевич иронически, часто саркастически описывает интеллектуальных и общественно активных женщин, он категорически не согласен с уравниваем содержания мужского и женского образования, с расширений профессиональных и гражданских прав для женщин.

Толстой на протяжении всей своей жизни и творчества был убеждён в своей правоте, но в том и проявляется его гениальность как писателя, что судьба его героев складывается не в рамках убеждений писателя, а по логике самой жизни. И опровергают те идеологические построения автора, ради которых он и придумал их. История Анны Карениной, восставшей, пусть не ради справедливости и свободы, а ради любви, против общественных установлений, обнажает их искусственность, неискренность и даже злобность их адептов. Этот персонаж может нравиться или не нравиться, но фантазия гениального писателя создала неповторимый образ живой, глубоко чувствующей и страдающей женщины, судьба которой заставляет сомневаться в безупречности традиционного разделения ролей, моделей поведения и ответственности. Кстати, антипод Анны – Долли Облонская, свято соблюдающая предписания «истинной женственности», любимая и одобряемая Толстым, им же показана как безусловно и исключительно несчастная женщина.

Лев Толстой жил в обществе, для которого равные для мужчин и женщин гражданские, политические и профессиональные права не то, что не были реальностью, но даже не рассматривались как вероятная возможность.

Для нас же это – свершившийся факт. И держаться за идею биологической судьбы, «вечного предназначения» и «безусловной женственности», конечно, можно, но только отказавшись от всяких попыток понять реальное общество. Сегодня гендерная бинарность, по крайней мере, в части общественных, профессиональных и семейных ролей, как минимум, не очевидна. Дифференцируются и смешиваются социальные, эстетические и эмоциональные образы мужчин и женщин. Фемининность и маскулинность как социальные парадигмы уже не являются столь различимы и очевидны как противоположности. Более того, многие традиционно маскулинные черты и сферы деятельности довольно успешно осваиваются женщинами, а чисто женские сферы становятся, хотя бы частично, открытыми для мужчин.

Константин Левин, мечущийся почти в беспамятстве во время родов его жены, ужаснулся бы самой идее партнерских родов и подивился бы современным отцам, не боящимся выполнять ролей няnek для своих детей. И как бы саркастичен был бы Лев Николаевич, описывая современных политиков-женщин! Но даже он не мог бы, наверное, не признать, что, если некоторые их действия не эффективны или даже нелепы, мужчины-политики не показывают принципиально лучшие результаты. И уровень процветания стран не коррелирует сколько-нибудь заметно с уровнем феминизации правительств. По крайней мере, негативной корреляции мы точно не найдём.

В современной России пресловутый женский мир, существующий и воспроизводящийся автономно и остающийся непроницаемым для мужчин, – это, скорее, искусственная конструкция, нашедшая себе пристанище в художественной литературе и кинематографе, в анекдотах и юморесках, в городских мифах. Да, есть отдельные женские темы и занятия, вроде как этакий женский закрытый мирок. Но такие мирки есть у любой субкультуры, к которой принадлежать ныне могут и мужчины, и женщины: альпинисты, филателисты, байкеры, собачники и т. п. Есть и профессиональные субкультуры, разные клубы по интересам.

Сколько бы не оставалось ещё дискриминационных практик в гендерных отношениях, всё же маскулинность и фемининность как закрытые социальные пространства или даже как матрицы поведения, выйти из которых невозможно без ощутимых социальных и эмоциональных потерь, в большинстве современных обществ разрушены эмансипацией женщин.

Однако сегодня в российском обществе и информационном пространстве женственность не просто существует, она культивируется как особое свойство, необходимое для полноценности женщины. Новостные сайты, информационные ресурсы о моде и стиле; шоу программы демонстрируют образцы женственности, на которые, как считается, нужно равняться. И, конечно, заодно предлагают самые разные приспособления, процедуры и аксессуары, которые необходимо использовать, чтобы женщина могла проявить, подчеркнуть и поддерживать свою собственную, уникальную

женственность. Уникальную, но оформленную в соответствии с модными тенденциями и советами.

Можно сказать, что в современном российском обществе женственность конструируется вовсе не как особое социальное пространство, образ мыслей и ощущений женщин, отражающих их противоположное мужчинам положение в обществе. Современный конструкт женственности вне-историчен и даже внесоциален. Современная женственность в российском информационном и общественном пространстве насаждается на фоне динамичных эмансипативных процессов. Женщины становятся всё более образованными, они активно включены в общественное производство, творчество, политику, спорт. И при этом всё большее значение приобретает внешняя, в одежде, аксессуарах и поведенческих выразительная женственность.

Женственность постепенно становится аксессуаром и своего рода симулякр, поскольку сохранить пресловутый «женский мир», внутренний ли, внешний ли, вовлекаясь в «мужское» когда-то, а сегодня общечеловеческое или – обще-капиталистическое пространство, по-настоящему невозможно. Женщины всё больше и всё чаще вынуждены развивать свой ум, строить свои жизненные стратегии по логике, которую мы по привычке маркируем как мужскую, но которая есть, по сути, логика социального действия, логика активной человеческой деятельности. Внешний вид, быт, образ поведения женщин приспосабливался к изменениям в их жизни и деятельности так же, как это происходило в своё время с мужчинами.

Послевоенная в Европе и послереволюционная в СССР эмансипация женщин сопровождалась их отказом от внешних атрибутов женственности – корсетов, рюш, оборок, длинных платьев и огромных шляпок. Гуру послевоенной западной моды Коко Шанель так пишет об этих процессах: «Наверное, мне помогла война, но в таком случае ужасная война помогла не только мне, но и всем женщинам вообще. В госпиталь не отправишься в корсете с турнюром, громадной шляпе или с множеством оборок на блузе. Дамам, ставшим добровольными сёстрами милосердия, срочно понадобились именно мои модели – простые и удобные!» [9. С. 80]. Процессы послевоенного отказа от достижений эмансипации, о которых рассказывает Бетти Фридан, Коко Шанель описывает так: «В Париже «новый взгляд» Диора – талии в пятьдесят сантиметров, а потому корсеты, китовый ус, невозможность не только есть, но и нормально дышать... Америка тоже заразилась этим, но не вся...» [9. С. 257].

В сегодняшней России одержимость женственностью не связана с идеологией отказа от завоеваний эмансипации, не связана она с широко рекламируемыми сегодня в России семейными ценностями, Рекламируемая сегодня женственность – это не опрятность, изящество и увлеченность домашним очагом. Современный эталон женственности, имеющий медийное и коммерческое значение, непременно включает сексуальность, несокрушимую молодость и соответствие модным тенденциям. Без связи с нравственными

обязательствами и принципами это не более чем имидж, за которыми не стоит никакого определённого жизненного выбора, убеждений, принципов или карьеры. Часто не стоит вообще ничего, кроме рюша, кружев, длинных, «в пол», платьев, обилия украшений, доказательств всемогущества косметологии и нескольких поведенческих приёмов, выдающих «хрупкость» и «ранимость».

О внешних атрибутах и уловках «женственности» сегодня говорят, пишут и думают гораздо больше, чем о проблемах и противоречиях современной женской судьбы. Проблема, о которых Бетти Фридан пишет так: «В 1960 году проблема, у которой нет названия, словно бурный поток, вырвалась наружу, разрушая образ счастливой американской жены. В телевизионной коммерческой рекламе хорошенькие домохозяйки все еще сияли улыбкой, глядя поверх дымящихся кастрюль, а очередной номер журнала «Тайм» в статье под заголовком «Жена из пригорода: американский феномен» протестовал: «Им слишком хорошо... они не могут быть несчастливы». Но вдруг средства массовой информации стали говорить о том, что американская жена действительно несчастлива, хотя почти каждый выступавший находил этому какое-то поверхностное объяснение, чтобы закрыть вопрос» [8. С.2].

То, что Фридан пишет о США 60-х годов, очень напоминает сегодняшнюю Россию, которая не отказывается видеть в женственности загадку, но не хочет признать хоть какую-то проблему, с женственностью связанную. «Проблему закрыли, и на сей раз окончательно, заявив, пожимая плечами, что решений просто нет: это и значит быть женщиной.... «Несмотря на то, что нигде и никогда женщинам не удавалось уменьшить эти естественные ограничения настолько, насколько это возможно в Америке, наши жены, похоже, все еще не умеют оценить это должным образом... Молодая мать, имеющая прекрасную семью, обаяние, способности и ум, склонна к тому, чтобы, извиняясь, отвергнуть свою роль. «А что я делаю? – постоянно слышится вокруг. – Да ничего. Я просто домохозяйка». Получается, что хорошее образование дало этому типу женщин понимание ценности чего угодно, кроме своей собственной личности»... Следовательно, она должна согласиться с тем фактом, что «несчастье американских женщин – это всего лишь недавно завоеванные ими права» [8. С. 2-3]

Есть ли подобные проблемы у россиянок? Безусловно. И проблемы, связанные с «двойной нагрузкой», «стеклянным потолком», и «липким полом», то есть всеми теми проявлениями дискриминации, о которых так много написано в феминистской литературе. И многие мои респондентки в интервью и фокус-группах охотно признавали наличие этих проблем, хотя их значение в своей жизни оценивали по-разному. Но вот от чего ни одна из моих российских респонденток не готова была отказаться, так это от своей женственности и связанных с ней атрибутов и манипуляций. Мои респондентки признавали, что семья забирает часть их индивидуальности, отнимает их время и заставляет отказываться от чего-то очень личного и в то же время

важного. Так признавались, хотя всегда с неохотой, самые преданные семье, самые убежденные сторонники семейных ценностей. Но женственность – это святое, за ней никто из моих собеседниц никогда не признавал посягательств на индивидуальность, напротив, для всех женщин в моих исследованиях женственность – неотъемлемая часть их индивидуальности, защита от посягательств на неё со стороны семьи и общества.

Анализ российского информационного пространства позволяет заключить, что женственность является репрезентативным требованием, необходимым атрибутом и для тех женщин, которые занимаются «не женским» делом: политикой, бизнесом, государственным управлением и пр. Изучение публичных образов женщин-политиков, и российских, и зарубежных, позволяет заметить, что они активно эксплуатируют внешние символы женственности – цвета, подчеркнута женственные детали костюма и прически, улыбки и т. п., пренебрегая в своей деятельности содержанием, который вкладывается в понятие «женственность». Стиль может быть очень разный, константой является как раз женственность – внимание к своей внешности, её яркость, нежность, подчеркнутые достоинства и т. п.

Социологического исследования показывают, что женственность – феномен многослойный, он включает и внешние характеристики, требования и к поведению, и к качествам характера. И при этом при почти бесконечном разнообразии индивидуальных представлений о женственности, которое признается и большинства участников социологических исследований существуют устойчивые и узнаваемые стереотипные представления о женственности. [2; 4; 5]

Современный конструкт женственности существует в обществе параллельно с конструированием женской карьеры и судьбы, независимо от реальных судеб и проблем женщин. Ограничения, накладываемые стереотипом женственности, никак или почти не связаны с ролью женщины в современном обществе. Нет функционального, хотя бы символического значения у требований к внешнему виду, качествам и поведению, которые в современном российском обществе связываются с женственностью. Женственность мифологизируется, индивидуальное конструирование собственной женственности становится обязательным элементом становления личности женщины. Потому конструкт «Вечной женственности» может быть идеологией, эмоциональным конструктом, поэтическим образом, попросту фейком. Он сегодня не столько воплощается, сколько деконструируется в феномене «доминантной женственности», превращаясь в систему (или даже в хаотичный набор) материальных атрибутов, приёмов и характеристик, позволяющих современным женщинам реализовывать самые разные повестки и цели.

Список литературы

1. Вулф В. Своя комната. М.: Прогресс, 1992.
2. Ильиных С. А. Концепты фемининности и маскулинности в русле гендерного подхода// Идеи и идеалы. 2011. № 4 (10), т.1. С. 131 – 144
3. Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 251-279.
4. Пермякова Т. В., Куимов В. С. Эталонная и реальная маскулинность в оценках мужчин и женщин//Вестник Челябинского государственного университета. 2013. No 13 (304). Философия. Социология. Культурология. Вып. 29. С. 14–18.
5. Слезкина Ю. М. Характеристики доминантных моделей фемининности и маскулинности (на примере опроса студентов, обучающихся по специальности «Социальная работа» в ТГУ)//Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. №1(17). С. 85 – 91
6. Толстой Л. Н. Анна Каренина: Роман в восьми частях. Части 5 – 8. – Л.: Худож. лит., 1979. С. 75
7. Федеречи С. Калибан и ведьма//Оригинальное первое издание: Autonomedia, NY, 2004. Перевод с английского – Культурная ассоциация Womenation-KD 16 – 335 с., 2016. С. 15-16.
8. Фридан Б. Загадка женственности. Электронный ресурс. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=251397&p=2>. Дата обращения: 02.06.2019. С.2
9. Шанель Коко. Жизнь, рассказанная ею самой. М.: ООО «Яуза-пресс». 2013. С. 80.

Т.А. Резвушкина

T.A. Rezvushkina

*Карагандинский государственный университет имени академика Е.А. Букетова
(Караганда, Казахстан)*

ГЕНДЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ ЖЕНЩИН В КАЗАХСКО-РУССКИХ БРАКАХ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

DOMINANT STRATEGIES OF ETHNIC IDENTITY IN KAZAKH-RUSSIAN MARRIAGES

Аннотация. В рамках данной статьи нами будет реконструирована модель гендерного уклада смешанного (казахско-русского) брака с использованием подхода австралийского социолога Р. Коннелла. При вступлении в смешанный брак существует несколько проблемных зон – отношения родственников к идее вступления в смешанный брак, соблюдение традиций и обычаев двух культур, выбор языка общения в семье, воспитание детей. Нами были выделены 2 стратегии поведения информанток на основе гендерного уклада, сконструированного ими в рамках своих семей. Первая стратегия – ассимиляция, когда индивид полностью отказывается от своей культуры и стремится целиком и полностью усвоить культурные стандарты и ценности чужой культуры. Вторая стратегия – частичная ассимиляция, когда индивид жертвует своей культурой в пользу инокультурной среды частично, т.е. в какой-то из сфер жизни: например, на работе руководствуется нормами и требованиям инокультурной среды, а дома, в семье – нормами своей традиционной культуры.

Ключевые слова: казахско-русский брак, гендерные уклады в смешанных браках, гендерные стратегии русских женщин, типология гендерных укладов в казахско-русских браках.

Abstract. Within the framework of this article, we will reconstruct the model of the gender structure of the mixed (Kazakh-Russian) marriage using the approach of the Australian sociologist R. Connell. When entering a mixed marriage, there are several problem areas – the relationship of relatives to the idea of entering into a mixed marriage, the observance of the traditions and customs of two cultures, the choice of the language of communication in the family, the upbringing of children. We have identified 2 strategies of behavior of informants based on the gender structure that they designed within their families. The first strategy is assimilation, when the individual completely abandons his culture and seeks to fully and fully understand the cultural standards and values of another's culture. The second strategy is partial assimilation, when an individual sacrifices his culture in favor of a foreign culture environment in part, ie, in one of the spheres of life: for example, at work it is guided by the norms and requirements of the foreign culture environment, and at home, in the family, by the norms of its traditional culture.

Keywords: Kazakh-Russian marriage, gender relations in mixed marriages, gender

strategies of Russian women, typology of gender structures in Kazakh-Russian marriages.

Этническая идентичность и самоидентификация в смешанных браках в целом малоизученная тема, хотя в последние три десятилетия она привлекает все большее внимание ряда исследователей. Это в значительной мере обусловлено спецификой понятий «этнос», «нация», «гражданство», в разных научных школах и в разных странах. В последние десятилетия в США и Европе преимущественное внимание уделяется проблемам мультикультурализма и связанным с ней вопросам смешанных браков. Однако это явление чаще всего рассматривается как межкультурное взаимодействие, включая межконфессиональное, межэтническое, межрасовое. В Советском Союзе предметом исследования становились преимущественно межнациональные (межэтнические) браки – динамика их численности, распространенность, причины вступления в брак и пр. Это работы Ю.В. Бромлея, А. А. Сусоколова, Н. А. Терентьевой. В целом, в отдельных странах, сложилось свое понимание смешанных браков, в фокусе изучения оказывались наиболее актуальные их вопросы.

В последнее десятилетие работ в этой области появляется все больше, среди них растёт число исследований, написанных с применением качественных методов, в том числе «устных» и «жизненных» историй. Однако внимание ученых в большей мере привлекают сами процессы мультикультурного взаимодействия, а также некоторые аспекты заключения смешанных браков и союзов, отношение к ним со стороны окружающего населения и др. Вопросы же самоидентификации людей, родившихся в таких браках, изучены значительно хуже. Обозначим основные тенденции в исследовательских подходах к данной проблеме. В США, где проблемы межкультурного взаимодействия всегда были предметом пристального внимания исследователей, в течение XX века сменялись разные теоретические подходы. Первые исследования в этой области проводились с позиций ассимиляционизма, т.е. американизации вновь прибывающих групп иммигрантов. Полная ассимиляция, полная утрата этническими меньшинствами своих культурных особенностей и усвоение языка, культуры, норм и ценностей новой родины рассматривались как, несомненно, положительное явление. Эта идея была реанимирована позднее в концепции «плавильного котла». Подразумевалось, что в основе этой общеамериканской культуры будут лежать ценности белого англо-саксонского протестантского большинства (WASP). Когда стало ясно, что концепция «плавильного котла» не оправдала себя, ей на смену пришла теория культурного плюрализма, или «культурной мозаики», то есть сохранения особенностей культур разных этнических групп в условиях демократического общества. Эта теория была дополнена позднее, американским исследователем Р. Альбой в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда многие исследователи полагали, что различные группы белого населения США сливаются в единую этническую группу – с общим

названием «американцы». Однако в настоящее время многие ученые приходят к выводу, что картина более сложная, «американцами» считают себя не только белые группы населения; в то же время среди разных слоев американского общества, особенно недавних иммигрантов, понятию «американец» не всегда отдается предпочтение по сравнению с принадлежностью к другой («своей») этнической или конфессиональной группе. Так, Альба указывает на вполне очевидный факт, что смешанные браки способствуют упадку этничности [1; с.291]. Отмечая, что большинство белых американцев в настоящее время имеет смешанное происхождение, Р. Альба останавливается на нескольких характерных для их этнической идентичности чертах: 1.Для многих белых американцев этническая идентичность – это проблема выбора, волевой акт; 2.Этническая идентичность обычно отражается в опыте, который обычно не воспринимается людьми как этнический; 3.Этническая идентичность в сознании белых американцев обычно связана с семейной историей; 4.Этническая идентичность обычно не зафиксирована в существующих этносоциальных структурах, которые функционируют независимо от наличия этнической идентичности [1, с. 295-301]. Исследователь Г. Варро, рассматривая проблемы смешанных браков во Франции, в которой различные аспекты межкультурного взаимодействия приобретают большое значение, выделяет социальные, культурные, этнические, религиозные параметры этой проблемы. Особо останавливаясь на проблеме идентичности детей, рожденных в смешанных браках, Варро указывает, что первое поколение таких потомков обладает «смешанной» идентичностью – идет ли речь о межкультурных, межрелигиозных или иных браках [2, с. 27]. Автор также указывает, что потомки смешанных браков испытывают последствия определенного «культурного конфликта» [2, с.28]. Г. Варро одновременно подчеркивает, что проблема смешанных браков, помимо прочих, имеет социально-политический аспект. В ряде случаев исследователи говорят не просто о смешанной или двойственной идентичности, но об идентичности ситуационной, вкладывая в это понятие применительно к смешанным бракам особый смысл. Так, американский исследователь Т. Эриксен называет ситуацию, когда люди вступают в этнически смешанные браки «этническими аномалиями». Потомки от смешанных браков, появившиеся в результате этих «аномалий», в зависимости от конкретной ситуации могут принять обе идентичности, а могут – не принять ни одной [3, с. 62]. К. Вердери писала о проблеме множественности идентичностей, когда потомки смешанных браков (не обязательно этнически смешанных) манипулируют своей идентичностью, выступая в разных ситуациях как представители различных групп [4, с. 36]. Дж. Берри предложил выделять четыре типа этнической идентичности для потомков смешанных браков в зависимости от ситуации: 1) моноэтническая идентичность (высокий уровень идентичности со «своей этнической группой» при отсутствии или низком уровне идентичности с

«чужой»); 2) моноэтническая идентичность с «чужой» этнической группой; 3) бизэтническая идентичность (высокий уровень идентичности с обеими этническими группами); 4) маргинальная этническая идентичность (низкий уровень идентичности с обеими группами или даже ее отсутствие) (цит. по: [5, с. 100]). М. Гордон в своей работе, посвященной ассимиляционным процессам в США, выделял культурный и структурный аспекты ассимиляции. Культурная ассимиляция, по мнению ученого – это процесс адаптации того или иного меньшинства к культуре доминирующей группы. Он считает, что структурная ассимиляция – это «продвижение» меньшинства в социальную структуру общества. Большинство этих исследований написано на конкретном материале с применением различных методов; смешанные браки в них рассматриваются в рамках мультикультурного и кросс-культурного взаимодействия.

В рамках данной статьи нами будет реконструирована модель гендерного уклада смешанного брака с использованием подхода австралийского социолога Р. Коннелла. Под гендерным укладом нами будет пониматься нормативные правила и практики, регулирующие межпоколенные и половые отношения данного этнического сообщества [6, с. 62]. Коннелл, применяя объединительную парадигму в гендерных исследованиях, использует понятие «структура» и «практика», которые он заимствует у Э. Гидденса. Объединительная парадигма в социологии возникает как попытка преодоления противопоставления объективного (социальной структуры) и субъективного (действий агента). Применяя объединительную парадигму к гендерным исследованиям, Коннелл, во-первых, модифицирует базовое понятие структуры, так как, по его мнению, этот концепт отражает ограничения, заключающиеся именно в данном способе социальной организации. Следовательно, описать структуру означает выяснить, чем она является в данной ситуации и как структура ограничивает свободное осуществление практики. Практика в этом смысле представляет собой трансформацию конкретной ситуации в определенном направлении в соответствии или вопреки структуре.

Во-вторых, для понимания внутренней дифференциации, исторической неравномерности и внутренних противоречий, Коннелл выделяет отдельные структурные компоненты структуры, или так называемые структурные модели. К ним относятся «разделение труда», «власть» и «катексис» (эмоциональные и сексуальные отношения). Хотя эти структуры существенным образом различаются, это не значит, что они отделены друг от друга, они взаимопересекаются. Вышеупомянутые структурные модели являются главными элементами любого гендерного порядка или гендерного режима. Коннелл вводит понятие «гендерного порядка», понимаемого как совокупность повседневных практик и структурных условий, организующих взаимодействие полов на разных уровнях общества [6, с. 58]: на институциональном (социальные институты, регулирующие поведение полов), идеологическом (гендерные идеологии и дискурсы, гендерные нормы поведения), символическом

(представления о мужественности и женственности) и повседневном (гендерные идентичности) [6, с. 217]. На уровне отдельного социального института понятие гендерный порядок трансформируется в гендерный режим. Анализируя гендерный порядок или режим, исследователи пользуются теми же категориями, что и при анализе общества в целом. «Выделяются публичная и приватная сферы; в публичной сфере анализируются гендерные отношения в экономике, политике, идеологии и культуре; в приватной сфере – предметом анализа становятся семейно-брачные, дружеские и сексуальные отношения» [7, с. 59]. При этом в каждой из этих сфер гендерные отношения анализируются через взаимодействие структурных условий и практик, формирующих представления о мужественности и женственности, а также через гендерные идеологии и дискурсы, коллективные действия, воспроизводящие и изменяющие гендерный порядок.

Применительно к анализу гендерного порядка социальной группы, слоя или сообщества применяется концепт «гендерного уклада». Данное понятие позволяет эффективно проанализировать этническое сообщество на разных уровнях: институциональном, символическом, на уровне повседневных практик. Нами будет исследован только один из уровней – приватный, а именно уклад смешанного брака состоящей из представителей двух этносов – казахского и русского. Семья является важным условием гендерного уклада, так как этническая идентичность, построенная на «единстве происхождения» и родства «по крови», предстает как расширенная система «родства». Семья, как система родственных отношений, выступает структурообразующим компонентом этничности. Таким образом, гендерный уклад может быть представлен как совокупность структурных моделей («разделение труда», «власть», «катексис») на уровне семьи, а также характерные для этнического сообщества модели феминности и маскулинности.

Нами было собрано 10 биографических интервью с информантками – русскими женщинами, вступившими в брак с мужчинами-казахами. Целью являлось исследовать гендерные уклады, формируемые женщинами в смешанных браках. В качестве объекта исследования выступали русские женщины, вступившие в смешанный брак с мужчинами-казахами, проживающие в г. Караганде, имеющие высшее образование и детей от смешанного брака. Исследовательским методом было выбрано полуструктурированное интервью. Анализ данных осуществлялся следующим образом: реконструируется гендерный уклад семей информанток, выделяются общие черты и на основании отличительных черт конструируется типология гендерных укладов в смешанных браках.

Согласно нашим исследовательским гипотезам, при вступлении в смешанный брак существует несколько проблемных зон – отношения родственников к идее вступления в смешанный брак, соблюдение традиций и обычаев двух культур, выбор языка общения в семье, воспитание детей.

Но в процессе семейной жизни фактор иной этнической принадлежности супруга либо перестает иметь значение, этнические различия «стираются» и семейные стратегии выстраиваются по тем же правилам, что и у пар, имеющих одинаковое этническое происхождение, либо выбирается стратегия полного или частичного усвоения норм и ценностей иной этнической культуры.

Нами были выделены различные стратегии поведения информанток на основе гендерного уклада, сконструированного ими в рамках своих семей. Эти стратегии выделялись, основываясь на концепции американского исследователя Ф. Бока, который считает, что культурная адаптация – это один из аспектов социальной адаптации. Индивиду, как представителю того или иного «этноса» присущи определенные культурные нормы и ценности, попадая в иную этническую среду, он испытывает конфликт двух культур на уровне индивидуального сознания или то, что называется «культурным шоком». Формирование гендерного уклада тесно связано с тем, что индивид не/преодолеывает культурную дистанцию. Культурная дистанция либо сохраняется, в том числе за счет гендерного уклада, либо сокращается и происходит приобщение к новым культурным ценностям. Используя концепцию Бока, выделим наиболее типовые и значимые, на наш взгляд, стратегии по отношению к сохранению/изменению культурной дистанции.

Первая стратегия – ассимиляция, когда индивид полностью отказывается от своей культуры и стремится целиком и полностью усвоить культурные стандарты и ценности чужой культуры. Семья информантки осуществляет воспроизводство типичного гендерного уклада, характерного для казахской семьи. В анализе данного интервью значимым является те способы, ресурсы, благодаря которым сохраняются значимые элементы гендерного уклада. Разделяя и сохраняя в целом все элементы традиционного гендерного уклада, информантка не просто воспроизводит, но и усиливает действие некоторых норм. Так, в вопросе воспитания детей, она придерживается строгих правил и достаточно жестких форм контроля за их поведением – *«Мои дети, я и решаю...как им там вести себя...что делать, как быть...я их всегда буду контролировать, сколько бы им ни было...я слежу за каждым их шагом – где был, что делал...с кем...»*. Необходимость такого регламентирования поведения детей вызвана, по ее мнению, тем, что они непоследовательны в соблюдении тех правил и норм, которые традиционно предъявляются в традиционной казахской семье – послушание, уважение, подчинение старшим, проведение досуга, выбор друзей. Значимые нормы не просто воспроизводятся, но и контролируется правильное их исполнение, т.к. дети не всегда могут реализовать их сами в своем поведении. К таким нормам относятся, прежде всего, уважение к старшим – *«...когда мы вместе, я говорю, что надо вот и так делать...он может встать, место старшему уступить...»*. Контролируется не только поведение, но и манера одеваться, особенно у девочки, когда она собирается на публику – *«...одевается иногда*

свободно она...если мне не нравится, то говорю – не надо, сними! Дома так оденешь!». Отметим также контроль за брачным поведением детей со стороны информантки. Она считает, что будущий супруг/супруга обязательно должны быть казахами – «самое главное, чтобы сын в и дочь в жены и мужья взяли казахов...мы бы хотели так...так лучше будет». В связи с тем, что личная история вступления в смешанный брак сложилась крайне неблагополучно – родители и родственники информантки отказались от общения с ней, социальные отношения у нее складываются с родственниками мужа, которые более лояльно отнеслись к их браку – «да, я и платок одену, когда старшие (родственники) приходят, и в гости всегда всех...пожалуйста!». «Когда имена (детям) выбирали, я молчала...что я...пусть старшие решают...мать (свекровь) вот...она имеет право!». «Когда там...пожить надо (в случае приезда в город родственников из отдаленных сельских населенных пунктов) или там...помочь в приеме гостей, я всегда говорю – конечно, давайте! А как иначе...нельзя отказывать...правила такие!». Первое, что позволяет в условиях инокультурного окружения воспроизводить уклад – это оценка норм, принятых в семье информантки и в целом характерных для ее окружения как «само собой разумеющиеся». Восприятие власти мужа в семье, патриархатные нормы, принятые в казахских семьях, оцениваются как хорошие – «Я считаю, что это (власть мужа) нормально...так и должно быть в семье». Признается важность передачи этих норм и детям – «так и я сама росла, и мама моя, и детей своих я этому научу». Важную роль в сохранении гендерного уклада играет и восприятие казахской гендерной культуры в целом. Так, современное общество воспринимается как «бездушное и жестокое». Такая оценка следует из того, что ценности, значимые для информантки и характерные для ее гендерного уклада, не разделяются большинством как значимые. Это касается и воспитания детей – «дети не знают сегодня нормального воспитания...не уважают ни взрослых...не слушают никого...даже отца!». Дальние родственники и соседи не воспринимаются как чужие и входят в понятие расширенной семьи: «у русских как...троюродный, значит уже чужой...редко когда общаемся, а вот у них – нет...все видятся, знают все друг о друге...помогают очень...». Кроме того, «общественное мнение», которое неоднозначно реагирует на смешанный брак, часто проявляя бытовой национализм, ставит информантку в ситуацию, когда она испытывает чувство вины, в связи с чем она не афиширует этническую принадлежность своего мужа. Все это приводит к тому, что семья консервирует уклад, сложившийся еще в семье родителей мужа, ограничивает контакты с социальным окружением – «потому что вот поначалу было очень сложно, осуждали нас...вот и отгородились мы...». Но постепенно образуется социальная сеть друзей, которая представляет сферу общения семьи. Как правило, это такие же этнически смешанные пары или те, кто лояльно относится к смешанным бракам. Таких семей меньшинство, и информантка характеризует их как «нормальные». Таким образом, создается определенный

круг общения, разделяющий ценности, закрепленные в гендерном укладе семьи информантки, который позволяет отгородиться от осуждения со стороны общественного мнения и еще больше сплачивает семью. *«Семья – это же, как крепость...мы там бережем друг друга...помогаем...»*. Семья информантки, сохраняя традиционный гендерный уклад, выполняет и роль агента передачи «этничности». Так, информантка считает важным сохранить и передать «этничность» своим детям. *«Я им говорю, что они должны гордиться тем, что они в Казахстане живут...»*. Передача «этничности» осуществляется за счет передачи культуры в целом: языка, кухни, книг по истории, религиозности. *«Книги там даем им читать по истории, в мечеть по пятницам отец водит их...традициям там всяким учим...»*. «Этничность» передается и в нормах поведения. Но делается это не специально, не навязывается детям – *«...у нас специально, наигранно ничего не делается, ребенок то чувствует все и вряд ли ему понравится»*. Передача норм вписана в рутину повседневной жизни. Делая вывод, можно сказать, что в данном гендерном укладе усиливается контроль за нормами, которым придается большая значимость и которые характерны для традиционной казахской семьи. Проанализировав случай информантки Е., можно сказать, что элементы гендерного уклада, характерные для типичной казахской семьи, продолжают сохраняться и воспроизводиться в ее собственной семье. Таким образом, семья выступает главным ресурсом консервации гендерного уклада несмотря на то, что этничность супругов различна. Информантка выбирает стратегию ассимиляции с иной этнической культурой, когда она приобщается к новым этническим ценностям, сокращает культурную дистанцию, отказываясь от своей культуры, и стремится целиком усвоить необходимый для жизни багаж чужой культуры.

Вторая стратегия – частичная ассимиляция, когда индивид жертвует своей культурой в пользу инокультурной среды частично, т.е. в какой-то из сфер жизни: например, на работе руководствуется нормами и требованиями инокультурной среды, а дома, в семье – нормами своей традиционной культуры. В отличие от характерного для всех главенства мужа в семье, решения в этой паре реально принимает сама информантка. Это происходит не только потому, что мужа регулярно не бывает дома, но из-за активной позиции самой информантки в семье, сильной мотивации на достижение поставленных целей – *«Вот так можно сказать, что я (принимаю решения). Что все на меня. Я его о чем-то спрашиваю, если да, то да, если нет, то все равно да»*. Но при этом она имитирует главенство мужа в семье – все-таки спрашивает разрешения, особенно при принятии важных для семьи решений. Распределение семейного бюджета также является сферой контроля информантки. И если раньше она должна была спрашивать свекровь о необходимости и возможности покупки, то теперь она принимает решения самостоятельно – *«Трачу, сколько хочу, на что хочу и когда хочу!»*. Несмотря на то, что большое внимание уделяется процессу воспитания и образования ребенка, информантка подчеркивает, что она даст ему

свободу определения своей этничности – *«Я считаю, что она сама должна все решить...кто она, какая она...нельзя навязывать!»*. Воспитание понимается не как жесткий контроль, а как процесс переговоров – *«если ей объяснить, как и что, то она сама выберет»*. Меняется и роль отца в процессе воспитания ребенка. Так если в типичной казахской семье мужчины абстрагировались от процесса воспитания детей, то в данном браке информантка стремится наладить отношения дочери и отца – *«А я все наоборот делаю, т.е. всегда все мама, да мама, а я ей говорю, что у тебя и папа есть!»*. Центральным в воспитании ребенка информантки является отсутствие запретов, контроля и ребенку дается возможность делать самостоятельные выводы – *«Вот возьми и попробуй! Узнаешь, как это! Посмотришь – нравится или нет!»*. Главное в воспитании – это самостоятельность в принятии решений, отсутствие ориентации на мнения родителей – *«Хочу, чтобы она своей головой думала, а не на папу с мамой надеялась, чтобы мы решали, как да что!»*. Информантка также отмечает изменения в своей ориентации на мнения окружающих. Если раньше, в первые годы брака, она боялась оценки со стороны окружающих, то теперь она свободна от их оценивания – *«Знаете, когда меня раньше обижали, говорили там всякое, то я очень близко к сердцу принимала! А сейчас ...пусть что хотят, то и говорят! Мне все равно!»*. Иное восприятие у информантки и роли женщины в семье. Она занимается не только домашним хозяйством, но и зарабатывает деньги отдельно от мужа. Активная жизненная позиция, уверенность в своих силах, приводят информантку к осознанию того, что *«лучше самой зарабатывать, не зависеть ни от кого...не ждать, когда там муж принесет!»*. Важную роль в гендерном укладе информантки играет восприятие казахской культуры. Она воспринимается как дружелюбная, люди, как носители других, но значимых ценностей. Значимыми являются ценности гостеприимства, взаимовыручки, семейственности. Такое восприятие приводит к тому, что общение складывается как с русскими, так и с казахскими семьями. Информантка считает, что ее семья ничем не отличается от типичной семьи – *«отличий никаких...никакой разницы нет...что казахская, что русская семья...»*. Однако такое принятие норм другого этноса не приводит к потере русской идентичности. Понимаемая как судьба, как присущая с рождения характеристика идентичность русской является «ярлыком» на всю жизнь – *«Как бы я там ни старалась стать одной из них...кровь то все равно останется»*. Очень сильным является примордиальное понимание нации, когда даже изменения в стиле жизни не рассматриваются как угроза потери «русскости» – *«Я же все равно останусь русской навсегда... как бы я там ни старалась, не изменюсь, что бы я ни делала»*. Делая вывод, можно сказать, что информанткой усваиваются те нормы, которые оцениваются как полезные или важные. Прежде всего, это нормы родственной сплоченности, важности семейной поддержки, гостеприимства. Но при этом, часть традиционных норм становятся более гибкими, менее жесткими, когда главенство мужа носит

чисто декларативный характер, воспитание, хотя и остается приоритетной обязанностью жены, но часть функций берет на себя и муж, ребенку дается большая свобода в принятии решений и в выборах.

Резюмируя, можно сказать, что семья как социальный институт оказывает влияние на формирование этнической идентичности нового поколения. Женщина в семье призвана обеспечить, прежде всего, ее символическое воспроизводство. В семье, где женщина ориентирована на ассимиляцию с иной культурой, где репрезентируется приверженность национальным традициям и ценностям – солидарности, семейственности, сплоченности, существует вероятность формирования «традиционной идентичности», которой свойственно соблюдение традиционных представлений о роли женщины и мужчины. В семье, где женщина ориентирована на смешение традиционных и нетрадиционных представлений, отмечается трансформация наиболее традиционных семейных норм, которые теряют свою ценность – норма подчинения старшим, главенство мужа, традиционное распределение домашних обязанностей.

Список литературы

1. Alba R. D. *Ethnic Identity: The Transformation of White America*. Yale University Press: New Haven, CT & London, UK: 1990.
2. Varro G. Critique raisonnée de la notion de mixité // *Liberté, égalité, mixité... conjugales. Une sociologie du couple mixte* / Sous la direction de Philippe Cl., Varro G., Neyrand G. *Anthropos*: P., 1998. P. 1-31.
3. Eriksen T. H. *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspective*. Pluto Press: London, 1993.
4. Verdery K. *Transylvannian Villagers. Three Centuries of Political, Economic and Ethnic Changes*. University of California Press: Berkeley; Los Angeles, 1983.
5. Коростелёв А.Д. Парадоксы этнической идентичности//Идентичность и толерантность. Сб. статей/Под ред. Лебедевой Н.М. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. 370 с. С. 86-110.
6. Тартаковская И.Н. *Гендерная социология*. – М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский Простор», 2005. 370 с. С. 200-220.
7. *Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография/Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной* – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 340 с. С. 50-63.

И.В. Соломатина

I.V. Solomatina

Проект «Гендерный маршрут» в Беларуси, проект «Глобальный Медиа-мониторинг» в Беларуси, Европейский гуманитарный университет в Вильнюсе (Минск, Беларусь)

ПОСТСОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РЕЖИМОВ В БЕЛАРУСИ: ЧТО И КАК РЕПРЕЗЕНТИРУЮТ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

POST-SOVIET TRANSFORMATION OF THE GENDER REGIME IN BELARUS: WHAT AND HOW REPRESENTERAIT MEDIA

Аннотация. Статья посвящена анализу постсоветской трансформации гендерных режимов в Беларуси, которую автор анализирует на основе репрезентаций в средствах массовой информации. Для изучения были отобраны самые массовые издания в республике. Представленность мужчин и женщин в средствах массовой информации анализировалась по целому ряду параметров, как количественных, так и качественных. Особое внимание уделялось наличию гендерно-чувствительных сообщений, а также сообщений, где имелаась «гендерная слепота». В статье приводятся конкретные примеры явных и так называемых «тонких» стереотипов, присутствующих в СМИ.

Ключевые слова: гендерные режимы в Беларуси, анализ средств массовой и информации, представленность мужчин и женщин в средствах массовой информации, гендерная слепота, явные и тонкие стереотипы.

Annotation. The article analyzes the post-Soviet transformation of gender regimes in Belarus, which the author analyzes on the basis of representations in the media. The most mass publications in the Republic were selected for study. The representation of men and women in the media has been analysed in a number of ways, both quantitative and qualitative. Particular attention was paid to the presence of gender-sensitive messages, as well as messages where there was «gender blindness». The article provides specific examples of explicit and so-called «subtle» stereotypes present in the media.

Key words: gender regimes in Belarus, analysis of mass media and information, representation of men and women in mass media, gender blindness, explicit and subtle stereotypes.

Анализируя средства массовой информации, можно понять, какие ценности, установки и нормы поддерживаются и считаются разделяемыми в обществе, и какая структура гендерных отношений репрезентируется. В последнем Индексе гендерного равенства (2018, The Global Gender Gap) Беларусь заняла 28-е место среди 149 стран. Анализируя локальные СМИ, можно выявить, как успехи в обеспечении гендерного равенства отражают медиа. Медиа-

репрезентации могут как подрывать устоявшиеся культурные нормы, так и закреплять устоявшиеся практики и иерархии.

В своем докладе я расскажу о результатах последнего мониторинга белорусских СМИ (лето 2018). Для исследования выбирался 1 день в неделю в период с 1 июня по 31 августа 2018 года (всего 12 дней). Общее количество проанализированных новостей – 340. В дни мониторинга были отобраны для исследования новости, напечатанные на первых трёх страницах газет (некоторые из них имели продолжение на последующих страницах), и центральные новости интернет-изданий. Новости анализировались по методологии Глобального медиамониторинга, который проходит в мире один раз в пять лет с 1995 года. Цель Глобального медиамониторинга (далее ГММ) – составить представление о том, как работают медиа в гендерном аспекте, и далее способствовать установлению справедливой, гендерно уравновешенной практики работы медиа.

Для изучения были отобраны самые массовые издания, два государственных и два негосударственных медиа:

1. Общереспубликанская газета «Советская Белоруссия» учреждена Администрацией Президента Республики Беларусь, выходит тиражом более 400 тысяч экземпляров – это самый большой тираж в стране (далее – СБ).

2. Общереспубликанская газета «Звезда» учреждена Советом Республики национального собрания РБ и Советом министров РБ. Тираж 32345 экземпляров.

3. «Белорусское приватное агентство новостей» – БелаПАН (выпускает интернет журнал naviny.by).

4. Самый массовый частный интернет портал tut.by.

По методологии ГММ новости классифицировались по семи основным тематическим блокам. Однако в седьмую («Прочее») ничего не попало. У каждой из шести тем были свои тематические области, всего 55, включая область «Прочее» (которая и шла под номером 55).

	Печатные СМИ в %	Электронные СМИ в %	Итого за 3 месяца
			340
Политическая жизнь и управление	12,8%	17,8%	53
Экономика	33,6%	24,1%	96
Наука и здоровье	4,7%	4,2%	15
Правовые и социальные вопросы	23,5%	23,0%	79
Преступление и насилие	5,4%	23,0%	52
Знаменитости, искусство, СМИ, виды спорта	20,1%	7,9%	45

Материалы тематических новостей анализировались по полу репортёра/журналиста, которые эту новость представляли в медиа. Данные показали, что, несмотря на численное преобладание женщин среди журналистов/репортёров (118 к 83), женщины пишут на темы «Правовые и социальные

Постсоветская трансформация гендерных режимов: направленность и специфика

вопросы» (79,2%) и «Знаменитости, искусство, СМИ, виды спорта» (68,6%). У мужчин преобладают темы «Политическая жизнь и управление» (65,5%) и «Экономика» (55,9%).

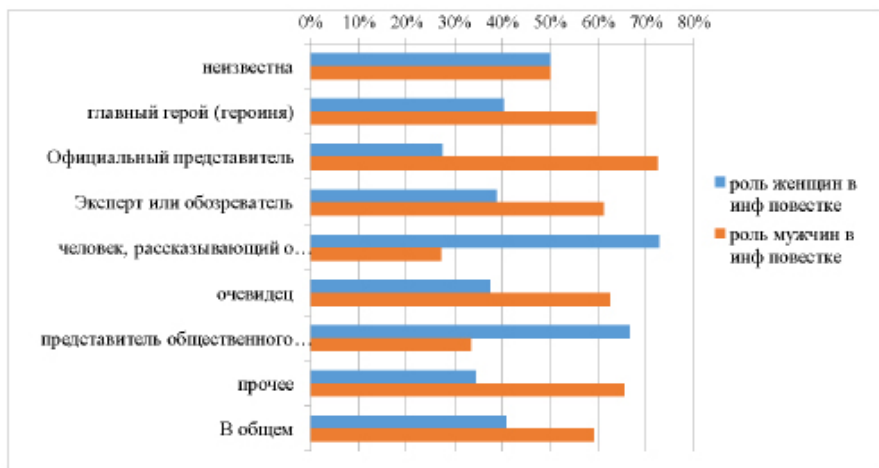
Тема	% жен репортеров и журналистов	Кол-во жен репортеров и журналистов	% муж репортеров и журналистов	Кол-во муж репортеров и журналистов
		118		83
Политическая жизнь и управление	34,5%	10	65,5%	19
Экономика	44,1%	26	55,9%	33
Наука и здоровье	62,5%	5	37,5%	3
Правовые и социальные вопросы	79,2%	38	20,8%	10
Преступление и насилие	68,2%	15	31,8%	7
Знаменитости, искусство, СМИ, виды спорта	68,6%	24	31,4%	11

Далее анализировалось присутствие женщин и мужчин в новостях в качестве новостных субъектов и представителей, а также их роль (функция) в новостных сообщениях. Анализ показал, что в новостях на тему «Политическая жизнь и управление» были представлены всего 5,3% женщин (в печатных СМИ) и 31,8% (в интернет-изданиях). Однако женщины преобладали в новостях по темам «Правовые и социальные вопросы» (61,7% в печатных и 51,6% в интернет-изданиях). Что касается роли (функции) в новостных сообщениях, женщины преобладают в качестве тех, кто рассказывал о личном опыте (73%), и тех, кто представлял общественное мнение. Мужчины же представлены в качестве официальных представителей (72%), экспертов и обозревателей (61%).

Тема	Кол-во жен в новостях печатных СМИ	%	Кол-во жен в новостях эл СМИ	%	Кол-во муж в новостях печатных СМИ	%	Кол-во муж в новостях эл СМИ	%
	136	42,4 %	91	38,7 %	185	57,6 %	144	61,3 %
Политическая жизнь и управление	2	5,3%	14	31,8 %	36	94,7 %	30	68,2 %
Экономика	35	36,1 %	13	29,5 %	62	63,9 %	31	70,5 %
Наука и здоровье	6	50,0 %	3	37,5 %	6	50,0 %	5	62,5 %
Правовые и социальные вопросы	50	61,7 %	33	51,6 %	31	38,3 %	31	48,4 %
Преступление и насилие	6	37,5 %	11	28,9 %	10	62,5 %	27	71,1 %
Знаменитости, искусство, СМИ, виды спорта	37	48,1 %	17	45,9 %	40	51,9 %	20	54,1 %

**Присутствие женщин и мужчин в качестве новостных субъектов в
Беларуси
в зависимости от средства массовой информации**

Функция/роль новостного субъекта в сообщении

Количество новостных субъектов, определяемых (в том числе) через семейный статус, в зависимости от пола

Семейный статус указан?	Женщины	Мужчины
Да	43	22
Нет	184	307

Количество историй о конкретной женщине или группе женщин

Количество историй о конкретной женщине или группе женщин	13
---	----

Количество прямых цитат субъектов женщин и мужчин в новостях

Количество прямых цитат	
Женщины	191
Мужчины	279

Изображения в новостях

(количество субъектов женщин и мужчин на фотографиях в новостях)

Используется фотография человека в материале	Женщина	Мужчина
Да	75	90
Нет	132	214
Неизвестно	13	10

Общее присутствие женщин и мужчин в новостях в Беларуси в качестве новостных субъектов и представителей

тема	% жен в новостях	Кол-во жен в новостях	% муж в новостях	Кол-во муж в новостях
		227		329
Политическая жизнь и управление	19,5%	16	80,5%	66
Экономика	34,0%	48	66,0%	93
Наука и здоровье	45,0%	9	55,0%	11
Правовые и социальные вопросы	57,2%	83	42,8%	62
Преступление и насилие	31,5%	17	68,5%	37
Знаменитости, искусство, СМИ, виды спорта	47,4%	54	52,6%	60

Наряду с количественными замерами нас интересовал и качественный анализ новостного сообщения. Мы выявляли/рассматривали: как изображались женщины и мужчины в новостях; наборы признаков или черт, применяемых для описания женщин и мужчин при создании их портретов; роли, которые играют женщины и мужчины в сообщениях; гендерные стереотипы. Мы также искали примеры гендерно-чувствительных сообщений и сообщений с упущенными возможностями, где имелаась «гендерная слепота».

При анализе использовалась классификация стереотипов в медиа, разработанная в методологии ГММ, в которой стереотипы делятся на явные и неочевидные, или тонкие. К явным или незамаскированным относятся материалы, в которых женщины представлены или изображены как

сексуальные объекты или как жертвы (пассивны, зависимы, эмоциональны), а мужчины представлены или изображены как лидеры (активны, независимы, компетентны, агрессивны). Тонкие стереотипы закрепляют за женщиной определённую традиционную социальную роль и делают такую роль нормой. Например, закрепляют ролевые нормы для мужчин (норму успешности, твёрдости, антиженственности). Женщины же описываются не через индивидуальную, профессиональную успешность, а через отсылки к её замужеству и рождению детей, не имеющие прямого отношения к истории. Или ассоциирование некоторых тем только с женщинами или мужчинами, в результате чего создаётся впечатление, что эти темы касаются только женщин или только мужчин.

Между явными и тонкими стереотипами

К новостным материалам, относящимся к явным и тонким стереотипам мониторинга (лето 2018), можно отнести следующие тексты, описывающие участие женщин-военнослужащих в параде в честь Дня Независимости.

Новость **«Самый красивый расчёт»**. Прошла тренировка расчёта женщин-военнослужащих к параду ко Дню Независимости: «Среди тех, кто будет тянуть носок в самом красивом, без сомнения, парадном расчёте, и старший лейтенант...» (СБ, 1 июня).

Тут акцент делается не на профессиональную успешность женщин в армии (у них всех имеются звания и должности), а на отсылку к «красоте» (т. е. внешним данным), которая не имеет прямого отношения к армейской службе. Более того, в том же номере газеты мужчины в погонах описываются через иные категории: «Все люди в погонах, особенно командиры, должны быть образцом... добросовестного исполнения служебных обязанностей... они за короткое время должны подготовить настоящих бойцов, настоящих защитников нашего Отечества...» (СБ, 1 июня.)

Далее, к стереотипным новостным материалам относится и текст **«Што і каго ўбачым на парадзе»**: «Цікавінкай парада стане тое, што падчас яго пройдуць зводныя парадныя разлікі, якія складаюцца з жанчын-ваеннаслужачых і навучэнцаў кадэцкіх класаў і спецыялізаваных ліцэяў...» (Звязда, 21 июня.)

Как и похожий материал на sputnik.by, в тексте которого присутствует следующее описание: *«Особой изюминкой парада в этом году станет участие отдельной женской «коробки». Военнослужащих «слабого пола» отбирали самым строгим образом, ведь они примут участие в главном параде страны без каких-либо поблажек»* (sputnik.by).

Тут военнослужащих-женщин не только не распознают как «защитниц Отечества», причисляя их к «слабому полу», но и объединяют с кадетскими классами и лицеистами, тем самым подчёркивая «недосубъектность» женщин в погонах.

Далее, материал на TUT.BY был отнесён к стереотипному, так как там снова про «красоту» и обсуждают с женщинами-военными не их профессиональные успехи, а причёски и форму: «Во время генеральной репетиции журналисты TUT.BY расспросили представительниц самого красивого расчёта о подготовке к празднику, причёсках, форме...».

В новостях, посвящённых празднованию Дня Независимости, проявился явный гендерный перекос.

В материале с названием «**Наши близкие люди**» РОО «Белая Русь» поздравило малышей, родившихся в День Независимости, и их мам. (Геннадий Давыдько: «Родить в День Независимости – это счастливое совпадение... Надеюсь, что из них вырастут настоящие патриоты, члены «Белой Руси») (СБ, 6 июля). Акцент делался на исполнение репродуктивной функции женщинами. В тексте отсутствовала информация об отцах/мужьях (нет их и на фото), о профессиональных успехах самих рожениц также ничего не сообщается. Именно так и формируется понимание ценности семьи и деторождения как «женских» ценностей.

Мужчин же в этот период называли профессионалами и присваивали им очередные звания, что напрямую связано как с карьерным ростом, так и с повышением окладов. Например, текст «**Профессия – Родину защищать**»: *Во Дворце Независимости прошла церемония чествования выпускников военных вузов. ... в соответствии с указами Президента, очередные воинские звания присвоены...*» (СБ, 6 июля).

Через «красоту» в медиа не только описывают военнослужащих-женщин, но и возвращают к трезвой жизни белорусок, попавших в лечебно-трудовой профилакторий (ЛТП). Об этом материал под названием «**Красота спасёт: Две бизнес-леди (волонтеры Красного Креста) из Минска ездят в ЛТП, чтобы научить женщин новой профессии**». (СБ, 17 июля). В тексте не упоминалось о том, ведётся ли работа с потенциальными работодателями на предмет устройства женщин, прошедших реабилитацию в ЛТП. Но акцент делается на том, что даже в ЛТП женщина должна и может быть красивой.

За период мониторинга интернет журнал naviny.by отличился особо сексистской подачей новостей по теме дорожно-транспортных происшествий с участием женщин. Например, новость «*Байкерша в обтягивающих шортах волю покуражилась на минских улицах*» (naviny.by 10 июля) или «**Перепутала педали**». «*Случчанка на джипе протаранила торговый центр ... Бизнес-леди была трезвой. Случчанку наказали штрафом в половину базовой величины (12 рублей)*» (naviny.by, 26 июля).

Такие новости поддерживают расхожий миф об опасности нахождения женщин-водителей на дороге. Хотя исследования доказывают обратное, как и сумма штрафа, выписанного ГАИ «случчанке на джипе», говорит о ничтожности нанесённого торговому центру ущерба.

Гендерная слепота или «упущенные возможности»

В ходе мониторинга (лето 2018) были выявлены тексты с «упущенными возможностями». Например, текст с названием **«Супершкола, шоу-балет «Выпускник – 2018» і запрашэнне ў аквапарк»** (Звязда, 6 августа) о республиканском празднике «Последний звонок». Одна из выпускниц – «10-й сярэдняй школы Пінска Вольга Невар» – рассказала журналистке свою историю: *«Вользе давялося сваю мару крыху адкарэктаваць: першапачаткова яна збіралася паступаць у Ваенную акадэмію на ваеннага псіхолога, але ў пачатку года стала вядома, што набор дзяўчат не плануецца: «Вельмі шкада, я ішла да гэтага з дзяцінства, абрала ваенна-патрыятычны клас, хацела пайсці па слядах дзядулі, які працаваў у міліцыі...»*. Но журналистка переключает акцент: *«У сваіх сілах выпускніцы ўпэўнены: вынікі рэзультатыўнага тэсціравання абнадзейваюць...»*. Символичным является и то, что текст сопровождается обширным фотоматериалом. Министру образования Республики Беларусь Карпенко Игорю Васильевичу и заместителю премьер-министра Республики Беларусь Василию Жарко помогли вручать награды выпускникам и выпускникам школ 2018, а также их классным руководителям (из каждой области) в «Минск-Арене» обладательницы титулов «Мисс». На фото были «Мисс Беларуси – 2018» Мария Василевич (20-летняя студентка БГЭУ), «Первая вице-мисс» – Маргарита Мартынова (окончившая филологический факультет ГрГУ имени Янки Купалы в 2018 года и получившая распределение в среднюю школу №39 города Гродно) и «Вторая вице-мисс» – Анастасия Лавринчук (18 лет, учится в Институте бизнеса БГУ). То есть в этом тексте молодым выпускникам и выпускницам и их учительницам вручают грамоты мужчины в должностях и студентки гуманитарных вузов в статусе «мисс» (украшающие церемонию). Тем самым закрепляется как норма ролевая модель, в которой статусным мужчинам помогают красивые студентки. При этом внимание не фокусируется на факте того, что выпускница хочет стать милиционером, по принципу «хочется, а не положено!» (так как в этом году набора для девушек МВД не планирует).

К материалам с «упущенными возможностями» относится и текст **«Чувство металла. Аж искры летят! О профессии сварщика»** о сварщике, который рассказал: *«Как пришёл в профессию в 2002 году, так ... в ней и остался: «У меня мама всю жизнь сварщицей на стройке проработала. И я в другой профессии себя пока не вижу»*. Под текстом был список имеющихся мифов, среди которых и *«Миф 2: сварщик – чисто мужская профессия. Да, эта работа требует большого ручного труда, однако и женщины с ней успешно справляются. На заводе их 15, трудятся в четырёх цехах предприятия, на машинах контактной (прессовой) сварки»*. (СБ, 13 июня). Если бы в материале была добавлена речь мамы-сварщицы, то был бы соблюден баланс и текст бы от этого только выиграл.

Ещё один текст **«Гораду Пінску і яго хлопчыкам: Московский бизнесмен**

подарил малой родине спортивный комплекс» (Звезда, 13 июня). Создаётся впечатление, что в огромный спортивный комплекс девочкам вход воспрещён. В тексте нет информации о том, какими видами спорта занимаются девочки в Пинске и занимаются ли вообще.

В тексте **«Семью ничто не заменит»** журналист рассказывает о том, что «под Витебском закрывается детский дом. Персонал боится потерять работу». Приводится беседа с работниками и работницами детского дома, среди которых присутствуют два воспитателя-мужчины:

«Воспитатель Андрей Третьякевич, которого я встретил, больше был похож на строителя:

– Плитку кладу в туалете... Жаль, если стены, в которые столько труда вложено, без хозяина останутся.

По словам его коллеги Андрея Петренко, в деревне поочерёдно закрылись почта, клуб, ферма, библиотека.

– Моя зарплата в детдоме – 600 рублей. Если он закроется, таких денег в сфере образования мне больше в округе не заплатят». (СБ, 21 июня).

Воспитатели-мужчины крайне редко встречаются в белорусских медиа. И в данном тексте журналисту кажется, что воспитатель похож на «строителя», – обсуждается не их основная профессиональная деятельность, акцент смещается на то, что они выполняли ещё и строительные работы и теперь сожалеют, что не найдут в округе таких зарплат. Стоит заметить, что ни одна из работниц детдома в данном тексте не говорит о своей зарплате.

Ещё один текст **«Это уже будет не мужчина. Готовы ли папы пойти в декрет и согласны ли мамы доверить им детей»** (tut.by, 21 июня) привлёк наше внимание тем, что в материале высказываются разные мнения (семь женщин и пять мужчин), но для заголовка выбрана фраза, высказанная самым консервативным мужчиной. И тут возникает вопрос: зачем редакция tut.by так делает? Или консервативный мужчина озвучил позицию, которую разделяет издание/редакторка, и именно поэтому фраза и попала в заголовок?

Гендерно-чувствительный подход

В ходе мониторинга были обнаружены и тексты, бросающие вызов стереотипам. Например, текст **«От рассвета до стартапа. Как многодетный отец из Островца решил делать игрушки из дерева»** (СБ, 6 июля).

Крайне редко в белорусских медиа именно отцы становятся героями, рассказывающими о своём опыте отцовства.

Отдельно нужно сказать о тексте-истории, сфокусированном на гендерной специфике, в данном случае о профессии военного лётчика, которая входит в список профессий, запрещённых для женщин в Беларуси. Речь о тексте журналистки Дарьи Лобаевич **«В воздухе я чувствую себя дома. Триста часов наедине с небом: девушка-пилот рассказывает про вертолётный спорт и военную авиацию»** (Звезда, 6 августа). Материал посвящён прошедшему под Минском чемпионату мира по вертолётному спорту. Журналистка встретилась с командиром женского экипажа Софией Куршубадзе, *«чтобы узнать про этот вид спорта больше и понять, как девушки влюбляются в небо».*

Героиня материала рассказала: *«В мой год не было набора, поэтому*

продолжила летать как спортсмен ДОСААФ. А когда военная академия возобновила набор девушек, мой возраст уже превысил допустимый для поступления. Была очень расстроена, потому что всегда хотела, чтобы моя работа была лётной...». «— Я стучалась во все двери: и в авиацию МЧС просилась, и в армию, готова была бросить второй раз институт... Когда пыталась перевестись в Военную академию, ничего не вышло опять из-за возраста, хотя я готова была всё начать сначала, с первого курса и понимала, что пять с половиной лет мне придётся быть «закрытой» в академии: это всё-таки армия. К сожалению, даже большие военные начальники не смогли мне помочь, дело дошло до министра обороны».

Эта история показывает те препятствия, с которыми сталкиваются женщины, выбирающие традиционно «неженские» специальности для своей профессиональной реализации. И наличие таких историй в СМИ ценно тем, что даёт голос тем женщинам, которых список профессий, запрещённых для женщин дискриминирует, лишая их возможности реализоваться на рынке труда и в XXI веке.

Результаты медиа-мониторинга позволяет отметить, что, с одной стороны, женщины активно вовлечены в деятельность СМИ как в сферу профессиональной занятости. Но большое количество женщин, участвующих в создании новостей, не меняет гендерного дисбаланса в новостных образах. К женщинам крайне редко обращаются за экспертным мнением, о них мало пишут (из 340 новостей только 13 историй о конкретной женщине или группе женщин). Такая ситуация способствует невидимости женской профессиональной активности в различных сферах общества (хотя, уровень занятости женщин в Беларуси более 70%) и создает гомогенный образ одного субъекта новостей — мужчин.

Н.Н. Потарская

N.N. Potarska

Международная Женская Лига за Мир и Свободу (WILPF) (Киев, Украина)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВО ВРЕМЯ КОНФЛИКТА НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ: ЖЕНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

TRANSFORMATION OF DAILY LIFE DURING CONFLICT IN THE EAST OF UKRAINE: WOMEN'S PERSPECTIVE

Аннотация. Статья посвящена исследованию женского взгляда на трансформацию повседневности во время конфликта на Востоке Украины. (2014-2019). В публикации описываются изменения основных сфер повседневности и тенденций ее трансформаций во время конфликта на востоке Украины через призму женских нарративов. В работе рассмотрены проблемы, связанные с изменением социально-экономических структур, даны рекомендации, смягчающие негативные и деформирующие воздействия конфликта.

Ключевые слова: повседневность, трансформация, конфликт, гендерная социализация

Abstract. The paper is dedicated to the study of women's point of view on the transformation of the everyday life under the conflict on the East of Ukraine (2014-2018). Changes of the main spheres of everyday life and tendencies of its transformations during the armed conflict in the East Ukraine were investigated through the prism of women narratives. Problems of lasting change in social and economic structures of the region were studied, and recommendation for softening of the narrative and deforming impacts of the conflict over the women were formulated.

Key words: everyday life, transformation, conflict, gender socialization.

В основе женского нарратива стабильно воспроизводится устойчивый, хотя открыто и незавершённый, порядок дискурса, который структурно организован при помощи ключевых концептов – «женщины», «мужчины», «возможности», «гендерное равенство», «национальный механизм обеспечения равных прав и равных возможностей», «репродуктивный труд», «политическое участие женщин», «экономическое участие женщин» в текстах Конвенций и резолюций ООН используются понятия «насилие», «дискриминация», «гендерная дискриминация» и «гендерно обусловленное насилие», а так же понятия семантического уровня в проблематике контроля телесности, репродуктивных прав, реализации сексуальности.

Перспективы развития темы дискурса женского нарратива заключаются в

расширении эмпирической базы исследования за счет включения в нее текстов интервью с активистками, лидерами мнений и рядовыми женщинами. Также интересным и перспективным представляется изучение «обратной связи», мониторинга удовлетворения потребностей и определение опасностей для женщин, женских групп, реакция на обращение в публичной сфере, и реакция на стремительную феминизацию дискурса.

Военный конфликт меняет повседневную жизнь и трансформирует социально-экономические структуры. Современное украинское общество стратифицировано по многим признакам, но наиболее четко делится по признакам гендерной социализации, которая определяет наше место в обществе, возможности для личностной реализации, формирующие нашу повседневность. По данным Министерства социальной политики (доступны только цифры за 2013 год) пособие по уходу за ребенком получили 12,9 тысячи мужчин, что составляет 1% от всех получателей такой помощи. Деформация социальных структур, связанных с конфликтом, в первую очередь влияет на женщин, поскольку именно они во время своих обычных практик сталкиваются с проблемами функционирования объектов социальной инфраструктуры, быта и логистическими сложностями, обусловленными возложенными на них обществом функциями репродукции.

Объект исследования – повседневные практики женщин во время конфликта.

Предмет исследования – трансформации социокультурного пространства женского опыта повседневности во время конфликта на востоке Украины.

Цель – проанализировать включенность женских практик в социальную инфраструктуру. Составить рекомендации для органов государственной власти, международных организаций, работающих с касательной проблематикой.

Для реализации данного эмпирического исследования было проведено 20 глубинных полуструктурированных интервью с женщинами, которые живут в Мариуполе, Запорожье, Харькове, Антраците, Лисичанске, Ждановке, Горловке, Славянске, Донецке и Краматорске. Все интервью было записано весной-летом 2015 года.

Возрастные границы респонденток от 30 до 65 лет, среди которых 12 имели высшее образование, 8 имели среднее и среднее специальное. Занятость женщин была разнообразной – от занятых домохозяйством до руководительниц отделов производства и преподавательниц в высших учебных заведениях; также среди опрошенных были пенсионерки, бухгалтера и психологи.

Исследование было реализовано при поддержке Фонда имени Генриха Белля и впервые представлены результаты в декабре 2015 года, и опубликовано в публицистическом формате того же года в соавторстве [1].

Война, конфликты, травмирующие события меняют нас, наше восприятие, наших близких и мир вокруг нас. Даже непродолжительное пребывание в контексте конфликта оставляет свой след, подрывает прежние представления о

жизненных канонов, ценности, понимание безопасности и опасности стратегии будущего. Для осмысления и осознания таких трансформаций нужно время, но не менее важными будут государственные политики, законы и инициативы, направленные на регламентирование и регулирование повседневной жизни, помощь в решении повседневных вопросов и содействия в построении отношений, основанных на доверии, как в горизонтальной плоскости так и в вертикальной.

Подавляющее большинство опрошенных для исследования женщин четко разделяет свою жизнь на «до» и «после». Иногда они сознательно и четко артикулируют такое разделение, но порой просто бессознательно сравнивая свой опыт, проблемы, отношения и вызовы в этих двух субъективных временных отрезках.

«Ну высокая была аренда за жильё до, опять же, до войны, сейчас не знаю.» К., Донецк.

В то же время, иногда такое разделение является непреднамеренным – оно проявляется в формулировках, фразах, оговорках, понятных в контексте.

«Н.П.: В Харькове, когда мы опрашивали, люди говорили о такой городской проблеме, как вырубка парков. И рассказывали, как люди пытались этому противостоять.

В.: ну это было до...» В., Лисичанск.

Отвечая на просьбу вспомнить конкретный момент, который стал для респонденток особенным, значимым, «поворотным» во всей истории конфликта, интересным было то, что мы не получили ни одного совпадения в ответах, даже когда информантки жили в одних и тех же населенных пунктах. Иногда события были связанными с резонансными сообщениями в новостях, но некоторые упоминали довольно персонализированные, личные или незаметные для других подробности. Для кого-то это было избиение студентов на Майдане или протестующих в Харькове, для кого-то – протест ДНР в Донецке 1 марта или жертвы в Одессе 2 мая. Для кого-то – стрельба в Мариуполе 9 мая, для кого-то – захват Славянская или «Иловайский котел».

Но в то же время это было изменение флагов у соседей, или нетипично одетые люди в городе. Интересно, что события, которые женщины называют поворотными для них лично, за отдельными исключениями, происходили или в их городе, или с их знакомыми или родными. Через эти события политический и социальный конфликт приближался и входил в повседневности местных сообществ, отдельных семей и людей.

Оценивая ситуацию перед началом конфликта, женщины делятся на два лагеря. Большинство оценивают ситуацию перед конфликтом как сложную, плохую, как деградацию. Женщины, которые оценивают предыдущую ситуацию негативно, отмечают, что и до начала конфликта было много проблем, связанных с произволом власти и бизнеса, безработицей, низкими зарплатами и их задержкой, плохой экологической ситуацией, незаконным строительством,

качеством и стоимостью коммунальных услуг, жильем, коррупцией, закрытием предприятий и общим низким уровнем социально-экономического достатка.

«Н.П.: А с чего жили люди в городе?»

Л.: всё что-то продавали, а производство, ну как по мне, было уже не в очень хорошем состоянии: все выкачивалось потихоньку и приходило в состояние «занедбаності», а война только усилила это.» Л., Донецк.

«И на этой нищете, на закрытых предприятиях, на том, что нечем заниматься, на закрытых спортивных комплексах, эти люди 20 лет ничего не видели, а потом выросли и поехали работать в Москву, заработали свои 100 долларов, вернулись домой – и дальше пустота.» С., Лисичанск.

Большинство проблем, которые женщины называли как имеющиеся до начала конфликта, были связаны с социально-экономическими институтами и их ненадлежащим функционированием. С началом конфликта для многих из них условия жизни и материальное положение достигли критических показателей – речь идет уже о невозможности приобрести товары первой необходимости, медикаменты.

Прослеживается большая разница в положении женщин, проживающих на территории под контролем украинской власти, и теми, которые остались на неподконтрольной территории. Основная проблема для женщин по эту сторону линии разграничения – рост цен несмотря на низкую зарплату, что существенно повлияло на их финансовые возможности. Не менее важной является не включенность в сферы прав человека, когда женщины не испытывают гарантий защиты и соблюдения прав и свобод.

«[Раньше можно] было сходить в магазин и скупиться на 200 грн., а сейчас сходишь, скупись на 500 и все то же самое. Цены поднялись очень сильно, а зарплата так и стоит на одном месте.» В., Лисичанск

«Цены. Цены на бензин, цены на продукты, цены на одежду. Зарплата крайне маленькая. В зимний период нас перевели на полставки. На 800 гривен на руки сильно не проживешь. Это хорошо, что я с родителями и вместе оно как-то легче. [В одиночку] было бы невозможно.» А., Запорожье.

В распределении семейного дохода, отмечают женщины, главными статьями расходов для них стали еда, детская одежда и детские занятия, оплата коммунальных услуг. Кроме нехватки личных финансовых ресурсов, женщины говорят и о последствиях нехватки средств в государственных учреждениях: ухудшилось питание в школах и садах, несмотря на рост их стоимости для родителей, в медицинских учреждениях осложнилась ситуация с лекарствами.

«Н.П.: А Вам хватает?»

С.Т.: Нет. Вот я получила аванс, и буквально за 2 дня я смотрю уже, может, кто-то где-то что-то положит. Вот, может, мужу там что-то кинут – не хватает. Вот от аванса до получки, ну скажем, тысячи четыреста мне не хватает вообще.» С.Т., Славянск.

«Н.П.: На какие статьи уходят ваши доходы?»

Н.: На те деньги что я зарабатываю, статья расходов – питание. И то не хватает» Н., Донецк.

«Н.П.: А вы откуда деньги берете?»

Л.: Тратим то, что осталось с прошлой жизни.» Л., Донецк

В чем особенности повседневности на территории, неподконтрольной правительству Украины? Женщины, продолжающие проживать на территориях, подконтрольных Украинскому правительству, переживают схожие опыты и проблемы, но часто все проблемы и вызовы имеют еще более обостренный характер. Отсутствие работы, денег, рост цен, в дополнение к этому всему – дефицит товаров первой необходимости.

«Работы нет, естественно, денег нет, соответственно, у родителей пенсии нет. Ну это то, что касается меня. Вот какие ещё сложности могут быть? Когда нет денег – нет твоей нормальной жизни, которая была раньше!» К., Донецк.

«Цены – тихий ужас, особенно аптеки. Для пожилых людей это катастрофически, это равносильно [смерти], просто медленно умирают люди, потому что у кого-то нет возможности вообще ничего купить, даже отечественное.» Л., Донецк.

«Сложности? Сейчас все – сложности. Очень выросли цены, и очень многие простые вещи стали не по карману простым людям. Проблема с медикаментами – они становятся роскошью. Вот на моей работе мы развозим гуманитарную помощь бабушкам-дедушкам, которые остались одни. У них совсем нет возможности, они не получают пенсию, и никаких денег – ни льгот, ни субсидий, ничего. И просто умирают, потому что негде взять, ни купить, ни найти.» Н., Донецк.

Также в городах, подвергшихся обстрелам, упоминаются проблемы со светом, водо- и газоснабжением, которые были в начале вооруженного противостояния. Были проблемы с транспортным сообщением.

«Сейчас вода есть постоянно, были проблемы, пока проходили боевые действия, месяц не было, и потом были перебои. Не было света целый месяц. Газ был, но не везде – на трубы попадало и трубы были разрушены. Но потом быстро отремонтировали, и проблем сейчас нет.» Л., Ждановка.

Если женщины, живущие по эту сторону линии разграничения, говорят преимущественно о финансовых проблемах государственных учреждений, некоторое ухудшение ситуации в них или же подорожание их услуг, то для женщин по ту сторону линии разграничения часто проблема заключалась в остановке функционирования этих учреждений. Были перебои с работой школ, медучреждений – по крайней мере, еще весной 2015 года их работа переформатировалась согласно новым правилам, тоже мало свое влияние на граждан, которые ими пользуются.

«Дети, которые ходят в школу, не хотят учиться, потому что школа то работала, то не работала. Теперь пятибалльная система, была

двенадцатибалльная, обещают поменять учебники. И детей это вывело из того правильного русла, в котором они были, и не хотят ходить в школу, не хотят учиться. Они, в общем-то, не понимают, для чего это надо.» Н., Донецк.

Еще одна проблема, о которой вспоминают женщины, живущие по ту сторону линии разграничения, это люди с оружием – представители самопровозглашенных вооруженных формирований. Отдельным аспектом этой проблемы является алкоголь, который приводит к неадекватной, непредсказуемого поведения.

«Люди с оружием, люди в опьяненном состоянии – это тоже вызывает страх, это страшно для меня.» В., Донецк.

«Нарушено все, и все разрушилось. Семьи разрушились. Вот у нас любят говорить, что вы предатели и уехали в Россию. Я всегда говорю, ребята – да хоть на день вас туда, я бы посмотрела, куда бы вы бежали. Когда у тебя стреляют над головой, то убегаешь куда ближе.» Л., Антрацит.

Говоря о путях спасения и стратегии действий в критических ситуациях, все опрошенные женщины абсолютно единодушны – полагаться они могут только на себя, своих родных и друзей. Только изредка они вспоминают о попытках получить статус переселенцев или покинуть территорию военных действий с помощью государства. Такой опыт обычно упоминается как отрицательный.

«Помощь от государства для меня всегда сомнительный вопрос. По-честному, я никогда не ходила по этим инстанциям, я всегда надеялась на себя. Единственное, помню, – так это то, что мне оплачивали больничный. Мне сказали, что я не зарегистрирована в соцстраховании, и моя зарплата в июне была снижена на 50 процентов.» В., Донецк.

«Обращаться к кому-то без толку. Говорили, что зеленый коридор, и мы вывозим, но никаких эвакуаций не было. Всех бросили. Только прислали на почту предприятия инструкцию, как себя вести в случае бомбежки. Как в советское время говорили, что от радиации нужно накрываться белой простыней, то сейчас рекомендовали тоже, очень смешно. Никто никого не вывозил. Никакого участия государства в спасении своих граждан не было.» Л., Антрацит.

Во многих случаях цитаты из интервью четко передают эмоциональное состояние паники, угрозы, страха, отсутствия смысла, бессилия. В цитатах, которые мы приводили, уже звучали реплики и настроения, которые указывают на тяжелый и гнетущий психологический фон многих респонденток. Они говорят о прошлой жизни, об отсутствии нормальной жизни, ужасе и смерти.

«Для меня изменилось все. Внутренне ощущение, люди поменялись. Все поменялось. Я приезжаю в родной город, который был теплый, добрый, сказочный. Сейчас он холодный, безлюдный, с тяжестью в атмосфере. Он, безусловно, такой же любимый, но все очень сильно поменялось.» Т., Донецк.

Одной из ключевых эмоций для многих женщин является страх. Говоря

о конкретных угрозах, которым они боятся, большинство женщин говорят о физических угрозы войны – обстрелы, гибель кого-то из близких, увечье, разрушения. Также время упоминалось о страхе перед криминогенной ситуацией, а в городах, где были обстрелы – страх перед инвалидностью.

«Я боюсь остаться калекой, я еще молодая, и не стану жить без рук или ног. Не в нашей стране, мы никому и здоровые не нужны.» К., Донецк.

Также женщины «мирных» городов боятся, что война приблизится к ним, фронт и активные боевые действия могут добраться до их дома.

«Конечно, Запорожье – город предфронтовой, и все говорят, что Путину нужен путь в Крым, возьмет он Мелитополь, и на этом не остановится. И, конечно, мы тут тоже переживаем, боимся войны.» Ю., Запорожье.

Также для части женщин военный конфликт несет дополнительный страх – за близких мужчин, в частности – за детей. Их пугает перспектива мобилизации их детей, они напрямую рисковать жизнью и здоровьем в зоне конфликта.

«Сыну моему, кстати, восемнадцать лет будет вот в этом году и... это тоже момент, вот, о котором мне сложно думать» В., Харьков.

Для большинства женщин страхи войны переплетаются со страхами потерять остатки социально-экономического благосостояния через сопутствующую кризис – жилье, работу. Эти страхи в их ответах часто звучат рядом, одна за другой.

«Я боюсь за свое жилье, за свою работу. Я переживаю, я боюсь, что я могу типа уволиться, и перелететь [могут] какие-то «грады».» С.Т., Славянск.

«Н.П.: А какие вы для себя чувствуете опасности?»

С.: Ну, это война, крах, обстрелы, разруха. Страх того, что не будут платить зарплату. Нам в больнице задерживали, но вроде бы потом выплатили. Если у тебя заканчиваются деньги и на завтра у тебя нет продуктов – тоже страшно. Ты ошущаешь панику.» С., Славянск

В то же время во многих случаях женщины воспринимают ситуацию и угрозы как совершенно непредсказуемые, это приводит к дополнительной стрессовой нагрузке, чувство неуверенности.

«А вдруг попадет? Сегодня в любой момент можно остаться без жилья, без белья, и без ничего.» В., Лисичанск.

«Сейчас проблема в том, что в душе тревога. Постоянно страх и тревога. Страх за жизнь близких, детей, за жизнь своих родственников. Страх этот чувствуется даже в транспорте. Сейчас приоритеты и ценности поменялись. Уже никто не думает о бытовом, о ремонтах, одежде и накоплениях. Стало понятно, что мы можем в один миг потерять все. Люди живут сегодняшним днем.» С., Славянск

«Это нестабильная, предельно нестабильная нестабильность, это жизнь одним днем, что называется.» В., Харьков.

Также одна женщина говорит о страхе перед нетерпимостью, поляризацией, ненавистью в обществе, которая может повлиять на их ближайшее окружение,

на ребенка-подростка – его психологическое состояние и взгляды, позицию.

«Какая непримиримость! Я просто я не понимаю, как... как это привести теперь в норму? Вот это меня очень беспокоит. Мне психологически очень страшно, что есть люди, которые... ненавидят. Вот эта ненависть, ну, она же может в какой-то момент ребенка моего захлестнуть.» В., Харьков.

Для женщин с детьми основные тревоги и страхи связаны именно с детьми, их безопасностью, попытками создать для них повседневности, которое хоть немного отвлекает от реальности пугающим. Женщины часто выполняют привычную роль эмоционального буфера, и не только для детей. Они пытаются поддерживать друзей, близких, окружающих.

«Как только начинают стрелять с нашей стороны, я тут же звоню сыну в школу и стараюсь спросить, аккуратно, чтобы его не напугать, узнать, как он, сказать ему, что я его люблю. Если он не отвечает, у меня внутри все холодеет, и я тут же бегу в школу его забирать.» Н., Мариуполь.

Женщины, которые пережили обстрелы, говорят о психологических проблемах, возникших в результате этого опыта, который порой переходит и в физические проявления пережитых психологических травм. Также они отмечают влияние, которое оказал на их окружения, родных, знакомых опыт жертв и потерь – постоянное чувство обреченности, даже в моменты длительного, или окончательного затишья, которому не доверяют.

«Я тяжело пережила, и, видимо, еще переживаю, по состоянию здоровья. У меня проблемы с речью, моя внучка при виде самолета до сих пор присаживается и прикрывает голову. И у меня уже после приезда начались сильные приступы, думала, что с ума сойду. Сейчас живем, как животные, все безразлично. [...] При этом, если я слышу взрывы, даже если далеко и не опасно, но хочется бежать и прятаться. И люди так живут уже второй год, и видели все, и как грады летят. И сейчас как бы тихо, но ощущение -, будто бы приговоренный к смерти. И ты ждешь, когда эту казнь исполнят.» Л., Антрацит.

Поэтому боевые действия и их последствия создают ситуацию неуверенности в будущем, страха, тревоги, обреченности, ощущение потери контроля над своей повседневностью. Меняется субъективное временное восприятие повседневности – континуум жизни сводится до сегодняшнего дня. Будущее теряет любые предполагаемые очертания, люди боятся планировать, смотреть вперед. Прошлое «оборвалось». Жизнь замерла, потеряло смысл.

Подавляющее большинство респонденток считают, что конфликта можно и «нужно было избежать» «любым способом». В то же время они убеждены, что они лично, как и большинство простых граждан, никак не могли повлиять на развитие ситуации, приведшей к конфликту и кризиса.

«Нет, и народный протест у нас в стране не имеет никакой силы.» К., Донецк.

«От простых людей абсолютно ничего не зависит. Будь ты хоть семи

нядей во лбу, воспринимай ты ситуацию правильно-неправильно – ты это не сможешь изменить никак.» Л., Донецк.

В поисках субъекта, который мог бы повлиять на ситуацию, когда простые люди ничего не могут изменить, женщины обычно смотрят вверх. В крайнем случае одна из женщин выражает мнение, что изменить что-то в стране может только «высшая сила». В большинстве же случаев, ища субъектов вверх, женщины, очевидно, говорят о светскую власть. «Просто люди сами не могут договориться, все должны решить сверху» В., Лисичанск.

«По большому счету ты понимаешь, что ты ничего не изменишь, от тебя ничего не зависит, и кем-то наверху все решается.» С., Славянск.

«Против оружия ничего не могут сделать обычные люди. Это должно решаться на высшем уровне.» Т., Донецк.

В то же время ее же, высшую политическую или экономическую власть, женщины часто называют и субъектом разжигания конфликта. Кроме тех случаев, когда они прямо говорят о военном конфликте как о конфликте между Россией и Украиной.

«Н.П.: А вы бы могли сказать, кто с кем воюет?»

А.: Президенты друг с другом. [...] Они между собой никак не поделят. А людям нечего делить.» А., Запорожье.

«Н.П.: Кто с кем воюет?»

С.: Кто с кем? Олигархи с олигархами! Паны дерутся – у холопов чубы трещат.» С., Славянск.

Некоторые из респонденток четко противопоставляют верхушку общества и простых людей в своем восприятии конфликта.

«То есть, в конфликте я четко понимаю, что я на стороне... этого несчастного населения, которое оказалось между двух огней.» В., Харьков.

Те женщины, которые надеялись на власть, возлагали определенные надежды на ее решение в начале конфликта, не скрывают своего разочарования.

«Я нигде не ехала, надеялась на Порошенка. Помню, как он после выборов выступал и заявил о перемирии, я тогда как выскочила, доказывала и плакала от радости. Первый раз плакала, как сына родила, а второй – когда Порошенко про мир сказал. А через 10 дней он рассказал, что высокоточным оружием он освободит Донбасс.» Л., Антрацит.

Отсутствие чувства собственной субъектности и бессилие, вызванные войной и кризисом, вписываются в традиционное видение женской гендерной роли, в которой политика – совсем не женское дело, а женщина – пассивный объект в мире мужской власти. Интересно, что такие мысли звучат и из уст респонденток – и для объяснения динамики конфликта, и для объяснения невозможности повлиять на его ход.

«Ну, и потом очень многие просто даже вот... очень многие мужчины просто любят конфликты, просто любят воевать.» В., Харьков.

«У меня страх оружия, у меня страх мужчин... опять же, это большая

политика, в которой мое женское существо не может повлиять.» В., Донецк.

Возвращаясь к вопросу субъектности, только несколько женщин прямо высказывают мнение, что они могут что-то изменить, на что-то повлиять и то помочь.

«Да, я чувствую, и там, где я чувствую, что я могу влиять, я понимаю, что я не имею права не использовать все, что я, ну, могу, на что я способна, именно поэтому я активно включена в общественное движение...» О., Харьков.

Четко можно проследить связь такой позиции с участием женщин в волонтерских движениях или активную вовлеченность в общественно-полезной активности по обе стороны линии разграничения.

Анализ интенций относительно настроений, связанных с примирением, диалогами и миротворчеством.

Во время работы с материалами интервью складывается впечатление, что люди часто не понимают, почему началось и продолжается вооруженное противостояние, не понимают или не могут озвучить требования сторон.

«Я знаю, что идет война, а чего они хотят, я не знаю. Вначале одного хотели, потом другого хотели, потом третьего.» В., Лисичанск.

«Это не моя война, и я не могу понять, что это за стороны. Не знаю. «Какая-то обида и за одних, и за других, и очень жаль, что мальчишки погибают, и я не вижу смысла в этом. Я считаю, что нужно все мирным путем решать.» Т., Донецк.

Когда какие-то версии разногласий, которые привели к противостоянию, выдвигаются – часть женщин отмечают их незначительности или возможности их преодолеть. Те же, кто вынуждены воевать, часто вызывают у них жалость и сочувствие.

«У меня складывается такое впечатление, что непосредственно люди, которые принимают участие в боевых действиях, часто вообще не понимают, в чем состоит разногласие, то есть, они просто... Кто-то выполняет свой долг, кто-то зарабатывает деньги, кто-то воюет за какую-то идеологию, кому-то кем-то вложенную. Я бы не сказала, что лично люди, включенные в этот конфликт, совершенно четко и конкретно представляют, что у них между друг другом есть какие-то разногласия.» О., Харьков.

«Как соединить этот клочок, который по живому разорвали? И, по сути, что мне сделал это парень с Ровеничины, которые приехал к нам? Или что ему сделал мой муж?» Л., Антрацит.

«Да, есть разногласия, и в то же время и уважение есть, и жалость. [...] Это же такие же мужчины и женщины, с такими же проблемами. Мне кажется, что им самим горько, что они друг в друга стреляют.» С., Славянск

В то же время большинство женщин заявляют о готовности идти на компромиссы, необходимость искать их, и отмечают необходимость мирного диалога и его принципиальной возможности. Почти каждая из респонденток подчеркивала, что надо налаживать диалог, разговаривать.

Постсоветская трансформация гендерных режимов: направленность и специфика

«Мне кажется, очень большая проблема в том, как наладить коммуникацию между этими группами, как найти точки соприкосновения и научиться, вообще, говорить и договариваться.» О., Харьков.

«Просто нужно людям себя разумно вести и разговаривать друг с другом.» А., Запорожье.

«Разговаривать нужно со всеми, я считаю. Язык и голова даны человеку для того, чтобы разговаривать, а руки не для того, чтобы стрелять.» В., Запорожье.

Однако в способность диалога решить конфликт конструктивно верят не все женщины. Некоторые из них только могут надеяться, что такой путь рано или поздно работает.

«Есть у конфликта конструктивный уровень, когда еще можно договариваться, а сейчас оборот уже принят настолько деструктивный, что договориться сейчас на уровне обычных людей, скорее всего, не получится. Но моя эмоциональная часть... Убеждаю себя и других в том, что люди в конце концов взбунтуются и прекратят воевать. И пожмут друг другу руку, и те, кому это выгодно, пусть сами воюют. И я верю в это, и я надеюсь, что поднимутся люди и Запада, и Востока, и скажут: «Прекратите.»» С., Славянск.

Некоторые из женщин рассчитывают, что будут работать различные программы – и государственные, и со стороны международных доноров, направленные на усиление взаимодействия, диалога, и эти женщины высказывали готовность включиться в работу таких инициатив в своих регионах.

Были и те, которые видели роль миростроительниц как возможную часть своей гендерной роли.

«Вот, как это сделать, ну... я бы разговаривала, да, я бы ехала, я бы разговаривала. Ну, и как женщина, и как мать, просто, женщина как бы меньше агрессии вызывает.» В., Харьков.

И сама женщина со говорит, что в моменты отчаяния ей кажется, будто выходы из ситуации могут быть только нереальными, магическими, что свидетельствует о глубине ее чувство бессилия.

«Вот я, если бы можно было... Это самое умное, до чего я додумалась... К сожалению, нереально... Если бы можно было все, вот любое оружие сейчас превратить... Цветами пусть выстреливает, эти автоматы и с той, и с той стороны... конфетами, ну, пусть это прекратится.» В., Харьков.

Но есть и вопросы, на которые можно дать однозначные ответы. Мир, безусловно, критически необходим. Однако сам только мир не решит тех проблем в социально-экономических структурах и нашей повседневности, которые частично привели к конфликту и критически обострились с его течением. И некоторые из наших респонденток прекрасно это понимают.

«Все в один голос говорят: «мы хотим мира». Но ситуация такая, что

молодежь это не устроит. Я думаю, что молодежи, помимо мира, нужно какое-то развитие, какие-то перспективы, работа в конце концов. Поколение, которое еще пышет силами, хочет приносить пользу, оно не может найти себе применения, оно просто вынужденно куда-то уезжать, и это ненормально.» Л., Донецк.

Рекомендации по результатам эмпирического исследования:

- проведение оценки воздействия национальных социально-экономических реформ, последствий экономического кризиса и конфликта, законодательных изменений перед началом их имплементации;
- проведение гендерной оценки в качестве подготовительного этапа, а также проведение систематической оценки воздействия для корректировки последующих шагов;
- внедрение подходов учитывающие гендерные факторы во время формирования программ и стратегий, связанных со снижением уровня бедности;
- обращать особое внимание на потребности женщин, принадлежащих к уязвимым группам, или групп, которые подвержены множественной дискриминации;
- соблюдение гендерной инклюзивности на всех уровнях принятия решений;
- разработать компенсаторные механизмы для обеспечения гендерного равенства за счет поддержки программ, направленных на поддержку репродуктивного труда.

С.Н. Лаврентьев

S.N. Lavrentiev

*Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики
Башкортостан (Уфа, Россия)*

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

GENDER FACTOR IN THE POLITICAL AGENDA OF MODERN RUSSIA

Аннотация. В статье анализируются программы российских политических партий по гендерным вопросам и констатируется их патриархальный подход к решению проблем равноправия полов. Российская власть гендерные факторы положила в основу социальной политики по укреплению традиционной семьи как нравственного каркаса российского общества. В этих целях на государственном уровне принят ряд национальных проектов, главным из которых является проект «Демография». В статье констатируется использование гендерного фактора в политической борьбе как внутри страны, так и во внешней политике.

Ключевые слова: гендерный фактор, политические партии, российская власть, национальный проект, традиционная семья, политическая борьба.

Abstract. The author analyzes the programs of Russian political parties about gender issues and conclude that their patriarchal approach to solving the problems of gender equality. The Russian government has put gender factors into the basis of the social policy to strengthen the traditional family as the moral framework of Russian society. For these purposes a number of national projects have been adopted at the state level, the main one is «Demography». The author states the use of a gender factor in the political struggle as three countries, and in foreign policy.

Keywords: gender, political parties, Russian authorities, national project, traditional family, political struggle

Политическую повестку дня формирует, как правило, власть, её взаимоотношения с политическими партиями, гражданским обществом. Российские политические партии – это современные организации, которые не могут обойти гендерный вопрос. Он присутствует в их политических программах посредством упоминания таких слов как «женщины», «материнство», «семья», то есть главное – репродуктивная функция женщины, её защита государством. Ни одна из политических партий не видит общество способным к самоорганизации и решению проблем, в том числе демографических, посредством институтов гражданского общества.

На выборах в Государственную Думу Российской Федерации в 2016 году политические партии следующим образом представили гендерный фактор. У «Единой России» он был представлен в наиболее общем виде, как это обозначено выше; у КПРФ – очень слабо, отсутствуют даже вопросы защиты материнства и детства; у ЛДПР в предвыборной программе есть целая глава «Женщины и дети», в которой партия считает остро необходимым всемерно поддерживать роды у женщин (как материально, так и нематериально), особое место в программе занимают вопросы женского бесплодия и способов его решения; у «Справедливой России» наиболее полно раскрыты женские интересы, а именно: условия совмещения работы и воспитания детей, усиления общественного контроля за соблюдением трудовых гарантий женщин, всемерная поддержка предпринимателей, создающих благоприятные условия для работающих женщин, воспитывающих детей, тщательное расследование правоохранительными органами насилия над женщинами.

У отдельных политических партий («Гражданская платформа») присутствует модная унисекс-тема защиты прав кормильца семьи.

В программных документах большинства политических партий России женская проблематика рассматривается с патриархальных позиций, что говорит о неспособности или нежелании руководителей партий «старой закалки» видеть современные тренды решения гендерного вопроса. По мнению исследователей, «приходится признать, что при формировании своей политической конструкции российское государство рассматривало проблематику государственного равенства не как конкретную задачу, требующую немедленных процедурных и технологических решений, а скорее, как некую имитацию или «игру в гендер». Консервация традиционных гендерных логик является одной из причин резкого обострения гуманитарных проблем российского общества [1]. Например, за демографическим кризисом скрываются нерешенные вопросы прав женщин.

Будет несправедливо утверждать, что российская власть не имеет собственной социальной политики в поддержке женщин, семьи, материнства и детства. К примеру, много лет существует «материнский капитал».

Исследования показывают, что эффекты от таких мер кратковременны и слабы, не отражают реальных потребностей молодых женщин и семей. Женщины критикуют государство, будучи неудовлетворёнными организацией репродуктивного и детского здравоохранения, дошкольного и школьного образования. Они надолго выпадают из сферы оплачиваемой занятости или отказываются заводить детей (не более одного).

Всё это происходит на фоне многочисленных заявлений и решений В.В. Путина по женскому вопросу. Обращаясь с трибуны Евразийского женского форума в Санкт-Петербурге, он ответил, что «наша стратегия в интересах женщин комплексная и многоплановая. Она включает в себя содействие малому бизнесу и индивидуальному предпринимательству, в том числе в социальной

сфере развитие образования и здравоохранения, формирование условий для успеха всех активных и целеустремленных людей».

Например, в программе национальных проектов на первом месте проект «Демография». Общий объем поддержки российских семей составит 2.7 трлн. рублей. Это затраты в будущее страны. Россия не может мириться с демографическим разломом. Страна должна переломить ситуацию за счёт мощного усиления института семьи. Только совместными усилиями государства, гражданского общества, религиозных организаций, политических партий, средств массовой информации можно решить общую для всех граждан нашей страны задачу. Детали подробно прописаны в национальных проектах «Демография», «Здравоохранение» и других, в вопросах, касающихся семьи. Традиционные семейные ценности должны стать мощным нравственным каркасом российского общества, морального здоровья нации.

Разрешение демографического кризиса зависит не только от решения женских проблем. Теория гендера включает в себя проблемы маскулинности. Русский философ Николай Бердяев отмечал в своих размышлениях о судьбе России, что «тайна души России и русского народа, разгадка всех наших болезней и страданий – в недолжном, в ложном соотношении мужественного и женственного начала. Бердяев подчеркивал недостаток «мужественности в народе, мужественной активности и самостоятельности».

В России очень большую роль в определении маскулинности всегда играло государство. И в последние годы роль государства становится все больше и больше, в том числе и в определении гендерных отношений. И опять оказываются востребованными те формы маскулинности, которые связаны со служением государству, часто с каким-то решением военных задач, с подражанием сильному лидеру. Еще и потому, что индивидуальный мужчина все меньше и меньше имеет возможность утвердить самого себя как некоего независимого субъекта. Собственно говоря, так было и в советское время. Хотя мужчины доминировали в публичной сфере, властью, ресурсами обладал не столько конкретный мужчина, сколько та социальная позиция, которую он занимал. А человека, занимавшего эту позицию, всегда легко было поменять. Таким образом, маскулинность нулевых годов – это классическая капиталистическая маскулинность, связанная с борьбой за прибыль, за место в корпорации. Но корпоративная маскулинность хорошо работает во времена экономической стабильности. Во времена кризисов она уже не гарантирует достижения ресурсов, достижения позиций успешного мужчины. Остается примыкать к каким-нибудь другим институтам, которые по-прежнему обладают силой власти. Например, институтам милитаризованным. Но, поскольку правила игры все время меняются, ситуация успеха не гарантирована ныне ни одному мужчине ни в каких обстоятельствах. Вызовы приходят с самых разных сторон, и никакой социальный институт во время кризиса не может быть достаточно надежным для того, чтобы утвердить маскулинность даже

чисто символически.

Без повышения маскулинности российского общества проблемы демографии не решить. Эти вопросы также стоят в политической повестке дня в виде решений по укреплению здорового образа жизни, внедрение в повседневный быт спорта и физкультуры, улучшению условий труда, решения жилищного вопроса.

Гендерный фактор в России не только присутствует в программах развития страны и общества, но активно используется в политической борьбе как внутри страны, так и во внешней политике. Своеобразное место занимают обвинения политических оппонентов в нетрадиционной сексуальной ориентации. Политическая оппозиция очень редко реагирует на эти обвинения.

В политической полемике с Западом используются обвинения в разрушении ценностей традиционной семьи через пропаганду гомосексуализма. Со стороны политических оппонентов активно используется образ В.В. Путина в виде «мачо». Путинский «мачизм», как вульгарная форма заигрывания с массами, как культ силы, который противоречит принципам западной демократии.

Список литературы

1. Айвазова С.Г. Гендер и власть в современной России. Попытка нового подхода к старым проблемам. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gender-i-vlast-v-sovremennoy-rossii-popytka-novogo-podhoda-k-starym-problemam> (дата обращения: 03.06.2019)

А.И. Уразова, Т.Р. Ханнанова

A.I. Urazova, T.R. Khannanova

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

MODERN GENDER POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION: HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS

Аннотация. В статье раскрываются исторические и правовые аспекты современной гендерной политики Российской Федерации. Цель исследования заключается в выявлении наиболее актуальных проблем правового обеспечения гендерной политики России на различных исторических этапах ее развития и в разработке предложений по их решению. В этой связи в ходе исследования были поставлены задачи проанализировать и охарактеризовать современное состояние законодательства, регулирующего гендерные отношения, а также показать пути его развития. Опираясь на общенаучные и специальные методы исследования, авторы приходят к выводу о необходимости формирования гендерного законодательства, а на его основе и развития гендерной политики, направленной в конечном счете на повышение уровня и качества жизни всего населения страны.

Ключевые слова: гендерная политика, гендерное законодательство, равенство прав, равенство возможностей, гарантии государства.

Annotation. The article reveals the historical and legal aspects of the modern gender policy of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify the most pressing problems of legal support of gender policy in Russia at various historical stages of its development and to develop proposals for their solution. In this regard, the study aims to analyze and characterize the current state of legislation regulating gender relations, as well as to show the ways of its development. Based on General scientific and special research methods, the authors come to the conclusion that it is necessary to form gender legislation, and on its basis, and the development of gender policy aimed ultimately at improving the level and quality of life of the entire population.

Keyword: gender policy, gender legislation, equality of rights, equality of opportunities, state guarantees.

Конституцией 1918 года было закреплено право граждан избирать и быть избранными. Эта норма в одинаковой мере относилась к лицам обоего пола. В России произошло уравнивание мужчин и женщин в их конституционных правах. Минувло более ста лет, однако никаких существенных изменений в части обеспечения равенства прав женщин и мужчин в России не произошло. Начало девяностых годов 20 века было ознаменовано бурным внедрением

рыночных отношений и на этом фоне увеличением женской безработицы, а также повышением активности феминистского движения [1,3].

В 1997 году Государственная Дума своим постановлением одобрила Концепцию законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, которая была принята в целях реализации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 1979 года.

Ныне действующая Конституция Российской Федерации также исходит из равенства прав, свобод и возможностей у женщин и мужчин. Концепция законотворческой деятельности была призвана помочь воплотить в жизнь эти нормы Конституции РФ о равенстве, поскольку содержала ряд мер по содействию законотворческой и правореализационной деятельности, в том числе направленных на поддержку женского предпринимательства и повышение занятости женщин в экономике страны [4].

Концепция также предусматривала необходимость принятия ряда федеральных законодательных актов, предусматривающих механизм реализации декларативных правил о равенстве женщин и мужчин. Однако, несмотря на предпринятые усилия разработчиков проектов и инициаторов их внесения на рассмотрение Государственной Думы, такой законопроект, как, например, проект №284965-з Федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» от 2003 года [6], до настоящего времени не был принят.

Замечания по проекту не носили существенного характера, сводились к вопросам юридической техники, не учитывали давно назревшей необходимости тщательного регламентирования отношений в сфере обеспечения подлинного равенства прав и возможностей мужчин и женщин.

В 2008 году Правительство РФ дало отрицательный отзыв на этот проект, якобы как на дублирующий нормы действующего законодательства.

В июле 2018 года Госдума повторно отклонила законопроект пятнадцатилетней давности о гендерном равенстве. Причиной стало заключение Комитета Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей, согласно мнению которого, законопроект за прошедшие годы утратил свою актуальность. Комитет предложил взамен ранее внесенного законопроекта разработать новый, но теперь уже посвященный защите трудовых прав женщин. Иными словами, обеспечение гендерного равенства женщин и мужчин было сведено только к усилению гарантий трудовых прав женщин, как будто женщина в понимании современного законодателя представляет собой лишь рабочую силу и ничего более.

Упомянутый же нами законопроект, внесенный депутатами Государственной Думы В.В. Володиным, Е.Ф. Лаховой, О.В. Морозовым и Г.И. Райковым, содержал действительно замечательные новации, направленные на

формирование и реализацию государственной гендерной политики. Прежде всего законопроект раскрыл базовые понятия гендерной политики, которыми мы все пользуемся, и которые, к сожалению, до настоящего времени не имеют своего легального закрепления, а, значит, могут по-разному толковаться властными структурами, должностными лицами, бизнес-сообществом, правоприменителями, правоохранительными и судебными органами. И, как показывает многочисленная практика, толковаться не всегда в пользу женщин, которые опасаются заводить детей или уходить на больничный с больным ребенком из-за угрозы увольнения или отказа в приеме на работу.

Так, в статье 1 законопроекта раскрываются понятия дискриминации, равных возможностей, гендера, гендерного равенства [6]. Примечательно, что и законодательные органы, и научное сообщество, и различного рода общественные организации и институты гражданского общества активно оперируют этими понятиями; при их помощи разрабатываются и принимаются важные управленческие решения. Вопрос в том, что же вкладывается в их смысл? Ответа на него в наших отечественных действующих нормативных актах мы не найдем.

Законопроект устанавливает запрет дискриминации, определяет основные направления государственной гендерной политики. Особый интерес вызывает новелла о проведении гендерной экспертизы нормативных актов на предмет выявления рисков и факторов, носящих дискриминационный характер. С похожим явлением мы сталкиваемся при проведении антикоррупционной экспертизы, задачей которой является поиск коррупциогенных факторов и путей их устранения из нормативных правовых актов и их проектов.

Важно и то, что законопроект предусматривает формирование состава руководящих структур государственных органов и органов местного самоуправления с учетом принципа равенства полов; раскрывает конкретные гарантии государства по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин в области образования, науки и в социально-экономической сфере, в сфере государственной и муниципальной службы, гарантии равных избирательных прав мужчин и женщин; закрепляет соответствующие обязанности государственных органов и органов местного самоуправления.

Вызывает несомненное уважение позиция авторов законопроекта в части возложения обязанности доказывать отсутствие умысла на дискриминацию по мотивам пола именно на работодателя. На сегодня этот вопрос вообще никак не решен в действующем законодательстве. В итоге, как правило, бремя доказывания ложится на работника.

Проект включает в себя нормы о механизме обеспечения гендерного равенства, государственном контроле и надзоре в этой сфере.

Анализируемый законопроект несет в себе положительный заряд. Принятие федерального закона о гендерном равенстве стало бы основой для формирования российского гендерного законодательства в самом широком

смысле этого слова как стройной взаимосвязанной системы нормативных актов федерального, регионального, муниципального и локального уровней, регулирующих отношения в сфере обеспечения равенства полов. Отсутствие специализированного гендерного закона на федеральном уровне, естественно, является препятствием на пути развития гендерного законодательства субъектов Российской Федерации. В особенности субъектов РФ, в которых сильна религиозная и(или) национальная составляющая в структуре общества.

Отсылка же к наличию трудового законодательства, которое содержит нормы, запрещающие дискриминацию в сфере труда, также, по нашему мнению, несостоятельна.

Проблема состоит в том, что действующее российское законодательство не конкретизирует процедуры реализации антидискриминационных норм, а это существенно затрудняет их применение на практике [2]. Очень сложно в реальных судебных процессах доказывать факты отказа в приеме на работу женщин именно по признаку половой принадлежности. Да и практически отсутствует судебная практика по делам, связанным с половой дискриминацией, особенно в части привлечения к уголовной ответственности по ст.136 Уголовного кодекса РФ за отказ работодателя принять на работу женщину из-за возможности ее ухода в декретный отпуск. Отсутствует и административная ответственность за гендерные правонарушения. Явно не приспособлено к соблюдению гендерного равноправия и российское процессуальное законодательство [5].

Таким образом, перед Российской Федерацией зримо стоит широкомасштабная задача формирования гендерного законодательства, а на его основе и развития гендерной политики, направленной в конечном счете на повышение уровня и качества жизни всего населения страны.

Список литературы

1. Бадртдинов Р.М., Фролова И.В. Женщины в мировом политическом процессе: акторы, субъекты, агенты, участники// Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 3 (141). С. 133-136.
2. Куликова А.А. Гендерный подход в российском законодательстве// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики,– Издательство: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Грамота» (Тамбов) ISSN: 1997-292X.
3. Поленина С.В. Правовая политика Российской Федерации в сфере гендерных отношений // Труды Института государства и права Российской академии наук.2016. № 1. С. 62 – 80.
4. Фролова И.В., Уразова А.И. От замысла – до воплощения: обзор проекта «работающая женщина: возможности профессиональной

реализации vs дискриминационные практики (опыт постсоветского пространства)»// Работающая женщина: возможности профессиональной реализации vs дискриминационные практики (опыт постсоветского пространства) сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2018. С. 6-12.

5. Шумилина Д.В. Гендерное равенство в контексте политического развития Российской Федерации: проблемы, инициативы, потенциал.// Politbook. 2017. № 3. С. 78-92.

6. Проект Федерального закона № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.04.2003) // СПС КонсультантПлюс. Версия Проф.

РАЗДЕЛ 3

ГЕНДЕРНЫЕ РЕЖИМЫ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

УДК 392+394.9

Н.Л. Крылова

N.L. Krylova

Институт Африки Российской академии наук (Москва, Россия)

СОВРЕМЕННАЯ АФРО-РУССКАЯ СЕМЬЯ: СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНЫХ РЕЖИМОВ

MODERN AFRO-RUSSIAN FAMILY: SPECIFICITY OF GENDER REGIMES

Аннотация. Дискомфорт, неизбежно возникающий в процессе инкорпорации иноплеменников, – одна из особенностей этнического феномена как такового. Существуют разные степени этнокультурной совместимости. Более чем пятидесятилетняя практика пребывания наших соотечественниц в странах Африки подтверждает, что одни женщины способны прижиться на континенте, другим это не удается, даже несмотря на достигнутое экономическое благополучие и социальный комфорт. Однако чувство неудовлетворенности, неприспособленности к новой жизни может возникнуть не только из-за реальной недоступности материальных благ, но и вследствие социально-психологического дискомфорта, непривычности новых форм жизни. Именно столь разнопланово воспринимается в данном контексте проблема адаптации, поскольку включает в себя всю совокупность принципиально новых для русской женщины элементов, объединяемых такими понятиями, как «африканская реальность» и «мир Африканского мужа» во всем многообразии его социально-политических структур, гражданско-правовых и этно-религиозных институтов, историко-культурных традиций. Дефицит знаний об обществе, с которым решено связать последующую жизнь, нередко приводит к тому, что будущая «среда обитания» как существенный социально-психологический фактор остается вне поля ее зрения, нередко превращаясь фактор высокого риска.

Ключевые слова: смешанные браки, Африка, Россия, гипогамный брак, африканская семья, традиция, полигамия, культура, ислам, образование

Abstract. Discomfort inevitably coming into existence in the process of incorporation of «foreignness», is one of the ethnic phenomenon's peculiarity as such. There are different degrees of an ethno-cultural compatibility. More than 50 years practice of our women-compatriot's existence in African countries confirms that one part of the women has managed to acclimatize themselves to the continent whilst others despite the achieved material welfare and social comfort, have not.

However, the feeling of dissatisfaction, impracticability to the new life can arise not only

because of real inaccessibility to material wealth, but also as a result of socio-psychological discomfort, as a result of unusualness to the new forms of being. Problems of adaptation in this context are so varied since they include a whole complex of principally new elements for the Russian woman elements which are joined by such conceptions as «an African reality» and «an African husband's world».

Complexity and specificity of the women's state who has embarked on such mixed marriages is at large determined by their poor knowledge of African society in all the multi-formity of its socio-political structures, civil-juridical and ethno-religions institutions, historico-cultural traditions. The lack of knowledge of the society, which are they decided to live in in future, often leads to a situation, where future «social environment» as an essential socio-psychological factor, leaves outside the field of their vision, not infrequently turns into the factor of high risk.

Keywords: mixed marriages, Africa, Russia, hypogamous marriage, African family, tradition, polygamy, culture, Islam, education

На общем фоне глобального процесса модернизации семейных отношений, афро-русские браки выглядят как «частный» случай, одно из многообразных проявлений межэтнического, межрасового сближения народов. Численность таких смешанных семей в нашей стране стала расти с начала 60-х годов прошлого века, когда в вузы и техникумы СССР начали прибывать контингенты молодежи из развивающихся стран Африки. Это был значительный массив людей в возрасте матримониальной активности, оказавшихся на несколько лет в чужих для себя социально-культурных, психологических условиях и пытающихся приспособиться к новой среде разными способами, в том числе посредством брака. Тем более, что для наших соотечественниц они оказывались в целом социально и антропо-эстетически приемлемыми. Так образовывался новый для нас – гипогамный (то есть, включающий черного мужчину и белую женщину) тип семьи.

Социальный облик россиянок, проживающих сегодня практически во всех африканских странах, а также тех из них, которые живут в России и состоят в семейно-брачных отношениях с гражданами африканских стран, отражает полувековое многообразие советского/российского общества. Мужьями же россиянок становятся и представители африканских групп образованного меньшинства, уже знакомые с особенностями российской жизни, и студенты, продолжающие получать образование в России, и африканцы, стремящиеся в поисках лучшей жизни осесть в России или перебраться через нее в европейские страны. К сегодняшнему дню в России и странах Африки проживает, по самым приблизительным подсчетам, свыше пятидесяти тысяч семей такого типа, а также их несовершеннолетние дети [2 с. 16; 9, с.38; 10, с. 15-20] Еще около тысячи русских женщин находятся на родине, ожидая окончания учебы или работы своих мужей и отъезда с ними в Африку [9, с. 38]. И поскольку подавляющее число афро-русских семей «оседает» в странах Африки, остановимся подробнее на них.

Сложность положения женщин, вступающих в подобные смешанные браки,

во многом определяется их изначально слабым владением информацией об африканском обществе во всей совокупности его социально-политических структур, этно-религиозных институтов, историко-культурных традиций. «Погружение» в африканский социум через смешанный брак происходит, как показывает практика, крайне драматично, нередко сопровождается болезненной ломкой стереотипов, ценностей, установок, сложившихся на Родине и сформировавших личность женщины. Как правило, будущая «среда обитания» как существенный социально-психологический фактор, остается вне ее поля зрения, нередко превращаясь в бомбу замедленного действия.

Что же ожидает современную русскую женщину, вступающую в мир мужа-африканца брак с ним?

Включаясь в современную африканскую жизнь, женщина оказывается в сложном и противоречивом положении: с одной стороны, она получает доступ к участию в социально-экономической жизни, в которой может пытаться реализоваться как личность, наравне с мужчиной; с другой – попадает в плен традиций, сохраняемых в семье и препятствующих ее социальному продвижению. Чтобы понять, насколько устойчивы структуры и системы родства, сильна или, напротив, ослаблена их сопротивляемость всяким изменениям, которые привносят «современные» вообще или афро-русские смешанные браки, в частности, его участники должны иметь возможно более отчетливое представление о культурном пространстве, которое определяет ее будущую семейную жизнь.

Рассматривая специфику афро-русской семьи, в том числе некоторые особенности группового сознания ее членов с учетом влияния микро– (семья, род) и макро– (общество в целом) систем, динамику ценностных и ролевых представлений, характер социальных ориентаций, форм сознания и поведения под «женским углом», прежде всего, отметим, что помимо таких стереотипов африканской семейной жизни, как сильная власть родителей, семейная забота о старших, близкие связи с родственниками, забота родных о выборе супруга, необходимо отметить важную характерную черту – в Африке до настоящего времени не существует равенства полов.

Даже самый поверхностный взгляд на морально-этические и социальные нормы общежития у различных народов, населяющих Африку, обнаруживает торжество мужского начала над женским и отведение женщине в социально-культурной жизни второстепенных ролей. Однако вопрос этот не так прост, его корни уходят глубоко в архаичную версию мироздания, где единство и противостояние мужского и женского начал занимали центральное место [5, с.11-29; 7, с.253-282; 8]. Противопоставление мужского и женского начал еще не означает существования пропасти, разделяющей их. Напротив, разделение мужских и женских ролей и функций, согласно архаической африканской мифологии, не есть проявление неравенства и подчиненности, а скорее, предполагает между ними взаимоотношение и связь – противоположную

по полюсам, но равновеликую по своей общественной и биологической значимости. Ментальность современного африканца формирует почти бесконечное многообразие элементов, составляющих его духовный его мир и социальное бытие. И все же при всем этом «мужское начало провозглашалось могущественнее женского, и мужчинам отводилась главенствующая роль в родоплеменном коллективе» [7, с.272].

Наиболее очевидно процесс развития общества осуществляется «для мужчин и руками мужчин» в исламизированных регионах континента, прежде всего в странах Магриба. Совершенно очевидно, африканский ислам имеет свои особенности и отличия от ислама классического, восточного. Традиционалистские отношения, характерные для большинства народов, населяющих Африканский континент, откладывали своеобразный отпечаток на нормы ислама в отношении женщины, ее положения в семье и обществе. И все же в странах африканского ислама статус женщины, как правило, остается ниже, чем в других странах «третьего мира» [20, р.25-27]. Несмотря на некоторый прогресс в этой области, подавляющее большинство женщин по-прежнему остаются низшим звеном мусульманского общества, а сами мужчины и женщины сгруппированы между собой как-бы в два разных общества, где женщина в собственной стране остается чужеземкой, составляя часть другого – женского – мира [3, с.59-60].

Русская женщина, жена африканского мужчины из ряда стран Тропической Африки, вскоре убеждается, что ее супружеская жизнь, отделенная от других родственников, почти невозможна. Родственники вмешиваются – и по обязательству, и по собственной охоте, и по просьбе – в самые частные дела молодой семьи: от решения вопросов их размещения до участия в проблемах бесплодия, неверности, сексуальных осложнений и пр. [18, р.108-109]. Любопытно отметить также, что у мужчин ряда народностей, населяющих тропическую зону, не приняты привычные для европейки формы ухаживания, публичные проявления чувств между супругами. Глубину чувств и любви мужчины к женщине здесь принято воспринимать через внешний облик жены: если она здорова, бодра, значит, муж заботлив к ней [22, р.50]. Объяснение такой эмоциональной «отчужденности» можно лежать в разных плоскостях этнокультурного бытия африканцев. Не исключено, что это некая защитная реакция на назойливое внимание родни к проблемам супругов. Или напротив, демонстрация определенной этики брачно-сексуальных отношений, принятой в данном обществе. Подобная особенность сексуального поведения африканцев может быть объяснена несовпадением или конфликтностью экономических интересов супругов, полигамией, разницей в возрасте, практикой длительного сексуального воздержания после родов, другими причинами [17, р.25].

Несомненно, многие молодые образованные африканцы, ориентированные на западные образцы и находящиеся в смешанных браках с россиянками, совместно обсуждают вопросы досуга и воспитания детей, планируют

стратегию, сообща намечают программы семейной жизни. Однако в случае несогласия с женой многие из них продолжают вести себя авторитарно. Даже если жена по своему образованию и социальному статусу превосходит мужа, в домашней обстановке она почти всегда находится в подчиненном положении.

То же касается работы женщины в современном секторе экономики, в смешанных или иностранных предприятиях. Сложившийся еще в колониальный период стереотип боязни контактов жены с триадой «начальник-мужчина-иностранец» существует в сознании африканских мужчин и поныне. Последние, например, до сих пор предпочитают, чтобы женщина торговала на базаре (одно из самых популярных женских занятий, особенно в западноафриканских городах) или работала в сфере обслуживания, нежели в современном секторе, где она, находясь под началом постороннего мужчины, неизбежно попадает в зависимость от него. Многие современные африканцы также убеждены, что подчинение режиму предприятия с нормированным рабочим днем несовместимо для женщины с обязанностями жены и матери [19, р.37-38]. В исламизированных районах континента работа женщины вне дома все еще зачастую рассматривается как аморальное явление, подрывающее нравственные устои общества и семьи. Вместе с тем в кустарных мастерских, ремесленных цехах широко используется труд членов семей, прежде всего женщин.

В значительной степени традиционное нежелание мужчин отпускать своих жен на работу вызвано опасениями потери над ними экономического контроля – ведь жены, таким образом, обретают собственный источник дохода. В то же время, знакомясь с образцами жизни ряда афро-русских семей, можно предположить, что такие причины, как нежелание мужа отпускать жену работать, не грозят столь очевидно женщинам из России, в отличие от жен-африканок, даже образованных. И хотя многие из них не работают, среди причин, вынуждающих их оставаться дома, запрет мужа минимален. Однако здесь следует отметить немаловажную тенденцию: возможности трудоустройства иностранных, в том числе российских граждан в африканских странах были много благоприятнее для тех, кто прибыл в Африку в 70-е годы прошлого века. Это подтверждают и сами женщины. Вот некоторые выдержки из коллективного письма русских женщин, проживающих в Республике Кот-д'Ивуар: «Нам, россиянкам, проживающим в Республике Кот-д'Ивуар, надо сказать, повезло, особенно женщинам, выехавшим в начале 70-х годов. Мы приехали в страну достаточно благоустроенную, в период бурного экономического роста. Специалистов не хватало во многих отраслях, и мы довольно быстро интегрировались, нашли работу по специальности, а это очень много значило, да и значит в жизни: занятость и материальная обеспеченность... Советские дипломы были признаны действительными сразу или после небольшого испытательного срока. Признанием нашей компетентности сможет послужить следующий пример: одна из наших женщин представляла Республику

Кот-д'Ивуар на двух международных конгрессах, участвовала во многих стажировках и семинарах, организованных международными организациями. Под ее именем вышла Национальная библиография страны» [6]. Аналогичное положение имело место в Эфиопии, Мали, АНДР, других африканских странах, что, в первую очередь, было связано с ситуацией, сложившейся на рынках квалифицированной рабочей силы в период, непосредственно следовавший за завоеванием независимости: молодые суверенные государства Африки лишь закладывали национальные системы образования и подготовки кадров; собственные будущие специалисты пребывали в стадии подготовки (местной и за границей), а иностранные специалисты покидали бывшие колонии.

Экономический кризис, охвативший большинство африканских стран в конце XX века, не мог не сказаться и на вопросах трудоустройства наших соотечественниц, находящихся в афро-русских браках [21, p.125], хотя это положение нельзя было, строго говоря, назвать критическим и в нулевые годы, поскольку целый ряд сфер экономики и хозяйства африканских государств (инженерно-техническая, медицина, сельское хозяйство), по-прежнему нуждался в насыщении специалистами.

И, тем не менее, для осуществления любой трудовой деятельности нашим женщинам почти всегда необходимо иметь письменное согласие мужа. В целой группе африканских стран (Того, Эфиопии, АРЕ и др.) трудоустройство постоянно проживающих в них российских гражданок поставлено в прямую зависимость от получения ими местного гражданства. Этот статус обеспечивает постоянно проживающим в стране русским, работающим по контракту в госсекторе или крупных компаниях, довольно высокий уровень жизни.

Наконец, в исследуемом случае важно учитывать то обстоятельство, что подчиненность и вторичность ролей женщины в африканской семье может быть вызвана просто тем, что она принадлежит к другому роду, клану, народу, а значит, в ней течет «чужая» кровь. В некоторых африканских обществах до сих пор запрещаются браки с членами другого племени. Племенная эндогамия создает, таким образом, стабильность внутри сообщества, поскольку оно не теряет своих членов и не пополняется чужими людьми. Поэтому любое внедрение иноплеменника может способствовать здесь появлению подозрительности и неприязни к чужаку, чьи обычаи и привычки незнакомы.

Напротив, для обществ, чья культура брачно-семейных отношений восходит к традиции межэтнической, межплеменной открытости, женщина, пришедшая «со стороны», представляет немалую ценность, поскольку благодаря такому браку устанавливаются новые связи сотрудничества, в доме увеличивается количество рабочих рук, а впереди ожидается появление потомства [7, с.281].

Как показывает полувековая практика существования афро-русских семей, и те, и другие образцы поведения, подтверждающие многообразие отношений к женщине в местных обществах – прямо или опосредовано – распространяются и на российских избранниц африканских мужчин.

Сохранению подчиненного положения женщины во многом способствует полигамия, также считающаяся одной из отличительных специфических характеристик африканской семьи. Согласно Корану, мужчина может иметь одновременно четырех жен. Именно этой особенностью африканской семейной жизни наши СМИ запугивали соотечественниц, решавшихся на подобный шаг. Конечно, официальное разрешение полигамии является источником постоянных беспокойств для любой замужней женщины. Тем не менее, статистика настойчиво указывает на сокращение заключаемых на континенте полигамных браков. [16, p.56].

В то же время полигамию успешно заменяют, по наблюдениям ученых, внебрачные, незаконные связи, ставшие неизбежной производной мужских миграций [18, p.108-109]. Тем более, что общественное сознание африканцев сравнительно легко принимает пеструю палитру временных брачных союзов, равно как и внебрачные сексуальные контакты, расставляя лишь свои специфические акценты, определяемые местной сексуально-брачной традицией.

В консульских отчетах посольств СССР/РФ, аккредитованных в странах Африки, отмечалось, что непривычность обычаев и нравов населения часто довольно быстро выводили наших соотечественниц из душевного равновесия [12]. Обстановка усугублялась тем, что их нередко враждебно встречала многочисленная родня мужа. Бывали случаи, когда у мужа уже оказывалась жена или он сразу же начинал искать контактов с местными женщинами (здесь уместно вспомнить, что, например, в Гане после достижения независимости населением был отвергнут законопроект об отмене полигамных браков) [14, с.53-54].

Все эти причины неизбежно приводят к неурядицам и скандалам в семье. Причем по местным обычаям муж мог и поколотить жену, что блюстителем местной традиции воспринимается как обыденный случай, а посягательство жены на освященные веками обычаи полигамии – как проявление эгоизма со стороны женщины. Уроженка Москвы, в свое время вышедшая замуж за конголезского студента и переехавшая в Африку, отмечала. «Мы, конголезские «советички», боимся, как бы супруг однажды не привел еще одну жену». Ведь по законам Конго еще на переломе столетий официально разрешалось иметь до четырех спутниц жизни, зарегистрировав с ними отношения в мэрии. Однако многие обеспеченные горожане предпочитают иметь подруг «на стороне». Неудивительно, что, столкнувшись с подобной действительностью, усугубленной семейно-бытовыми неприятностями, часть приехавших сюда женщин вынуждена становиться на путь самостоятельных заработков [15].

Конечно, нынешнее африканское общество живет и вполне современными нормами, и обычаями, регулирующими бытие иностранцев, постоянно здесь поселившихся. В тоже время законодательства в области семьи и брака на континенте отличаются огромным разнообразием и формировались,

с одной стороны, под влиянием местной историко-культурной традиции и связанной с ней системы обычного права; с другой находились (и в ряде случаев продолжают оставаться) под воздействием норм континентального права, составляя, таким образом, тесное переплетение обычного права и действующего законодательства.

Весьма рельефно это проявляется в североафриканском регионе, в странах с исламской традицией, где, как известно, основой взглядов на брак, семью и семейный быт является строгое соблюдение принципов мусульманской догматики, права и этики, предусмотренных в Коране. Что касается смешанных браков, то они занимают особое место в правовой системе ислама. В Коране, других фундаментальных исламских документах конкретно определено, при каких условиях допустимы браки с представителями других религий. Особенно нетерпимо относится он к заключению браков между мусульманами и язычниками. Иначе подходит Коран и другие теоретические источники ислама к бракам с лицами, исповедующими христианство. Вместе с тем мусульманский брак с христианками допустим только в одном направлении – между женщиной-мусульманином и «женщиной писания». Наконец, браки с атеистами вообще запрещены. Так, брачные союзы мавританцев с советскими/российскими гражданками, заключенные на их исторической родине, законной силы на территории Мавритании не имели, официально не регистрировались и рассматривались как сожительство. Правда, общественное мнение признает их де факто, и это пока все еще единственная форма утверждения такого брака.

Воспитанные в духе социалистического равноправия полов, россиянки довольно болезненно воспринимают законодательное закрепление главенства супруга, подчинение ему как главе семьи, что неизбежно приводит ко внутрисемейным коллизиям. Зачастую именно незнание многими из постоянно проживающих соотечественниц местных законов о правовом положении супругов, собственных правах и обязанностях, а также обязанностях супругов в отношении детей и прочих вопросах семьи и брака зачастую приводит к тому, что они оказываются в тяжелом моральном и материальном положении, в полной зависимости от мужа и его родственников, нередко подвергаются унижению и оскорблениям [4; 13]

Как большинство женщин в мире, наши современницы и соотечественницы, состоящие в афро-русских браках, неизбежно задаются вопросом: работа или семья? Конечно, социальные нормы и ожидания, регулирующие семейную жизнь в различных социумах, противоречивы и неоднозначны. Однако применительно к данному контингенту в самом общем плане хотелось бы заметить следующее.

С одной стороны, в их исходном обществе уже не в первом поколении образ работающей женщины превращен в общепринятую норму. С другой, общественные системы многих стран нынешнего их проживания организованы таким образом, что семья является ценностью более нравственного, нежели

экономического порядка, где поощряют в большей мере женщину, не покидающую пределов дома, осуществляющую труд в семье, где наиболее важной формой труда женщины остается материнство, где, наконец, мужчина зачастую остается не только полновластным распорядителем в семье, но и основным кормильцем. Ко всему этому женщине, воспитанной, в ценностях нашего общества, уравнившего в своих правах и обязанностях женщину и мужчину, и приходится адаптироваться.

* * *

Наблюдаемое сегодня развитие новых форм семейной жизни в Африке (на фоне сохраняющегося преобладания традиционного типа семьи) нельзя, тем не менее, смешивать с эволюцией традиционной западной семьи. Многие свойства традиционной семьи на континенте, по всей видимости, сохраняются и в обозримом будущем. Роль семьи, в том числе смешанной, для молодого африканца, даже вооруженного знаниями и опытом жизни на Западе, все еще велика в силу активного, исторически обусловленного влияния на него семейных традиций, авторитета родителей, нравственно-религиозных воззрений домашних. Что же касается специфики социо-семейных связей в Африке в целом, то, пока не упрочится социальная роль семейной ячейки (супружеской пары и детьми), до тех пор, по мнению исследователей, к смешанному браку будут относиться с недоверием [1, с.137].

Список литературы

1. Аркун М. Смешанные брачные союзы в мусульманской среде // Восток. 2001, № 6
2. Африканцы в России: образование, брак, судьба. М., ИнАфр РАН, 2009
3. Бухдиба А. Магрибинское общество и проблема секса // Восток, 1992, N1
4. Генконсульство СССР в г. Пуэнт-Нуаре, НР Конго. Фрагмент записи из дневника А.Г. Башкина от 26 марта 1987 г.
5. Дэвидсон. Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1975
6. Из личного архива автора. Фонд не описан.
7. Иорданский. В.Б. Хаос и гармония. М., 1982.
8. Иорданский В.Б. Околдованная реальность (миф африканской ментальности). М., 1994.
9. Крылова Н.Л. Афро-россияне: брак, семья, судьба. М., РОССПЭН, 2006.
10. Крылова Н.Л. Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М., РОССПЭН, 1996.
11. Общественная, политическая и культурная жизнь африканских стран в гендерном измерении. М., ИнАфр РАН, 2014.
12. Посольство СССР в Гане. Справка зав. Консульским отделом посольства Ю. Семенова «Правовое положение советских граждан в Гане» от 16 июня 1979 г.

13. Посольство СССР в Народной Республике Конго (г. Браззавиль) в адрес Зам. Министра иностранных дел СССР Чаплина Б.Н. Подборка материалов по делу о возвращении на Родину советской гражданки О.С. Васильевой от 3 мая 1988 г.

14. Синицына И.Е. Человек и семья в Африке (по материалам обычного права). М., 1988.

15. Справка Генерального консульства СССР в г. Пуэнт-Нуаре, РК «Правовое положение иностранцев в Консульском округе в соответствии с действующим конголезским законодательством» от 8 октября 1991 г.

16. Chamie J. Polygyny among Arabs (Population Studies). L., 1986, vol.40, N.1.

17. International Family Planning Perspectives. N.Y., 1988, vol.14, N1.

18. Kayongo-Male D., Onyango Ph. The Sociology of the African Family. L., N.Y., 1984.

19. Little K. African Women in Towns. An Aspect of Africa's Social Revolution. Cambridge, 1973.

20. Minces J. The House of obedience: Women in Arab Society. L., 1982.

21. Population and Development Review. N.Y., 1989, vol.15, N 2.

22. Turnbull. C.M. Man in Africa. N.Y., 1977.

УДК 316

С.М. Поздеева

S.M. Pozdyaeva

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

ГЕНДЕРНЫЕ РЕЖИМЫ: ОТ АРХАИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИННОСТИ К СОВРЕМЕННОЙ

GENDER REGIMES: FROM THE ARCHAIC MODELS OF MASCULINITY AND FEMININITY TO THE MODERN

Аннотация. В данной статье делается попытка проанализировать эволюцию гендерных режимов, выявив роль государства в осуществлении гендерной политики. Автор последовательно рассматривает архаическое, традиционное, индустриальное и постиндустриальное (современное) общество, выделяя новые элементы в моделях маскулинности и феминности.

Ключевые слова: гендерный режим, модель маскулинности, модель феминности, государство, архаическое общество, традиционное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество.

Annotation. This article attempts to analyze the evolution of gender regimes, identifying the role of the state in the implementation of gender policy. The author consistently examines the archaic, traditional, industrial and post-industrial (modern) society, highlighting new elements in the models of masculinity and femininity.

Keywords: gender regime, masculinity model, femininity model, state, archaic society, traditional society, industrial society, post-industrial society.

Гендерная проблематика является областью горячих дискуссий, в том числе и в современной России, где вопросы пола, сексуальности и репродуктивного поведения мужчин и женщин в последние годы чрезвычайно политизировались.

Некоторое время назад Ален Турен писал, что государство, вопреки существующей в политической философии идеализации его роли, не выполняет функцию гаранта «социального порядка... скорее оно является агентом конкретной исторической общности, находящейся в определенных отношениях с другими общностями и со своими собственными историческими формами [9, с. 73].

В данной статье мы делаем попытку проанализировать эволюцию гендерных режимов в разных типах общества, выделяя новые элементы в моделях маскулинности и феминности.

АРХАИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО. Гендерный режим архаического общества отражал иерархию родоплеменных отношений, основанных на власти и подчинении, и влияющих на исполнение гендерных ролей. Поэтому в архаических обществах выделилась военная свита вождя, дружина. Воины,

входящие в дружину, не занимались сельскохозяйственным трудом, а совершенствовались в военных искусствах. Главными ценностями мужчины были: война, военная доблесть, верность старшему, святость отношений «братьев по оружию», а главное – братьев по крови.

Женщина архаического общества была не достойна мужчины, в лучшем случае могла служить продолжению рода. Хотя значимость отношений с женщинами у мужчин была ничтожно мала, сами женщины могли цениться очень высоко. Красивых полонянок преподносили в дар наряду с оружием, коврами, драгоценностями. Женщинами наслаждались, но довольно короткое время. Затем они могли участвовать в процессе обмена и кочевать от одного хозяина к другому.

Французский мыслитель XVIII века Маркиз де Сад в книге «Философия в будуаре», писал: «По природе женщины, безусловно, рождаются склонными к разврату, то есть они склонны наслаждаться всеми преимуществами других животных женского пола, которые без всякого исключения отдаются самцу... женщины существуют с той целью, дабы доставлять наслаждение всем, а не обеспечивать привилегированное и эгоистичное счастье» [8; с.117].

Когда жизнь племен и родов начала стабилизироваться и распространился оседлый, аграрный способ ведения хозяйства (земледелие и скотоводство), военная экономика пришла в упадок.

Отсюда можно утверждать, что в архаическом обществе постепенно формировалась модель маскулинности и феминности при доминировании маскулинности, основанная на подчиненном положении женщины, базирующемся на насилии.

Традиционное общество. Поскольку в традиционном обществе основным социальным регулятором являлся ритуал, то гендерный режим такого общества отражал функцию государства как классового образования, влияющего на пол и гендер в соответствии с определенными традициями. Поэтому его можно рассматривать не как проявление сущности патриархата, а как отражение комплекса властных отношений.

Можно отметить, что гендерный режим традиционного типа продолжил институционализацию маскулинного насилия. Он предполагал, что мужчина играет доминирующие роли, а женщина – подчиненные. Когда же государство узаконило наследственное владение землей, богатство, что являлось квинтэссенцией собственности, роль женщины (прежде всего из высших сословий) изменилась. Как отмечал Т.Веблен, появление собственности сопровождалось возникновением праздного класса [4, с. 73], класса нетрудящихся, показывающих и утверждающих свой высокий социальный статус и осуществляя показное потребление.

Если низшие слои традиционного общества занимались обслуживанием чужого богатства, работая в поте лица, то представителям высших сословий мужской части населения приходилось выполнять функцию контроля за собственностью, которое им вменяло государство, требуя к тому же платить за нее значительные налоги. Контролировать свои владения, постоянно находясь в родовом замке, было просто невозможно: необходимо было личное присутствие и тотальный контроль. Когда мужчина вместе со свитой находился в разъездах,

в его отсутствие за замком следила его жена. Постепенно женщины (прежде всего представительницы высших слоев общества) становятся первыми юридическими лицами в местном владении мужчин. Можно даже отметить, что отношения мужчин и женщин развивались в рамках так называемой «экономики дара». В отсутствие законных мужей, женщины, будучи выше по социальному положению, одаривали мужчин, составляющих их свиту, богатыми подарками, приглашением на пиры, охоту, балы.

Следует отметить, что в традиционном обществе представители различных полов несли разную ответственность пред государством за одинаковые поступки. С одной стороны, неверность жен осуждалась и жестоко наказывалась. Проверкой выступали божьи суды – ордалии. С другой стороны, обедневший, но имевший высокий титул мужчина, получив богатое приданое от родственников жены, уже не мог относиться к ней, как к предмету своей собственности. Государство поощряло снисходительное отношение к женской неверности, в том числе к рождению внебрачных детей.

Как видим, в традиционном обществе (прежде всего в высшем сословии) гендерная роль женщины изменилась: стало правилом ее более высокое положение по отношению к мужчине, что наложило отпечаток на всю дальнейшую историю взаимоотношений полов. Поэтому, на наш взгляд, можно говорить о формировании в традиционном обществе *двойной стандартизированной модели маскулинности и феминности* при доминировании маскулинности, которая постепенно начала мигрировать в сторону феминности.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО. Гендерный режим индустриального общества отражал развитие либерального государства, которое формировалось в XVIII и XIX веках и опиралось на новую форму патриархата.

Основанная на традиции патриархатная власть, проявления которой в политической политике критиковали либеральные рационалисты, такие как Дж.Локк и Ж.-Ж.Руссо, представляла собой господство определенного типа маскулинности, проявлявшееся и в домашней сфере.

Отсюда можно утверждать, что в индустриальном обществе стала формировалась модель маскулинности и феминности при доминировании маскулинности, основанная на *принципе полезности*.

Связь религии протестантизма с развитием капитализма описал М.Вебер: каждый мужчина должен был ежедневно подсчитывать свои доходы и убытки. Извлечение дохода, обогащение становится целью и миссией. Наслаждаться жизнью нельзя, поскольку это может стать причиной убытков. [3].

Эти акцентуации нашли выражение и в отношении к женщинам: все измеряется полезностью. Мужья-пуритане подсчитывали, во сколько им обходится содержание семьи (расходы на еду, одежды домочадцев, необходимость содержать дом). Калькуляции подвергались даже сексуальные отношения с женами. Всякие излишества расценивались как расточительство.

Для общественного сознания индустриального общества женщина оказывается товаром: она – предмет, который можно использовать с определенной целью. Как отмечал Э. Фромм, человек продает не только товары, он продает самого себя и ощущает себя товаром. [10]. Многие буржуа

предпочитали на всю жизнь оставаться холостяками; свою потребность в сексе они могли удовлетворять с помощью разовых услуг продажных женщин, поэтому становление индустриального общества в Европе совпало с расцветом публичных домов и проституции.

Индустриальное общество меняет отношения мужчины и женщины с государством: общество отделяется от государства, противопоставляет себя государству, стремится поставить действия государства в рамки определенных правил. Тем самым фиксируется самое решительное наступление общества на государство, стремление общества юридически определить, ограничить функции государства и его аппарата.

Если в традиционном обществе политика государства рассматривается как реализация определенных интересов, выступающих как формы давления на общество и основные социальные группы, то в индустриальном обществе сферой политики оказываются взаимоотношения гражданского общества и государства, в которых социальные группы уже корректируют и модифицируют деятельность последнего. Политика разворачивается в поле взаимодействия различных социальных интересов. Поскольку непосредственные зависимости между людьми нарушены, то огромную роль начинает играть выработка новых стандартов, сочетающих различные виды и формы человеческого поведения.

Как отмечала С.де Бовуар, в общественном сознании возникает осознание «ситуации» женщины в истории, заданная физиологией и анатомией, психологией и социальными традициями: «Различия между мужчиной и женщиной вовсе не предопределяют их экзистенциального различия – различия в качестве субъектов истории, когда один является господином, а другой – его рабом. Это разделение труда не задано умыслом, оно навязано вполне определенными социально-историческими условиями». [2, с.117].

Результатом становится *изменяющаяся модель феминности и маскулинности*, которая освободила миллионы женщин от тысячелетнего патриархального рабства и зависимости от мужского мнения. Женщины приступили к завоеванию социального пространства посредством новой модели феминности.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО. Эпоха господства индустриализма и классического капитализма ознаменовалось приходом «массового человека». Этот феномен описал Х.Ортега-и-Гассетом в работе «Восстание масс» как движение от сословной, профессиональной, религиозной замкнутости в сторону массовости: «Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как и все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью» [7, с. 17].

Практически во всех европейских странах, и в России в том числе, в начале XX в. социальная жизнь характеризуется увеличением покупательной способности населения и потребления новых изделий и продуктов. Миллионы людей в массовом порядке переезжают в большие города, где совершенно иное социальное пространство, где не применимы деревенские и слободские навыки общения, и где их приходится осваивать заново. Это способствовало тому, что на всех уровнях возникло ощущение единства общества. В таких условиях человек ищет средства самоидентификации, которые и предоставило

ему общество массового потребления.

Данную ситуацию тонко проанализировал Г. Маркузе: «Аппарат производства и производимые им товары и услуги «продают» или навязывают социальную систему как целое. Транспортные средства и средства массовой коммуникации, предметы домашнего обихода, пища и одежда, неисчерпаемый выбор развлечений и информационная индустрия несут с собой предписываемые отношения и привычки, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые привязывают потребителей, доставляя им тем самым большее или меньшее удовольствие, к производителям и через этих последних – к целому» [6, с. 16].

Общество потребления тотально, поскольку затрагивает буквально все сферы жизни человека. Существовать означает потреблять. Наилучшим вариантом общения в «обществе потребления» является общение с самим собой. При этом человек идет по пути стирания в себе половых различий. Возникает явление андрогинии – примирения, слияния полов.

Известный австрийский исследователь, создатель теории бисексуальности, О.Вейнингер в начале XX века утверждал: «Дифференциация полов, разделение их никогда не бывает совершенно законченным. Все особенности мужского пола можно найти, хотя бы и в самом слабом развитии, и у женского пола» [5, с. 70]. Это приводит к тому, что в «обществе потребления» утрачивается интерес к противоположному полу, как к чему-то скрытому и запретному. В свою очередь, последнее ведет к

Гендерный режим постиндустриального общества, основанного на идеях либерализма и информационной экспансии, сегодня меняет функцию государства, согласно которой последнее теоретически является нейтральным арбитром отношений мужчин и женщин. Происходит *очередная трансформация моделей маскулинности и феминности*, характеризующаяся исчезновением их противостояния, но движением в сторону гендерной асимметрии.

Развитие современного государства также зависит от изменения моделей гендерных отношений. Согласно М.Фуко, государство как аппарат социального контроля, действующего через прямое принуждение, повсеместно внедрило дисциплинарность и подконтрольность. Происходит открытие человеческого тела «как объекта и мишени власти» [11, с.198]. И хотя большинство конституций современных государств декларируют гендерное равенство, однако на практике оказывается, что оно по-прежнему узурпировано группой, преследующей свои специфические интересы – мужчинами.

Подведем итоги.

1. Гендерный режим архаического общества отражал иерархию родоплеменных отношений, основанных на власти и подчинении, и влияющих на исполнение гендерных ролей в рамках константной, стандартизированной модели маскулинности и феминности.
2. Гендерный режим традиционного общества предлагал двойную модель маскулинности и феминности при доминировании маскулинности.
3. Гендерный режим индустриального общества первоначально сформировал модель маскулинности и феминности (при доминировании маскулинности), основанную на принципе полезности. Однако позднее модель

феминности начала изменяться. Благодаря борьбе женщин за свои права, миллионы женщин освободились от тысячелетнего патриархального рабства и зависимости от мужского мнения.

4. Гендерный режим постиндустриального общества, основанного на идеях либерализма и информационной экспансии, меняет функцию государства, которое теоретически является нейтральным арбитром отношений мужчин и женщин. Происходит очередная трансформация моделей маскулинности и феминности, характеризующееся исчезновением их противостояния, но движением в сторону гендерной асимметрии.

Список литературы

1. Аникина В.Л. Новый пол: мужчины в женских ролях // *Studia culturae*. Вып.3. Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: 2002. С.147-153.
2. Бовуар С. де. Второй пол. В 2-х тт./Пер. с франц.-М.: Прогресс; СПб: Алетей, 1997. 832 с. С.117.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма//Избранные произведения. М, Политиздат,1990.
4. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс,1984.
5. Вейнингер О. Пол и характер. Латард, 1997. -288 с. С.70.
6. Маркузе Г.Эрос и цивилизация. Одномерный человек. /Пер. А.А.Юдин. М.: АСТ, 2003. 528 с. С. 17.
7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: Искусство, 1991 588 с. С.87.
8. Сад, маркиз, де. Философия в будуаре //Мир и Эрос. М., 1991. С.117.
9. Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные//Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.
10. Фромм Э. Бегство от свободы // Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: Издательство АСТ, 2004. С. 9-303.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999 480с. С.198.

УДК 930.253

А.В. Спичак

A.V. Spichak

*Нижегородский государственный университет (Нижегород, Россия)***ПРИЧИНЕНИЕ МУЖЧИНАМИ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ
ЖЕНЩИНАМ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.: ПРИЧИНЫ
И РЕЗУЛЬТАТЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)****CAUSING INJURIES BY MEN TO WOMEN AT THE END OF XVIII
– THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURIES: THE REASONS
AND RESULTS (ON MATERIALS OF THE TOBOLSK DIOCESE)**

Аннотация. Целью исследования являлось изучение основных причин и последствий нанесения побоев мужчинами женщинам в конце XVIII – начале XIX вв. В работе представлены результаты исследования содержания дел Tobolsk духовной консистории об избииении мужчинами своих и чужих жен и сестер, изучены виды церковного и светского наказания за такие преступления, выявлены общие черты в составлении просительных документов со стороны пострадавших, отношение Русской Православной церкви конца XVIII – начала XIX вв. и современников к данной проблеме. Выяснено, что основной причиной причинения телесного вреда женщинам со стороны мужчин в конце XVIII – начале XIX вв. являлись сложившиеся традиции. Среди остальных причин можно выделить безнаказанность в случае побоев и слишком лояльные наказания в случае отягощения преступления последствиями – смерти не рожденного ребенка или самой потерпевшей, отсутствие защиты женщины (например, имевшей больного мужа), пьянство и психологическое состояние мужа, то есть потребность в самоутверждении за счет слабого пола. Повод мог быть любым – от непослушания своей жены до дерзости чужой.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Tobolsk епархия, Tobolsk духовная консистория, гендерное насилие, побои, наказание, епитимия

Summary. The purpose of the study was to study the main causes and consequences of beatings by men to women in the late XVIII – early XIX centuries. The paper presents the results of a study on the content of the Tobolsk spiritual consistory cases about men's beating up their own and other people's wives and sisters, studied the types of ecclesiastical and secular punishment for such crimes, revealed common features in drawing up pleading documents from the victims, the attitude of the Russian Orthodox Church of the late XVIII – early XIX centuries and contemporaries to this problem. It was found that the main cause of bodily harm to women by men in the late XVIII – early XIX centuries. were established traditions. Among other reasons, impunity in the case of beatings can be singled out and too loyal punishment in the event of an aggravation of the crime – the death of an unborn child or the victim, lack of protection for a woman (for example, who had a sick husband), drunkenness and psychological state of her husband, that is, account of the weaker sex. The

reason could be any – from the disobedience of his wife to the audacity of someone else.

Keywords: Russian Orthodox Church, Tobolsk diocese, Tobolsk spiritual consistory, gender violence, beating, punishment, penance

Конституция РФ провозглашает равенство прав и свобод независимо от пола, однако не всегда дает возможность для их реализации. Роль женщины в семье позволяет говорить о том, что общество и государство обязаны создавать женщине социальные гарантии для реализации ее прав. Поэтому так важно обращение к прошлому, чтобы не допустить прежних ошибок в настоящем и будущем. Только XIX в. заложил фундамент процесса осознания женщинами своего угнетенного положения [9, с. 3]. В данной работе исследуется более ранний период – конец XVIII – начало XIX столетий, который можно считать переходным, так как в рассматриваемый период начинают практиковаться первые, хотя и достаточно мягкие, наказания за жестокое обращение со слабым полом. В последние десятилетия активно разрабатывается вопрос о защите прав и интересов женщин в России. Юристов интересует криминологическая характеристика современной бытовой преступности и меры по ее предупреждению, социологи рассматривают социальные условия насилия в семейном поведении; гораздо меньше исторических работ. В частности, исследуются проблемы внутрисемейных насильственных преступлений. Нами данная тема впервые разрабатывается на основе ранее не изученных архивных документов, что увеличивает ее актуальность.

Жестокие действия мужа относительно жены в законодательстве X–XVII вв. не рассматривались как преступные и наказуемые. На протяжении XVII–XIX вв. начались попытки государства улучшить положение женщин в семейно-бытовых отношениях [8, с. 6–15]. В XVII в. мужчина уже не мог безнаказанно убить свою супругу, и если его поведение начинало угрожать ее жизни, жена могла рассчитывать на помощь со стороны светских и духовных властей. В кормчих книгах содержалось правило о том, что жена должна была сохранить семью в любом случае. Жестокое обращение мужа с женой практически не становилось причиной к разводу [7, с. 18–19], что подтверждают архивные документы – в ответ на жалобу женщины епархиальные власти могли предложить в лучшем случае отдельное проживание. Битье мужьями жен в патриархальной семье с целью «вразумления» по обычному праву преступлением не считалось [1, с. 27]. В XVI – XVIII вв. мужчины даже получали от общества советы воспитывать жен побоями [10, с. 97]. По мнению социологов, мужчина, применяя насилие в любой форме по отношению к жене или сестре, осознавая свое половое превосходство, точно также мотивирован по отношению и к другим женщинам, его сдерживают только законы и общественное мнение [9, с. 9]. Таким образом, одна из причин насилий по отношению как к своим женам, так и к чужим, крылась в психическом состоянии мужчины, его потребности самоутвердиться за счет слабого пола. В конце XVIII – начале XIX вв. мужчина понимал, что не получит серьезного

наказания за свои действия, даже если побьет чужую жену, что являлось второй причиной. Однако нападению подвергались те женщины, которые были лишены защиты, например, имели супруга со слабым здоровьем.

Если женщина не могла больше выносить побоев от супруга, она обращалась за помощью в ТДК напрямую, либо через духовное правление в случае, если жила в провинции. О факте насилия, совершенного вне брака, вначале сообщали светскому суду, а он уже обращался к епархиальному архиерею. Описания нанесенного женщинам ущерба, содержащиеся в просительных документах и медицинских свидетельствах, больше походят на тексты триллеров, чем на официальные документы, невозможно не сопереживать «героиням» дел Тобольской духовной консистории (далее – ТДК). Вот один из примеров: «без всякой причины бил ее весьма бесчеловечно, от чего находилась она недель с шесть больна, причем растоптал у ней ногами живот, и оттого высыпались черева». При нахождении в полевом батальоне женщины обращались к непосредственному начальству их мужей, а оно уже составляло отношение владыке с просьбой выдать «именной вид от духовной команды, дабы она была от него свободна». ТДК лишь в том случае освобождала потерпевшую от обидчика, если совместная с ним жизнь угрожала жизни женщины: «страшал убить, до смерти». Тогда в докладном реестре ТДК записывала решение отлучить пострадавшую от сожительства со своим мучителем. ТДК могла предложить преосвященному расторгнуть брак, однако последнее слово было за владыкой: «доколе не откроются обстоятельства с его (мужа. – А. С.) стороны, следующие к совершенному расторжению сего брака, дотоле ему ... и жене его в другие браки вступить запретить», то есть женщина могла жить отдельно от мужа, но все еще считалась его женой и не могла повторно выйти замуж. При обращении через начальство мужа многое зависело от проявленного первым внимания и сочувствия. Производство по делу растягивалось на месяцы, женщине очень везло, если ей предоставляли убежище на это время. Производство по делу растягивалось на месяцы, женщине очень везло, если ей предоставляли убежище на это время. Обращения к архипастырю содержали обязательно оговорку, что супруга всеми силами старалась предотвратить такое поведение мужа, ведя с ним беседы, часто получая за это еще более агрессивный ответ: «сколько я ни прилагала к нему моих чувствительных возможностей к лучшему в сожитии порядку, но все сии обстоятельства остались тщетными» [2, л. 1 а –11 об.].

Важно было указать, что побои совершались «безвинно», то есть жена была ни в чем не виновата, ее поведение никак не провоцировало ответную жестокость. Для того чтобы увеличить шансы на положительный исход дела и добиться развода, даже наказания мужа, причем второе не являлось для просительниц обязательным (об этом даже не говорилось в прошениях), желательно было приложить к подаваемым просительным документам «доказательные» документы, например, медицинские свидетельства, фиксирующие последствия побоев. Значимым фактором было ведение женщиной благочестивого образа жизни, что склоняло в ее пользу при рассмотрении дела. Среди архивных документов нам не встретилось ни одного дела, согласно которому женщина после совершенного в ее адрес правонарушения со стороны супруга сразу же подавала на него жалобу владыке. Наоборот, следуя традициям послушания,

выработанным целыми поколениями в православной культуре, русская женщина до последних сил терпела враждебное отношение со стороны мужа.

За побои своей жены (в пьяном виде), приведшие к ее смерти, в конце XVIII в. наказывали еще очень лояльно. Так, крестьянина Омутинской волости Ялуторовского заказа Василия Васильева земской суд наказал 30 ударами кнута. 9 апреля преосвященный в резолюции велел осужденному исполнять 12-летнюю епитимию при приходской церкви под присмотром духовного отца, то есть В. Васильева даже не посадили в тюрьму, а выполнение епитимии не являлось суровым наказанием, которое могло бы отбить охоту еще раз погубить кого-то [3, л. 1 а].

ТДК приходилось рассматривать дела об избиении мужчинами не только своих, но и чужих жен. На одни побои суд мог не обратить внимание, должны были иметься более печальные последствия для возбуждения дела в суде и сообщения ТДК для наложения епитимии. 10 июня 1802 г. ТДК узнала из Тобольского уездного суда об избиении вогулом Кондинской волости Яковом Родионовым жены вогула Татьяны Яковлевой, что повлекло за собой выкидыш. В доме в момент избиения находились пять взрослых, из которых четверо – мужчины, трое из них были здоровы, тогда как муж потерпевшей Протопей болел. Остается неясным, почему они позволили Якову бить лежащую Татьяну кулаками, неужели все настолько боялись Якова или он был настолько сильнее остальных. Одной из причин данного преступления стало, возможно, распитие с самого утра браги. На следующий день после выкидыша Протопей объявил о случившемся десятнику Аминских юрт, а затем старшине Кондинской волости. 23 июня был отправлен указ ТДК священнику о присмотре за наказанным по 23 правилу Анкирского Собора пятилетней епитимией Яковом Родионовым [4, л. 2–7].

Крестьянина Ялуторовской округи Тимофея Орлова за избиение крестьянки Марины Лесковой, приведшее к преждевременным родам и последующей смерти младенца, светский суд наказал 39 ударами плетью. Губернское правление решило послать в ТДК указ с решением Тобольской палаты суда и расправы о наложении на преступника 5-летней епитимии. Однако ТДК изменила судебное решение: вначале, сославшись на 23-е правило Анкирского Собора, подтвердила правильно выбранное количество лет епитимии, однако потом, «уважая телесное наказание, учиненное ему за сей поступок от стороны светского правительства», предложила уменьшить срок епитимии до трех лет. Предполагалось, что Т. Орлов «приходской священник благоразумными своими наставлениями» приведет Т. Орлова «в чистосердечное пред Богом в сем прегрешение, раскаяние». Преосвященный одобрил решение ТДК, ссылаясь на 102-е Правило шестого вселенского Собора и указ Святейшего Правительствующего Синода от 22 марта 1780 г. Вот так РПЦ расценивала наказание за жестокие побои и убийство не рожденных детей. Судебная практика, привычная и понятная для современников Т. Орлова, не укладывается в голове современного человека. В данном деле ТДК, однако, впервые назвала преступника убийцей [5, л. 1 а – 6].

При совершении преступления в церкви, что являлось в оценке РПЦ особенно тяжким, о произошедшем злодеянии мог донести причт. Крестьянка Анастасия Семенова Борзунова 3 июля 1815 г. должна была венчаться с ямщиком Лаврентием Павловым Сидоровым. Пришедшие в церковь на

требу священно- и церковнослужители стали свидетелями «бесчеловечного» избиения Анастасии ее родным братом Иваном. Клирики утверждали, что они пытались удержать нападавшего, но он пришел «в такой азарт, что не только сестре своей намерен сделать увечье, и с ними ... и наконец утащил ... сестру свою из церкви за волосы в свой дом». Можно предположить, что Иван был против того, чтобы его сестра вышла замуж. В очередной раз нам встретилось дело, в котором свидетели не помогли вовремя потерпевшей. Что касается данного случая, то, видимо, складывалась практика невмешательства в семейные отношения. Согласно указу Синода от 28 октября 1809 г., о случившемся в церквях «бесчинии» епархиальным архиереям требовалось сообщить губернатору для доклада императору на основании указа, объявленного Синоду 21 сентября 1804 г. Духовное правление известило о выбранном виде наказания – 25 ударов розгами – причт Тугулымской церкви [6, л. 2–22].

Итак, основной причиной причинения телесного вреда женщинам со стороны мужчин в конце XVIII – начале XIX вв. являлись сложившиеся традиции. Среди остальных причин можно выделить безнаказанность в случае побоев и слишком лояльные наказания в случае отягощения преступления последствиями – смерти не рожденного ребенка или самой потерпевшей, отсутствие защиты женщины (например, имевшей больного мужа), пьянство и психологическое состояние мужа, то есть потребность в самоутверждении за счет слабого пола. А повод мог быть любым – от непослушания своей жены до дерзости чужой.

Последствия же были различными в зависимости от того, находишься ли преступник и жертва в браке: если мужчина избивал свою жену, то рассчитывать на защиту она могла лишь тогда, когда находились свидетели, которые бы подтвердили, что причиняемые мужем побои следом приведут к трагедии, и то этого было недостаточно для развода, пострадавшей просто разрешали жить отдельно от ее обидчика, который чаще всего мог отделаться всего лишь пятью годами епитимии согласно церковным правилам. За убийство жены количество лет епитимии увеличивали до 12 и дополняли наказание светским – 30 ударов кнута. В случае, если мужчина избивал чужую жену, его ждало светское наказание в виде битья розгами и 5 лет епитимии. При отягчающих последствиях, таких, как смерть не рожденного ребенка, количество ударов могли увеличить, например, до 39. Однако церковные власти, посчитав светское наказание достаточно суровым, уменьшали епитимию до 3 лет. В общем, преступника ожидало в худшем случае единовременное телесное наказание и несколько лет епитимии. Церковь верила в покаяние и исправление виновных, что вряд ли подтверждалось на практике. Подобные наказания едва ли могли удержать преступника от дальнейших жестоких действий, что являлось еще одной причиной невозможности искоренения мужского насилия. В настоящее время женщины уже имеют куда больше прав, знают законы, создаются общества защиты пострадавших от насилия, но причины гендерного насилия в общем остаются теми же, например, страдают в основном те представительницы слабого пола, у которых нет защитника, порой же мужчина чувствует свою безнаказанность. Использование положительного опыта предков и учет ошибок прошлого помогут улучшить сложившуюся ситуацию.

Исследование осуществлено в рамках исполнения гранта Президента

Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2018) (МК-3701.2018.6).

Список литературы

1. Безгин В.Б. Убийство супруга(и) в крестьянской семье (конец XIX – начало XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 27-30.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. 156. Оп. 4. Д. 1536.
3. Там же. Д. 413.
4. Там же. Оп. 5. Д. 948.
5. Там же. Д. 1128.
6. Там же. Оп. 8. Д. 1328.
7. Игнатович В.Э. Борьба с насилием в быту: историко-правовой анализ российского законодательства: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России. 2003. 18 с.
8. Парыгина Н.А. Гендерный аспект насилия в социальном измерении: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2009. 23 с.
9. Родина И.В. Родственно-семейные отношения насилия и зависимости в обычаях и нормах России: исторический аспект // Научный журнал «Общество и право». 2006. № 3 (13). С. 17-25.
10. Цатурова М.К. Три века русского развода (XVI-XVIII века). М.: Логос, 2011. 285 с.

С.М. Емелин

S.M. Emelin

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской Академии наук (Уфа, Россия)

ИЗВЕСТНЫЕ ЖЕНЩИНЫ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ В СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО ИЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

FAMOUS WOMEN IN MILITARY SERVICE IN THE USSR AND THE RUSSIAN FEDERATION: GENDER EQUALITY OR IDEOLOGICAL EXPEDIENCY

Аннотация: В статье автор дает общий обзор проблемы прохождения женщинами военной и правоохранительной службы, исследуются связанные с этим особенности. Приводятся данные служебной деятельности известных женщин, интересные факты и примеры из сложившейся практики. Анализируются научные работы и исследования, посвященные данному вопросу, обсуждается вопрос гендерного равенства, практической и идеологической целесообразности применительно к вопросам нахождения женщин на военной службе. Наряду с целесообразностью сохранения прав женщин служить в вооруженных силах и правоохранительных органах поднимается вопрос обеспечения их конституционного права на выбор профессии и рода деятельности. Вместе с тем, примеры успешных женщин, достигнувших успехов в службе и высокого социального статуса, стимулируют других следовать их примеру. Такие тенденции, безусловно, свидетельствуют о повышении роли женщин в общественной жизни, в том числе в ранее считавшимися сугубо мужских профессиях.

Ключевые слова: военная служба, правоохранительная служба, известные женщины, женщины на военной службе, квалификационные и профессиональные требования

Annotation: In the article the author gives a general overview of the problem of women's military and law enforcement service, explores the related features. The article presents data on the performance of well-known women, interesting facts and examples of current practice. Scientific work and research on this issue are analyzed, the issue of gender equality, practical and ideological expediency in relation to the presence of women in the military service is discussed. Along with the need to preserve the rights of women to serve in the armed forces and law enforcement agencies, the question of ensuring their constitutional right to choose a profession and occupation is raised. At the same time, examples of successful women who have achieved success in the service and high social status encourage others to follow their example. Such trends clearly indicated an increasing role for women in public life, including in previously considered male-dominated professions.

Keywords: military service, law enforcement service, famous women, women in military service, qualification and professional requirements

Прохождение военной службы женщинами сегодня не является редкостью. Это отражает общую тенденцию возрастания роли женщин во многих сферах жизни современного общества, которая проявляется в том, что женщины занимают важнейшие позиции в различных государственных и общественных институтах, достигают высокого служебного положения, участвуют в формировании государственной политики, принятии ответственных решений.

Даже в таком, казалось бы, исконно мужском деле, как военная и правоохранительная служба, современные женщины проявляют себя достаточно уверенно.

На сегодня в Вооруженных силах Российской Федерации насчитывается около 100000 женщин, примерно половина из которых проходит службу на воинских должностях [40]. По обобщенным данным доля женщин в армии составляет порядка 10 процентов от всех военнослужащих, или около 60000 человек. Большая часть из них находятся в Сухопутных войсках и Военно-воздушных силах [31].

В правоохранительной системе доля должностей, на которых несут службу женщины, также достаточно велика и имеет тенденцию к росту. По официальным данным МВД России из 894 871 единицы штатной численности органов внутренних дел РФ, в том числе сотрудников органов внутренних дел РФ в количестве 746 859 человек, федеральных государственных гражданских служащих – 17 199, работников – 130 813, около 23% составляют женщины [42], или 167300 человек [30]. До 50% женщин-сотрудников служит в учебных заведениях системы МВД, а в некоторых подразделениях и больше. В полицейских патрулях часто можно встретить женщин наравне с мужчинами, они служат в прокуратуре, таможенных органах, следственном комитете [29].

Подобная ситуация не связана с политикой государства увеличить женскую составляющую в силовых структурах. Согласно Конституции Российской Федерации мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации, гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола (часть 2 статьи 19) [22].

Военная и приравненная к ней служба происходит исключительно по собственному желанию и на контрактной основе. Только начиная с 2010 года Министерство обороны РФ проводит кампанию, целью которой является привлечение женщин в ряды армии [40].

Следует учитывать, что федеральная государственная служба Российской Федерации представлена различными категориями служащих, среди которых федеральная государственная гражданская служба, военная служба, правоохранительная служба, прокурорская служба и служба в органах юстиции. Различный статус указанных категорий государственных служащих определяет различия в их положении, порядке прохождения службы, присвоения званий и классных чинов, выслуги лет и пенсионного обеспечения. Вместе с тем,

наличие определенного звания или чина предполагает соответствующие знаки различия, которые несведущие люди ассоциируют с воинскими знаками, и нередко вызывают раздражение не только у простых граждан, но и в военной среде.

Указом Президента Российской Федерации от 30.09.2013 №744 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 01.02.2005 г. №113 «О порядке присвоения и сохранения классных чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим» установлено соотношение воинских и специальных званий, классных чинов ФГГС, юстиции и прокурорских работников [41]. Ниже представлена таблица, содержащая звания и классные чины первых 6 ступеней (звания высших и старших офицеров и госслужащих).

№ п/п	Классный чин федеральной государственной гражданской службы	Воинское звание	Специальное звание	Классный чин юстиции	Классный чин прокурорского работника
1	Действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса	генерал армии, адмирал флота, генерал-полковник, адмирал	генерал полиции Российской Федерации, генерал юстиции Российской Федерации, действительный государственный советник таможенной службы Российской Федерации, генерал полиции, генерал- полковник: полиции (милиции), внутренней службы, юстиции, таможенной службы	действительный государственный советник юстиции Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса	действительный государственный советник юстиции, государственный советник юстиции 1 класса
2	Действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса	генерал-лейтенант, вице- адмирал	генерал-лейтенант: полиции (милиции), внутренней службы, юстиции, таможенной службы	действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 2 класса	государственный советник юстиции 2 класса
3	Действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса	генерал-майор, контр-адмирал	генерал-майор: полиции (милиции), внутренней службы, юстиции, таможенной службы	действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса	государственный советник юстиции 3 класса
4	Государственный советник Российской Федерации 1 класса	полковник, капитан 1 ранга	полковник: полиции (милиции), внутренней службы, юстиции, таможенной службы	государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса	старший советник юстиции
5	Государственный советник Российской Федерации 2 класса	подполковник, капитан 2 ранга	подполковник: полиции (милиции), внутренней службы, юстиции, таможенной службы	государственный советник юстиции Российской Федерации 2 класса	советник юстиции
6	Государственный советник Российской Федерации 3 класса	майор, капитан 3 ранга	майор: полиции (милиции), внутренней службы, юстиции, таможенной службы	государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса	младший советник юстиции

Таблица 1. Соотношение высших и старших воинских и специальных званий, классных чинов ФГГС, юстиции и прокурорских работников, в соответствии с Указом Президента РФ от 01.02.2005 №113 (в редакции Указа от 30.09.2013 № 744) [41]

Из приведенных данных видно, что данное соответствие во многом носит условный характер. Фактически, первый класс федеральной государственной гражданской службы объединяет по две категории воинских, специальных званий, классных чинов юстиции и прокурорских работников. Кроме того, в таблице отсутствует высшее воинское звание Вооружённых Сил Российской Федерации – Маршал Российской Федерации, установленное 11 февраля 1993 года Законом Российской Федерации №4455-1 «О воинской обязанности и военной службе»[35].

В рамках настоящей статьи исходя из цели изучения рассматривается достижение женщинами высокого служебного положения в процессе прохождения службы.

Всего на военной и правоохранительной службе в новейшей истории России состояла 52 женщины-генерала (действующих в настоящее время – 21). Из них в Вооруженных силах – 3 (действующая – 1), в системе Министерства внутренних дел – 8, в том числе 2 генерал-лейтенанта, Федеральной миграционной службе (ликвидирована в 2016 году) – 1, Федеральной службе по контролю за оборотом наркотиков (ликвидирована в 2016 году) – 3, Федеральной таможенной службе – 5, Федеральной службе исполнения наказаний – 2, Следственном комитете РФ – 12, в том числе 2 генерал-лейтенанта и 1 генерал-полковник юстиции (единственная в России, Леоненко Е.Е.), Прокуратуре РФ – 15, Федеральной службе судебных приставов – 2. Эти данные учитывают только женщин, состоящих (состоявших) на военной и правоохранительной службе в званиях генерала (или приравненных специальных чинах советника юстиции, как в Прокуратуре и Федеральной службе судебных приставов). Кроме этого, имеется целый ряд женщин, имеющих гражданские классные чины, соответствующие званиям генерала в указанных ведомствах, а также в других отраслях государственной гражданской службы (Министерство по налогам и сборам, Росфиннадзор, Роспотребнадзор и т.п.) [12, С. 168].

Вместе с тем, реализация женщинами своего конституционного права служить на государственной службе затруднено в силу специфики самой службы. Нельзя опускать и сложившиеся традиции, а также менталитет отдельных народов, которые сохраняют стереотипное представление о роли женщины в государстве и общественной жизни. Объективно, специфика службы, особенно военной и правоохранительной, влечет за собой определенные издержки, в том числе моральный и личностный ущерб, который распространяется на всех ее носителей, а на женщин особенно.

Нужно сказать, что прием женщин на военную и правоохранительную службу был изначально обусловлен необходимостью и учитывал их гендерные особенности при определении профессиональных направлений деятельности. В частности, это было связано с потребностью нести службу в местах содержания арестованных женщин и несовершеннолетних. Так, в США впервые женщины были приняты на работу надзирательницами в двух тюрьмах

Нью-Йорка в 1845 году. В Российской Империи должности смотрительниц женских отделений и тюремных надзирательниц для надзора за женщинами-арестантками были введены в 1887 году [28].

На службу в полицию первая женщина была принята в 1893 году также в США, г. Чикаго, ставшая первой в истории женщиной – офицером полиции и прослужившая тридцать лет. С 1909 года в США был официально разрешен прием женщин на службу в полицию. В Российской Империи прием женщин на службу в полицию был разрешен в 1916 году. Женщин принимали на работу, не связанную с допуском к секретным документам, и на должности не выше восьмого класса Табели о рангах. После Октябрьской революции 1917 года была создана советская милиция, куда прием женщин ничем не был ограничен. Вместе с тем, женщин принимали на службу в милицию лишь тогда, когда штаты не удавалось укомплектовать мужчинами. Прием осуществлялся на общих основаниях, и принятых направляли главным образом на фабрики и заводы для досмотра выходящих с работы женщин с целью борьбы с участвовавшими случаями хищений социалистической собственности. Лишь в редких случаях женщинам доверялось несение постовой службы. Такое положение изменилось лишь с началом Великой Отечественной войны, когда женщины заменили милиционеров-мужчин, ушедших на фронт. К концу войны в советской милиции уже служило около 20000 женщин, причем свыше пяти тысяч – в уголовном розыске, а примерно пятьсот человек – участковыми инспекторами [12, С. 169-170; 28].

В рамках проблемы прохождения женщинами военной и правоохранительной службы особо стоит вопрос службы в период чрезвычайных ситуаций, в частности в военный период. В истории России ярким примером подобного масштабного вовлечения женщин в общественное производство в целом и привлечение к военной службе является период Великой Отечественной войны (1941-1945). Экстремальные условия войны увеличили социальную и политическую активность женщин. На их плечи не только легли все тяготы тыла, но им принадлежит значительная роль непосредственно в военных действиях, в партизанском движении, патриотическом подполье, а также в выполнении функции военных медиков, связистов и многих других военных специальностей. Боевые подвиги женщин распространялись через печатные издания в качестве примера для подражания уже в военные годы [7, 8, 9, 10, 11, 15, 16, 19]. Первый обобщенный труд «Советская женщина в Великой Отечественной войне», подготовленный Захаревичем П.Б. и Бучинской К.В., вышел уже в 1944 году [20].

В послевоенный период интерес к изучению роли женщин в достижении победы развивался неравномерно. До 1960-х годов серьезных исследовательских работ не было, в последующие годы выходили в основном комплексные труды, где роль женщин освещалась фрагментарно, в общем героико-патриотическом ключе, отражая ратные подвиги женщин на фронтах и самоотверженный труд в

тылу [9, 13, 17]. В 1991 был издан сборник документов «Женщины на фронтах Великой Отечественной войны» [18].

Активная исследовательская работа по данной проблематике относится уже к 1990-2000-м годам. Появился целый ряд научных исследований, посвященных роли женщин разных регионов в годы Великой Отечественной войны. Следует отметить диссертационные исследования о женщинах Северной Осетии [3, 23], Башкирии [14], Дагестана [25], Адыгеи [27], Калмыкии [4], Красноярского края [1], Курской области [24] и Северного Кавказа [21] в военный период. В отдельных работах изучены общие вопросы службы женщин и военно-медицинские аспекты [2, 5]. В целом в перечисленных публикациях отражены различные аспекты, связанные с деятельностью женщин, их военной службой, участии в добровольческих военизированных формированиях в годы Великой Отечественной войны, работы в тылу, трансформации социальной роли. Кроме этого, была подготовлена кандидатская диссертация, посвященная изучению исторического опыта привлечения женщин на военную службу в отечественные Вооруженные Силы в XX веке, где дана ретроспектива данной проблемы начиная с периода Киевской Руси. [6].

Специальных исследований, посвященных службе женщин в правоохранительных органах, крайне мало. Отдельные вопросы данной проблемы отражены в работах Е.Р. Абызовой, А.П. Герасимова, Т.А. Ивановой, Л.М. Колодкина, Г.М. Мякишева, П.П. Сергуна, А.Н. Таланцева, В.М. Шамарова, М.В. Щелкуновой, в основном, в контексте изучения организационно-правовых основ службы [12, С. 163].

В 2007 году была защищена кандидатская диссертация, посвященная службе женщин в органах внутренних дел. Автор поднимает проблемные вопросы, касающиеся различных аспектов реализации женщинами своего конституционного права, и считает необходимым создать для этого соответствующие условия, в том числе социально-правовой защищенности женщин, дополнительных гарантий, специальных программ подготовки и т.д. [12, С. 163; 26].

Приведенные в настоящей статье материалы позволяют выделить некоторые закономерности в прохождении женщинами военной и правоохранительной службы. Прежде всего, несмотря на достаточную массовость, они редко достигают высокого служебного положения, и то преимущественно по узкопрофильным направлениям (финансы, наука, медицина и т.п.). И даже достигнув генеральского звания они, за редким исключением, не становятся широко известными. Выявленную особенность можно проиллюстрировать следующими данными.

ФИО	Год рождения	Звание (классный чин)	На момент присвоения звания генерала		В настоящее время	
			Возраст	Должность	Должность	Звание
Терешкова Валентина Владимировна	1937	генерал-майор (первая в России женщина в звании генерала)	58	инструктор-космонавт-испытатель	В отставке	генерал-майор в отставке
Климова Наталья Борисовна	1944	Генерал-майор медицинской службы (ФСБ)	51	1-й заместитель начальника Военно-медицинского управления ФСБ России	бывший заместитель директора Федерального фонда обязательного медицинского страхования. Лишена звания в связи с осуждением судом по делу о коррупции по обвинению в получении взяток на сумму 27,7 млн рублей	
Князева Елена Георгиевна	1958	генерал-майор	54	Начальник Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны России	Заместитель начальника Военного университета Министерства обороны РФ по учебной и научной работе	генерал-майор
Москалькова Татьяна Николаевна	1955	генерал-майор милиции	44	Первый заместитель начальника Правового управления МВД РФ	Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации с 2016 г.	Генерал-майор полиции в отставке
Шевцова Татьяна Викторовна	1969	Действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса	35	Руководитель департамента крупнейших налогоплательщиков Министерства РФ по налогам и сборам.	Заместитель Министра обороны Российской Федерации	Действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (<i>генерал армии</i>)
Китаева Мария Владимировна	1986	Действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса	26	Советник министра обороны Российской Федерации,	Советник министра обороны Российской Федерации,	Действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса
Поклонская Наталья Владимировна	1980	Государственный советник юстиции 3 класса	35	Прокурор Республики Крым	депутат Государственной думы РФ	

Таблица 2. Сравнительные данные личных показателей женщин-генералов, состоявших на федеральной государственной службе РФ [32, 33, 34, 36, 37, 38, 39]

Из приведенных данных видно, что отдельные представительницы женского пола в дальнейшем достигают высокого положения благодаря своим служебным заслугам (В.В. Терешкова, Т.Н. Москалькова, Н.В. Поклонская). Их положение и авторитет выражается в высоком общественном статусе.

Так, В.В. Терешкова (первая женщина-генерал Вооруженных сил России)

еще будучи на службе более 20 лет являлась депутатом Верховного Совета СССР и 15 лет – членом Президиума Верховного Совета СССР, 19 лет возглавляла Комитет советских женщин и столько же была членом ЦК КПСС, была вице-президентом Международной демократической федерации женщин, членом Всемирного Совета Мира, депутатом и заместителем председателя Ярославской областной думы, впоследствии была избрана депутатом Государственной думы России [38].

Т.Н. Москалькова будучи первым заместителем начальника Правового управления МВД РФ была избрана депутатом Государственной думы России, возглавляла общественный совет «Женщины – офицеры России» Общероссийской общественной организации «Офицеры России», затем была назначена на должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Кроме того, она является доктором философских наук и доктором юридических наук, профессором [36].

Н.В. Поклонская приобрела известность на фоне событий, предшествующих вхождению Крыма в состав Российской Федерации в марте 2014 года. Будучи прокурором Республики Крым она заняла активную пророссийскую позицию и сохраняла ее в дальнейшем, внесла большой личный вклад в стабилизацию ситуации в республике. С 2016 года – депутат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации [37].

Деятельность генерал-майора Вооруженных сил РФ Е.Г. Князевой является примером успешной чисто ведомственной карьеры (это третья из трех женщин-генералов ВС РФ и единственная на сегодня действующая). Понижение в должности не прекратило ее военную карьеру, а позволило сосредоточиться на научно-педагогической работе. Она также доктор филологических наук, профессор [34].

Генерал-майор медицинской службы (единственная женщина – генерал ФСБ) Н.Б. Климова, напротив, бесславно закончила свою карьеру, была осуждена на 9 лет по делу о коррупции и получению взяток, лишена воинского звания [33].

Что касается приведенных в таблице служащих министерства обороны России Т.В. Шевцовой [39] и М.В. Китаевой [32], то это именно тот случай, когда публичность сыграла с ними, в отличие от В.В. Терешковой, злую шутку. Успешные специалисты в своих отраслях – финансы и связи с общественностью, они, после назначения на высокие государственные должности, получили соответствующие классные чины (в первом случае приравненный к званию генерала армии, с соответствующим форменным обмундированием и знаками различия), и сразу же стали объектами резкой критики в средствах массовой информации. При этом значительная доля критики шла непосредственно из военной среды. Возникла ситуация, при которой высокий служебный статус не способствовал росту популярности и авторитета его носителя. Сходная ситуация наблюдается в случае, когда,

скажем, известные спортсменки и актрисы начинают политическую карьеру в качестве депутатов Государственной Думы Российской Федерации.

Подводя итог вышесказанному, можно согласиться с тем, что женщины вполне обладают качествами, которые необходимы государственному служащему, военнослужащему, сотруднику правоохранительных органов. Одновременно следует подчеркнуть, что стремление к гендерному равенству, повышению общественной и социальной роли женщин, является политически обусловленной задачей, выражением идеологической доктрины конкретной политической системы (скажем, советского типа). В этом отличие от общемировых тенденций современного развития общества, согласно которых женщина занимает равное положение с мужчинами, имеет все возможности для самореализации. В случае, когда роль женщин поднимается искусственно, они сами встречают на своем пути массу трудностей, часто осуждаются (особенно если имеют проблемы в личной жизни, например, отсутствие семьи), не пользуются расположением как мужчин, так и женщин [12, С. 171]. Таким образом, известность и выдающиеся достижения женщин в своей области могут стать гарантией успешной карьеры, повышения социального и служебного статуса. Если же этот статус получен, с точки зрения большинства, незаслуженно, либо в той сфере, где его обладательница не обладает должными компетенциями, то восприятие подобного положения крайне негативное.

Безусловно, изложенная позиция не является бесспорной и не претендует на исключительную истину. Гендерная тема вызывает как научный интерес, так и массу споров, что, безусловно требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Барсукова Н.В. Женщины в Вооруженных Силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: По материалам Красноярского края. Автореферат дисс. кандидата исторических наук. Красноярск: КГПУ, 2005. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/zhenshchiny-v-vooruzhennykh-silakh-sssr-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-1945-gg-po->
2. Батурина З.П. Служба женщин в вооруженных силах России // Военно-историческая антропология: Ежегодник. М.: РОССПЭН, 2002. 399 с.
3. Батыров У.А. Защитницы Родины: Женщины Северной Осетии на фронтах Великой Отечественной войны. Владикавказ: Ир, 2000, 475 с.
4. Бембеева Е.А. Деятельность женщин Калмыкии в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг. Автореферат дисс. кандидата исторических наук. Элиста: КГУ, 2008. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/deyatelnost-zhenshchin-kalmykii-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-1945-gg>
5. Будко А.А., Грибовская Г.А. Женщина-воин, женщина-жертва:

Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины // Военно-исторический журнал. 2004. № 3.

6. Вашурина З.П. Исторический опыт привлечения женщин на военную службу в отечественные Вооруженные Силы в XX веке. Автореферат дисс. кандидата исторических наук. М.: Институт военной истории МО РФ, 2004. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/istoricheskii-opyt-privlecheniya-zhenshchin-na-voennuyu-sluzhbu-v-otechestvennye-vooruzhennyye>

7. Героини Отечественной войны. Очерки. Красноярск: Краснояргиз, 1942. 84 с.

8. Девушки-воины. Очерки о девушках героинях Великой Отечественной войны. М.: Молодая гвардия, 1944. 127 с.

9. Девушки в погонах. Сборник очерков. М.: Воениздат, 1964. 200 с.

10. Девушки-краснофлотцы в боях за город Ленинград. Л.: Полит. упр. Краснознам. Балт. флота. 1943. 15 с.

11. Девушки на фронте. Сборник. Л.: Отделение Воениздата НКО при Ленинградском фронте, 1944. 104 с.

12. Емелин С.М. Женщины на правоохранительной службе: исторический опыт, вопросы теории и практики // Работавшая женщина: возможности профессиональной реализации vs дискриминационные практики (опыт постсоветского пространства). Международная научно-практическая конференция (г. Уфа, БашГУ, 12-13 апреля 2018 года). Уфа: Мир печати, 2018. С. 162-171.

13. Женщины Башкирии. Сборник. Уфа: Башкнигоиздат, 1968. 452 с.

14. Женщины Башкирии в годы Великой Отечественной войны. Уфа: Башкортостан, 2000. 23 с.

15. Женщина в боях за Родину. Сборник. Новосибирск: Новосибгиз, 1942. 72 с.

16. Женщины-героини Великой Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1942. 90 с.

17. Женщины Ленинграда участницы Великой Отечественной войны. Л.: Библ. изд-во, 1975. 15 с.

18. Женщины на фронтах Великой Отечественной войны (Документы и материалы) / Сост. Ю.Н. Иванова. М.: Мосгорархив, 1991, 112 с.

19. Женщины Саратовской области в Отечественной войне. Саратов: Газ.-книж. изд-во Обкома ВКП(б), 1943. 48 с.

20. Захаревич П.Б., Бучинская К.В. Советская женщина в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1944. 168 с.

21. Каменева Г.Н. Женщины Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг. Автореферат дисс. кандидата исторических наук. Ставрополь: СГУ, 2004. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/zhenshchiny-severnogo-kavkaza-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-1945->

22. Конституция Российской Федерации (принята всенародным

голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).

23. Перевалова Е.С. Женщины Северной Осетии в Великой Отечественной войне 1941-1945. Владикавказ: Ир, 1992. 151 с.

24. Пожидаева Н.Н. Женщины Курской области в Вооруженных Силах Советского Союза и в добровольческих военизированных формированиях в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Автореферат дисс. кандидата исторических наук. Курск: КГУ, 2007. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/zhenshchiny-kurskoi-oblasti-v-vooruzhennykh-silakh-sovetskogo-soyuza-i-v-dobrovolcheskikh-vo>

25. Раджабова З.К. Женщины Дагестана в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг. Автореферат дисс. кандидата исторических наук. Махачкала: ДГУ, 2001. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/zhenshchiny-dagestana-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-1945-gg>.

26. Романова В.В. Служба женщин в органах внутренних дел (правовые и организационные аспекты). Автореферат дисс. кандидата юридических наук. М.: АУ МВД РФ, 2007. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/sluzhba-zhenshchin-v-organakh-vnutrennikh-del-pravovye-i-organizatsionnye-aspekty>

27. Четав С.Е. Женщины Адыгеи: трансформация социальной роли в годы радикальных перемен и в экстремальных условиях Великой Отечественной войны: 20-40-е гг. XX в. Автореферат дисс. кандидата исторических наук. Майкоп: АГУ, 2005. [Электронный ресурс]: <https://www.dissercat.com/content/zhenshchiny-adygei-transformatsiya-sotsialnoi-rol-i-v-gody-radikalnykh-peremen-i-v-ekstremaln>.

28. <http://policewoman.ru/index/istorija/0-4>.

29. <https://ria.ru/society/20160902/1475976531.html>.

30. <https://ria.ru/20160902/1475976531.html>

31. <https://russianarmy.ru/zhenshhina-na-voennoj-sluzhbe.html>

32. https://ru.wikipedia.org/wiki/Китаева,_Мария_Владимировна

33. https://ru.wikipedia.org/wiki/Климова,_Наталья_Борисовна

34. https://ru.wikipedia.org/wiki/Князева,_Елена_Георгиевна

35. https://ru.wikipedia.org/wiki/Маршал_Российской_Федерации

36. https://ru.wikipedia.org/wiki/Москалькова,_Татьяна_Николаевна

37. https://ru.wikipedia.org/wiki/Поклонская,_Наталья_Владимировна

38. https://ru.wikipedia.org/wiki/Терешкова,_Валентина_Владимировна

39. https://ru.wikipedia.org/wiki/Шевцова,_Татьяна_Викторовна

40. <https://voin.guru/armiya/zhenschiny-v-armii/>

41. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152545/8af189ce0aff1dd3096d739ae644714540424ba9/

42. <https://www.pravda.ru/news/society/31-12-2017/1364511-mvd-0>

З.Р. Хабибуллина

Z.R. Khabibullina

*Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленное
подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа,
Россия)*

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПАЛОМНИЧЕСТВА В ИСЛАМЕ

GENDER ASPECT OF PILGRIMAGE IN ISLAM

Аннотация. Хадж, или паломничество в Мекку – пятый и последний из столпов ислама, составляющий основу религии и фундамент мусульманской общины, предписан к совершению хотя бы один раз в жизни (в зависимости от материальных и физических возможностей верующего). Ритуалы и повседневная жизнь верующих строго регламентированы, для каждой религии характерен свой собственный гендерный режим. В исламе существуют отдельные правила, касающиеся женщин, совершающих хадж. Исследование было направлено на выявление гендерных особенностей мусульманского паломничества. В статье также рассматривается проблема женской религиозности в мусульманских общинах одного из крупных регионов ислама в России – Южного Урала. На основе данных интервью с паломниками анализируется роль хаджа в современном мусульманском сообществе, влияние паломничества на религиозность, поведение и статус женщин.

Ключевые слова: гендер, ислам, паломничество, хадж, гендерный режим

Annotation. Hajj, or pilgrimage to Mecca, the fifth and last pillar of Islam, is the basis of religion and the foundation of the Muslim community, prescribed to be performed at least once in a lifetime (depending on the material and physical abilities of the believer). The rituals and daily lives of believers are strictly regulated; each religion is characterized by its own gender regime. In Islam, there are separate rules for women pilgrimage. The study was aimed at identifying the gender characteristics of the Muslim pilgrimage. The article deals with the problem of female religiosity in the Muslim communities of one of the largest regions of Islam in Russia – the Southern Urals. On the basis of data from interviews with pilgrims, the role of the Hajj in the modern Muslim community, the impact of pilgrimage on religiosity, behavior and status of women is analyzed.

Keywords: gender, Islam, pilgrimage, hajj, gender regime

Гендерный режим ислама проецируется в паломничестве. Существуют отдельные правила, касающиеся женщин, совершающих хадж. За их исключением, хадж женщины ничем не отличается от хаджа мужчины [7, С. 79], цель его одна – достичь довольства Аллаха, для этого требуется правильно выполнить ритуалы и соблюсти предписания источников ислама и шариата.

Согласно исламским преданиям, для женщин хадж более значим, чем для

мужчин. В книге Цветкова П.П. приводятся следующие строки: «Однажды Айша обратилась к Пророку и сказала: «О, посланник Бога! Почему мы не совершаем с вами ни экспедиций, ни священной войны?» – «Вы имеете, – ответил он, – лучшую и прекраснейшую из священных войн: паломничество, набожно совершенное паломничество». Айша рассказывала, что после этих слов Посланника Аллаха она старалась не упускать возможности, чтобы совершить хадж» [9, С. 241].

Женщине, направляющейся в хадж впервые, необходимо отправиться в дорогу вместе со своим мужем или с кем-то, кто относится к махраму – близким родственником, за которого женщина не имеет права выходить замуж по причине их родства, но с которым имеет право оставаться наедине и отправляться в путешествие (отец, дядя, племянник, внук). Сопровождение супруга требуется всем женщинам, не достигшим 45 лет, после 45 лет она может отправиться одна, совершая хадж повторно. Если у женщины, которая едет в хадж впервые, есть материальная возможность оплатить дорогу в Мекку кому-то из махрамов, то ей рекомендуется поступить именно таким образом. Следует отметить, что поездка дорогостоящая, например, для мусульман Урало-Поволжья эконом-пакет тура без питания составляет 160000 рублей на одного человека. Но если ни муж, ни махрамы не могут сопровождать женщину, тогда шариат дает возможность отправиться в путь вместе с доверенной группой людей (семьи родственников или группы таких же женщин). Это не приветствуется в мусульманской общине, хотя и допускается в ряде случаев.

Во многих справочниках по совершению хаджа описываются правила женского хаджа. Для того чтобы хадж для женщины стал действительным, существует два дополнительных условия, в отличие от мужчин:

а) Должна быть обеспечена безопасность ее жизни, имущества и чести мужчиной, мужем или близким родственником;

б) У разведенных или овдовевших женщин должен истечь срок идда – период, когда она не может выйти замуж повторно после смерти супруга или развода. В зависимости от мазхаба срок идда составляет от 4 до 20 недель, после чего женщине снова дозволяется вступить в брак и отправиться в хадж [7, С. 79].

Разница в выполнении обрядов хаджа мужчиной или женщиной заключается в ихраме и в физиологических особенностях женского организма. Перед тем как совершить хадж, паломник входит в состояние ихрама – особого состояния духовной чистоты. В этом состоянии запрещается заниматься делами, относящимися к мирской жизни. Женщины, входя в ихрам, остаются в своей одежде, оставляя открытыми только лицо и кисти рук. Для женщин нет строгих указаний в одежде, рекомендуется брать с собой комфортные платья и широкие брюки. Мужчины облачаются в 2 куска белой материи, голова не покрывается.

При семикратном обходе тавафа, женщины не совершают сай – бег вокруг

Кааабы, они идут спокойным шагом. Произнося молитвы, женщины не делают это громко. Чтобы выйти из ихрама, они укорачивают волосы на толщину пальца, мужчины сбривают голову полностью. Женщины, у которых началось месячное очищение, могут совершать все ритуалы хаджа, кроме тавафа – обхода Каабы. Им дозволяется перенести выполнение тавафа, являющегося обязательным, с первых трех дней хаджа на более поздний срок. Задержки в выполнении обрядов или их невыполнение, связанные с менструальным циклом искупаются дополнительным жертвоприношением.

Некоторые запреты в хадже касаются обоих полов. Нельзя вступать в интимные отношения. С момента вступления в ихрам запрещается пользоваться косметическими и гигиеническими средствами, которые имеют запах (душистое мыло, шампунь, зубная паста), а также любые ароматные масла, дезодоранты, крема и т.д. Все эти запреты действуют в течение нескольких дней. Интимные отношения запрещены до окончания основных обрядов хаджа.

С момента вступления в ихрам с головы запрещается срывать и разбрасывать волосы, в противном случае за каждый выпавший волос, потребуется заплатить штраф. Женщинам рекомендуется беречь волосы, приезжать с аккуратно заплетёнными косами или собирают волосы под чепчик так, чтобы в течение некоторых дней не снимать его. Принимать душ необходимо, не расплетая кос [2]. После того как паломники совершат джамарат – обряд «побивания камнями шайтана», они должны отрезать небольшой пучок волос. Женщины не могут показывать перед посторонними свои волосы и бросать их на землю, поэтому этот процесс они должны осуществить там, где не будет посторонних мужчин.

В 1990-е годы, после десятилетий ограничений паломничества в СССР, российские мусульмане получили возможность беспрепятственно отправляться в хадж. С этого момента наблюдается ежегодный рост числа паломников из страны. В настоящее время, по установленной Организацией Исламского сотрудничества квоте для стран с мусульманским населением, – по одному мусульманину от тысячи – из России ежегодно с 2009 г. в Саудовскую Аравию массово отправляется 20500 человек. При расчете российской квоты берется максимально возможное число мусульман в стране – 20 миллионов. Несмотря на это, квоты не хватает. По сведениям российского Совета по Хаджу, от 3 до 4 тысяч мусульман остаются без путевок.

В рамках изучения исламского фактора развития поликонфессионального общества южноуральского региона мы проводили исследование особенностей паломнической практики мусульман Южного Урала. Рассматривали состав, мотивы, поведенческие формы, гендерные различия современного паломничества. Экспедиционные выезды, организованные Институтом этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального научного центра РАН в 2005, 2008, 2011, 2013, 2014 гг. в Республике Башкортостан

(Аскинский, Балтачевский, Белорецкий, Буздякский, Бурзянский, Бураевский, Караидельский, Зиянчуринский, Туймазинский, Уфимский районы), в Курганской области в 2006 г. (Сафакулевский, Альметьевский, Щучанский районы), в Оренбургской области в 2009 г. (г. Оренбург), позволили нам осуществить встречи с паломниками.

В условиях полевой работы применялся метод индивидуального глубокого интервью, ориентированный на получение качественной информации. Изучаемая группа респондентов малочисленна, их сложно собрать в группу для проведения исследования. Например, в селах Башкортостана в среднем имеется по два-три хаджи, но есть и такие населенные пункты, где нет ни одного хаджи. За все время нами было проведено 40 неструктурированных интервью с паломниками (представителями Хадж-миссии России, духовенством и обычными верующими).

Контент-анализ ответов респондентов позволяет выявить усредненный портрет современного паломника, а также рассмотреть данные под углом зрения изучаемой проблемы. Возраст информантов значительно разнился: старшему было 84 года, младшему – 25 лет. Средний возраст паломников составил 55–60 лет. Образование у большинства из них среднее специальное и высшее, у некоторых – два высших образования. Среди паломников есть выходцы как из села, так и из городской среды; последних больше, однако сельские паломники занимают более высокое положение в своей общине, нежели городские. По этническому происхождению – это татары и башкиры. Подавляющее число опрошенных имеет средний уровень достатка. Религиозные представления и эмоции паломников, знание религиозной догматики, религиозное поведение в виде регулярного соблюдения обрядов, участие в деятельности религиозных организаций свидетельствуют о высоком уровне их религиозности. Хаджи играют активную роль в мусульманской умме, распространяют религиозные взгляды.

В паломничестве – довольно трудном в физическом и духовном плане путешествии – активно участвуют женщины-мусульманки (они составляют большинство паломников). В настоящее время число женщин-паломниц продолжает расти, среди них сохраняется огромный энтузиазм в отношении хаджа. Современные женщины пытаются попасть в Мекку любыми способами. История паломничества мусульман показывает, что хадж, сопряженный с опасностями и многими сложностями, до конца XX в. был уделом мужчин. В большинстве случаев не имея махрама, женщины отправляются группами под покровительством представителя духовного управления.

В начале 1990 х гг. многие женщины, наряду с духовными поисками, занимались коммерцией: привозили товар для продажи (религиозную атрибутику, одежду, ковры, золото) с целью получения прибыли и возмещения расходов. И сейчас женщины продолжают использовать хадж в коммерческих целях, так как большинство паломниц – безработные или пенсионерки [4].

Паломничество стали совершать женщины с высшим образованием, имеющие собственный бизнес или престижную работу. Заметно выделяется высокая частота поездок женщин в Мекку: многие из них совершали хадж до 4–5 раз. Побывав там однажды, женщины считают, что им необходимо каждый год посещать святую землю, и стараются вместо отдыха на курортах вновь отправиться в Саудовскую Аравию пенсионерки [4]. Большая численность женщин-паломниц в настоящее время связана в первую очередь с изменением условий паломничества: его обеспечение является туристической услугой, добраться до Мекки не составляет труда, хадж коммерциализируется.

Ситуация с религиозностью на Урале отражает ситуацию по стране в целом, где женщины являются более воцерковленными и соблюдающими религиозные обряды. На Южном Урале в исламе большую часть верующих также составляют женщины, причем большинство из них строго соблюдает религиозные предписания, поэтому и стремятся в хадж.

Главным результатом развития женского паломничества можно считать формирование у мусульманок новых поведенческих стереотипов и норм восприятия этих стереотипов в обществе. Женщины обретают чувство общности с мусульманками из других стран, укрепляют свою веру, находят много положительного в исламе, в том числе в ношении платка, закрытой одежды. Если демонстративное ношение ритуальных символов и других атрибутов ислама чаще всего было связано с модой на религию, то после хаджа это становится искренним. Большинство опрошенных мусульманок рассказывает о своем путешествии со слезами на глазах. Женщины реже разочаровываются в хадже, практически во всех случаях испытывают колоссальную восторженность после поездки, в отличие от мужчин, которые достаточно трезво оценивают условия паломничества и сообщают о неприятных ситуациях. Впечатления единоверцев мужчин о поведении женщин во время хаджа не всегда положительные: мужчин возмущает отсутствие сопровождающих родственников, их коммерческая активность во время паломничества, «истеричное поведение, требование исключительного внимания к себе, общение с другими мужчинами, участие в обсуждении не свойственных женщине проблем» и др. [8, С. 23–24, 27]. «Все нововведения в исламе – беда (мероприятия или поступки, противоречащие словам и поступкам Мухаммеда) – от женщин», – сетуют они. Также мужчины отмечают высокую выносливость и организованность представительниц противоположного пола [5].

Хаджи составляют элитную часть сообщества верующих и могут оказывать эффективное воздействие на формирование общественного климата в нем. Человек, совершивший хадж, получает почетный титул «хаджи» или «хаджия» («совершивший паломничество») и уважение от всех единоверцев. Хадж повышает статус женщины в мусульманской общине. При встрече с хаджи или хаджией другим женщинам необходимо надеть платок, как при

посещении мечети; в принятии общиной важных решений мнение женщин-хаджи учитывается [3]. В школьных музеях райцентров и сел Республики Башкортостан на специально оформленных стендах выставляется информация о современных паломниках-односельчанах [3, 6].

Данные интервью с паломниками показывают, что, несмотря на все неудобства и всевозможные трудности, прибывшим в Мекку кажется, что они попали в рай, и многие возвращаются с глубокими духовными переживаниями. Современный хадж представляет собой организованное паломничество, при этом прослеживается сосуществование светского и сакрального в едином пространстве. Мусульмане имеют возможность для реализации различных целей – для занятия коммерцией, общения с верующими других стран, знакомства с мусульманской культурой. В то же время в хадже происходит духовное приобщение верующих к исламскому образу жизни. Современное состояние паломничества в России и на Южном Урале свидетельствует о растущем интересе к исламу, о возрождении старых и формировании новых мусульманских традиций. Паломничество как способ знакомства, соприкосновения с чужой культурой, как взгляд со стороны на свою собственную культуру позволяет путешественнику обогатить идентичность [1, С. 5]. Хадж укрепляет братскую связь между народами, способствует сближению их культур и цивилизаций. У мусульманских народов России, в том числе среди женщин-мусульманок, растет потребность в единстве, сплоченности, солидарности, которые присущи понятию «мусульманская умма».

Список литературы

1. Белоруссова С. Антропология путешествия (южно-европейские путешественники XV века). Saarbrücken: Lambert Publ., 2013. 143 с.
2. Особенности хаджа для женщин // Islamdag.ru – Исламский образовательный портал. URL: <http://islamdag.ru/musulmanka/27251> (дата обращения 10.04.2019).
3. Полевые материалы автора (ПМА). Республика Башкортостан, Аскинский р-н, с. Карткисяк, 2013 г.
4. ПМА. Республика Башкортостан, г. Уфа, 2013 г.
5. ПМА. Республика Башкортостан, Караидельский р-н, с. Караидель, 2013 г.
6. ПМА, Республика Башкортостан, Зианчуринский р-н, с. Исянгулово, 2013 г.
7. Руководство по совершению хаджа / пер. с турецкого А. Хабибуллин. М: Сад, 2010. 96 с.
8. Сахаутдинов В.Г. Воспоминание о паломничестве. Уфа, 1997. 38 с.
9. Цветков П.П. Исламизм: в 2 кн. Кн. 2.

Р.Р. Вахитов

R.R. Vakhitov

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

ФЕМИНИЗАЦИЯ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

THE FEMINIZATION OF THE TEACHING STAFF IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS MODERN RUSSIA: GENDER ASPECT

Аннотация. Социологи, изучающие институт высшего образования в России, констатируют феномен феминизации профессорско-преподавательского состава российских вузов за последние 20-30 лет. Профессия преподавателя из мужской превращается в женскую, особенно на социо-гуманитарных факультетах и отделениях. Женщины теперь преобладают и на низших и средних уровнях вузовских администраций. Но можно ли на основе этого говорить о феминизации в гендерном аспекте? На первый взгляд, в вузах происходит феминизация и это – следствие общей демократизации атмосферы в обществе и должно приводить к демократизации самих вузов. На самом деле, возможно, все наоборот: рост количества женщин в вузах – следствие падения престижности профессии преподавателя. То есть положение женщин не изменилось, они продолжают занимать непрестижные позиции. С другой стороны, авторитарность российского высшего образования тоже сохранилась и оказывает обратное влияние на женщин-преподавателей.

Ключевые слова: высшие учебные заведения, феминизация, маскулинность, феминность, гендер

Abstract. Sociologists studying the Institute of higher education in Russia, state the phenomenon of feminization of the teaching staff of Russian universities over the past 20-30 years. The teaching profession is changing from male to female, especially in the socio-humanitarian faculties and departments. Women now predominate at the lower and middle levels of University administrations. But is it possible to talk about feminization from a gender perspective? At first glance, feminization is taking place in universities and this is a consequence of the General democratization of the atmosphere in society and should lead to the democratization of the universities themselves. In fact, perhaps the opposite is true: the increase in the number of women in universities is a consequence of the fall in the prestige of the teaching profession. That is, the situation of women has not changed, they continue to occupy non-prestigious positions. On the other hand, the authoritarianism of Russian higher education has also persisted and has the opposite effect on female teachers.

Keywords: higher education institutions, feminization, masculinity, femininity, gender

Современные социологи, изучающие институт высшего образования в России, констатируют феномен феминизации профессорско-преподавательского состава российских вузов за последние 20-30 лет. В советские времена профессия преподавателя вуза (особенно на математических, естественных и технических специальностях) была преимущественно мужской. Преподавателей-женщин имелись единицы и то, как правило – на социо-гуманитарных специальностях. Однако и там мужчины занимали подавляющее большинство позиций и прием в аспирантуру девушек был затруднен. Такая же ситуация была в 1990-е. Однако в 2000-е и, особенно – во второе их десятилетие ситуация коренным образом изменилась. Женщины стали активно поступать в аспирантуру, защищать диссертации, делать карьеру во внутривузовских структурах. На социогуманитарных кафедрах и факультетах количество преподавателей-женщин стало превышать количество преподавателей-мужчин. Та же тенденция, но в ослабленном виде наметилась и в естественно-техническом сегменте российского высшего образования. Мужчины удерживают первенство на руководящих должностях: ректоров, проректоров, деканов факультетов, но на уровне заместителей женщин уже – около половины, а кое где – и больше половины.

Это – выводы социологов, подтвержденные надежными и основательными исследованиями. Они, действительно, показывают, что представительниц женского пола в системе высшего образования стало гораздо больше, чем в советскую эпоху. Но можно ли на основе этого говорить о феминизации в гендерном аспекте? Проблема в том, что гендер – это не пол в биологическом смысле. Это даже – не психологические характеристики, связанные с тем или иным биологическим полом (наличие таковых оспаривается некоторыми исследователями гендера, которые считают это непозволительным эссенциализмом, но, думается, такая точка зрения имеет право на существование и мы, например, не склонны полностью разрывать биологический и психологический пол). Гендер – это представления общества, трактующие определенные качества личности и модели поведения как присущие мужчинам или женщинам. Как гласит «Социологический словарь»: «Гендер – это социальные ожидания относительно поведения, рассматривающегося как соответствующее для мужчин и женщин. Гендер означает не физические различия между мужчиной и женщиной, а социально формируемые особенности мужественности и женственности» [2]. Эти представления историчны: они меняются с течением времени и в различных культурах они различны. Хрестоматийным является стереотип о том, что мужчины не плачут, но так только в модернистской европейской культуре. Специалисты по средневековью знают, что в феодальную эпоху плач мужчин рассматривался как вполне обыденное и ненормальное явление и он неоднократно изображался в произведениях искусства того времени.

Тем не менее, если говорить о патриархальных культурах, то мужской гендер

(маскулинность) включает в себя такие качества, как агрессивность, властность, рациональность, безэмоциональность, ориентацию на конкуренцию, стремление к высокому социальному статусу, политическую активность, женский гендер (феминность) – противоположные качества: мягкость, послушность, иррационально-интуитивное поведение, эмоциональность, стремление к сотрудничеству, к компромиссу, готовность удовольствоваться вторыми ролями. Напомним, что речь о типах поведения, которые в реальности принадлежат и мужчинам, и женщинам и что формируются они не столько половой принадлежностью, сколько социальными механизмами.

Итак, тот факт, что женщин стало больше среди преподавателей российских вузов, еще не означает, что произошла гендерная (которую следует отличать от половой) феминизация. Ведь возможно и такое, что гендерное поведение этих женщин будет маскулинным, занимая «мужскую роль», они будут копировать и мужское поведение, мужской гендер. Ведь профессия преподавателя вуза в России еще с дореволюционных времен воспринималась у нас как мужская, о чем говорит сам наш язык. Мы можем сказать о женщине: «крестьянка», «колхозница», «уборщица», но если она – кандидат наук и доцент, мы употребляем эти слова в мужском роде, женского рода у них элементарно нет (а вот по-немецки можно сказать про женщину доцента: «dozentin»).

Против этой гипотезы говорит объяснение социологами феномена феминизации. Они утверждают, что женщин в вузах становится больше, потому что наша система высшего образования деградирует, профессия преподавателя становится все менее престижной и все более низкооплачиваемой. Мужская, маскулинная гендерная модель поведения связана с поиском максимального дохода, с ролью «кормильца семьи», поэтому мужчины уходят из вузов – в бизнес, госструктуры, политику. Женская, феминная гендерная модель, напротив, связана со стремлением к стабильному, пусть и не высокому доходу, поэтому женщины соглашаются прийти на место мужчин в вузах. Действительно это соответствует гендерным стереотипам патриархального общества, каковое продолжает существовать в России; еще у Аристотеля можно найти забавное, как бы сейчас сказали – неполиткорректное высказывание о том, что мужчина храбр по природе (греческое слово «муж» – «андре» одновременно означает «мужественный»), поэтому мужчина должен быть добытчиком, а женщина по природе всего боится, потому ей лучше удастся экономить и ей следует заниматься домашним хозяйством.

Но нельзя сбрасывать со счетов и еще один важный факт. Российская вузовская система отличается от западной гумбольдтовской своим авторитаризмом. В российских вузах практически всегда (за исключением краткого периода начала XX века) отсутствовала реальная свобода учебы и преподавания (после вхождения в Болонскую систему она была провозглашена, но существует лишь формально) [1]. Преподаватель здесь – исполнитель спущенного сверху универсального учебного плана, в который студент не может внести изменения.

Поскольку студенты реально не выбирают ни преподавателей, ни курсы, нахождение их на лекциях и семинарах определенного преподавателя носит принудительный характер. Студент приписан к группе и обязан посещать занятия, которые стоят у этой группы в расписание (в отличие от своего западного коллеги, который выбирает курсы и каждый семестр оказывается в другой группе, причем, добровольно). В связи с этим перед российским преподавателем всегда стоит задача наведения дисциплины в группе. Многие студенты не понимают: «зачем им нужен данный предмет?» или им не нравится данный преподаватель. Задачу эту преподаватели и администрация, как правило, решают, прибегая к авторитарным методам: угрозам, психологическому давлению, а в ряде аномальных случаев – даже насилию. Преподаватель может накричать на студента-бузотера, пообещать ему «неуд» за экзамен, выгнать его из аудитории (в середине 19 века администрация российских университетов запрещала студентам выражать свое мнение о лекции преподавателя хлопками или выкриками, а за нарушения дисциплины полагался карцер). Понятно, что со стороны администрации и преподавателей перед нами чисто маскулинная модель поведения, даже если она реализуется биологической женщиной.

Кроме того, в российских вузах утвердились отношения между преподавателем и студентом как между начальником и подчиненным (в противоположность партнерским отношениям на Западе). Это восходит еще к тем временам, когда преподаватели в России принадлежали к госслужащим и имели соответствующий ранг, более высокий, чем тот, что студент получит после выпуска (с этим связана и традиция вставать при появлении преподавателя). Однако власть у нас тоже всегда имела и имеет «мужское лицо».

Итак, на первый взгляд, в вузах происходит феминизация и это – следствие общей демократизации атмосферы в обществе и должно приводить к демократизации самих вузов. На самом деле, возможно, все наоборот: рост количества женщин в вузах – следствие падения престижности профессии преподавателя. То есть положение женщин не изменилось, они продолжают занимать непрестижные позиции. С другой стороны, авторитарность российского высшего образования тоже сохранилась и оказывает обратное влияние на женщин-преподавателей.

Наши выводы носят предварительный характер. Полагаем, изучение гендерного аспекта феминизации профессорско-преподавательского состава вузов должно быть продолжено.

Список литературы

1. Вахитов Р.Р. Болонский процесс в России // «Отечественные записки» №4 (55) 2013.
2. Социологический словарь <https://vslovare.info/slovo/sotziologicheskiij-slovar/gender-gender/262465>

Т.С. Чуйкова

T.S. Chuykova

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ РЕАГИРОВАНИЯ В СИТУАЦИИ НЕГАРАНТИРОВАННОЙ РАБОТЫ

TO THE ISSUE OF THE GENDER CONDITIONALITY OF RESPONSE IN THE SITUATION OF JOB INSECURITY

Аннотация. В статье представлен краткий обзор исследований, выполненных преимущественно зарубежными авторами, по проблеме гендерной обусловленности реагирования в ситуации негарантированной работы. Отмечается, что данные исследований по этому вопросу носят противоречивый характер, гендерный фактор может действовать совместно с другими факторами, в частности семейным статусом мужчины и женщины. Представлены результаты авторского исследования, в котором выявлены некоторые тенденции гендерного обусловливания в ситуации негарантированной работы с учетом возрастных этапов: относительно переживания неуверенности в настоящем в организации, приверженности работе и уровня депрессии. Определен вектор направленности последующих исследований гендерной обусловленности реагирования в ситуации негарантированной работы: с учетом возрастных периодов и связанных с ними различных жизненных задач в соответствии с полом и семейным статусом мужчин и женщин.

Ключевые слова: негарантированная работа, гендерные различия, неуверенность в настоящем в организации, приверженность работе, депрессия

Abstract: The article presents a brief review of studies, carried out mainly by foreign authors, on the problem of gender-specific response in a situation of insecure job. It is noted that research data on this issue are controversial, the gender factor can act along with other factors, in particular the family status of a man and a woman. Presents the results of the author's study, which revealed some trends in gender conditioning in the situation of insecure job, taking into account age stages: regarding the experience of uncertainty in the present in the organization, commitment to work and the level of depression. The vector of follow-up studies of gender-specific response in a situation of insecure job has been determined: taking into account age periods and the various life tasks associated with them in accordance with the gender and marital status of men and women.

Keywords: insecure job, gender differences, uncertainty in the present in the organization, commitment to work, depression

Вследствие усиливающейся экономической конкуренции как на национальном, так и глобальном уровнях, сопровождающейся

процессами приватизации компаний и целых отраслей, организационными реструктуризациями, повсеместным даунсайзингом, кардинально меняется рынок труда. Автоматизация, цифровизация, роботизация производственных процессов все более вытесняют «живой» труд, передавая рабочие функции от человека техническому оборудованию, аппаратам и роботам. Все больше людей по всему миру в подобных реалиях современной трудовой среды сталкиваются с угрозой потери работы в ближайшем будущем или изменений в худшую сторону значимых для человека ее характеристик – спектр переживаний, получивший в зарубежной психологии название *insecure job*, в отечественных источниках – *ненадежная* [2] или *негарантированная* [5] *работа*. Можно встретить и другие обозначения этому феномену в российских источниках, например, *субъективная незащищенность в сфере труда* [4]. Мир труда становится все более нестабильным и менее предсказуемым. Как отмечено в Докладе МОТ (2016) «... в современной сфере труда перспектива оставаться на одном рабочем месте на протяжении всей трудовой жизни стала чем-то устаревшим» [3, с. 10]. И далее: «... воспринимавшаяся многими реальность работы на одно предприятие-нанимателя в течение всей жизни больше не является общим настроем общества» (там же, с. 14).

В многочисленных исследованиях, проводимых по всему миру, выявлены негативные следствия негарантированной работы для индивида и организации. В качестве индивидуальных следствий называют ухудшение здоровья, как физического, но еще чаще психического, снижение уровня удовлетворенности работой (как показателя эмоционального благополучия на работе), эмоциональное выгорание и др. Среди организационных следствий чаще других называют падение преданности организации, снижение вовлеченности в работу, общее снижение рабочей эффективности, абсентеизм (отсутствие на работе). Наличие столь серьезных следствий негарантированной работы для общего благополучия человека труда и производственной эффективности организаций побуждает исследователей определять негарантированность работы в качестве наиболее значимого стрессора в современной производственной среде [9]. Некоторые авторы склонны рассматривать проблематику негарантированной работы как наиболее важную в рамках прикладной психологии третьего тысячелетия [10]. Подобная точка зрения может быть обоснована, по нашему мнению, выраженным ростом исследований, посвященных данной тематике, проводимых в различных странах по всему миру. Многочисленные исследования, отраженные в англоязычной литературе, находят обобщение в мета-исследованиях, в которых используются объединенные выборки, насчитывающие несколько тысяч испытуемых (см. [15], [8]). Можно представить, насколько возрастает надежность подобных объединенных исследований.

Целью настоящей статьи является проведение обзора исследований, посвященных гендерному аспекту восприятия и переживания

негарантированности работы. Сразу следует отметить, что данные исследований по этому аспекту достаточно противоречивы, что отражает, по нашему мнению, роль разнообразных факторов в обуславливании переживаний негарантированности работы, в том числе в гендерном аспекте, и эти факторы могут оказывать свое влияние в противоположных направлениях.

В мета-исследовании, реализованном в 2008 г. [8], объединившем 133 первичных эмпирических выборки, гендерных различий в выраженности последствий восприятия негарантированной работы на физическое и психическое здоровье у мужчин и женщин обнаружено не было. В другом широкомасштабном исследовании, проведенном в 16 европейских странах, включая Россию, в результате которого были обнаружены негативные следствия негарантированной работы на уровень здоровья, оцениваемого на основе самоотчетов участников исследования, также не было зафиксировано различий по половому признаку, как и в отношении возраста, уровня образования и семейного статуса [11].

В исследовании отечественных авторов В. Гимпельсона и В. Монусовой, направленном на выявление страха безработицы, а также факторов его обуславливающих, были получены результаты, отличные от двух вышеописанных исследований. Выборку исследования составили люди трудоспособного возраста, проживающие в 30 странах. По данным авторов исследования, «боящихся», при прочих равных условиях, оказалось меньше среди мужчин [1]. Эти данные согласуются с тем, что женщины, в соответствии с заявлениями, прозвучавшими в докладе, МОТ, а также и в других официальных документах, определяются наряду с молодежью и инвалидами уязвимыми группами населения на современном рынке труда [3, с. 13].

Если обратиться к исследованиям, в которых рассматриваются факторы, смягчающие восприятие негарантированности работы, мы можем обнаружить ссылки на гендерные различия. Так, в исследованиях достаточное внимание уделено обучению востребованным на рынке труда навыкам как фактору, выступающему в качестве буферного в отношении восприятия и переживания негарантированности работы [12]. Авторы отмечают, что обучение в подобной ситуации повышает шансы быть востребованным на рынке труда и тем самым снижает остроту переживания в ситуации негарантированной работы. Они также указывают на противоречивые мнения разных исследователей относительно гендерных различий в обучении новым навыкам в подобной ситуации и увязывают участие мужчин и женщин с их семейным статусом, что нашло подтверждение в их эмпирическом исследовании, на основе результатов которого авторы сделали следующий вывод: одинокие мужчины и замужние женщины реже участвуют в подобных обучающих программах. Исследование проводилось на большой разновозрастной выборке, которую составили 2833 мужчины и 3016 женщин, проживающих и работающих в Швейцарии. Исследование реализовывалось во временном интервале между 2004 и 2013

годами.

В нашем исследовании, пилотажном по своему масштабу и решаемым задачам, мы изучали психологические следствия переживания в ситуации негарантированной работы на выборке испытуемых в 104 человека. Мы выявили у наших респондентов отчетливые признаки изменения отношения к работе, проявившиеся в падении вовлеченности и приверженности работе, снижении энтузиазма и энергичности усилий по выполнению задач деятельности, а также повышение уровня депрессивных проявлений и возникновение намерения перейти на другую работу [6], а также зафиксировали искажение временной перспективы в условиях негарантированной работы [7]. В нашем исследовании мы не обнаружили значимых различий в переживании негарантированной работы и его следствий у мужчин и женщин. Но при анализе динамики переживаний с учетом возраста наших респондентов были отмечены различающиеся тенденции между полами. Проиллюстрируем последний тезис данными, полученными по показателям *неуверенность в настоящем в организации, приверженность работе и уровень депрессии*.

Так, как можно увидеть на рис. 1, у мужчин из нашей выборки наблюдается динамика увеличения с возрастом показателя *неуверенность в настоящем в организации*. Это может быть связано с повышением с возрастом финансовой ответственности за семью. Кроме того, состояние мужчины гораздо больше зависит от служебных успехов и достижений, чем состояние женщины. Неудачи на работе больно бьют по мужскому самолюбию. Потеря контроля над ситуацией – страшнейший из таких ударов. У женщин показатель неуверенности в настоящем в организации достигает своего пика в возрасте 40-50 лет, а после 50 лет снижается до минимума. Схожие гендерные тенденции были артикулированы в исследовании, проведенном в Дании [13].

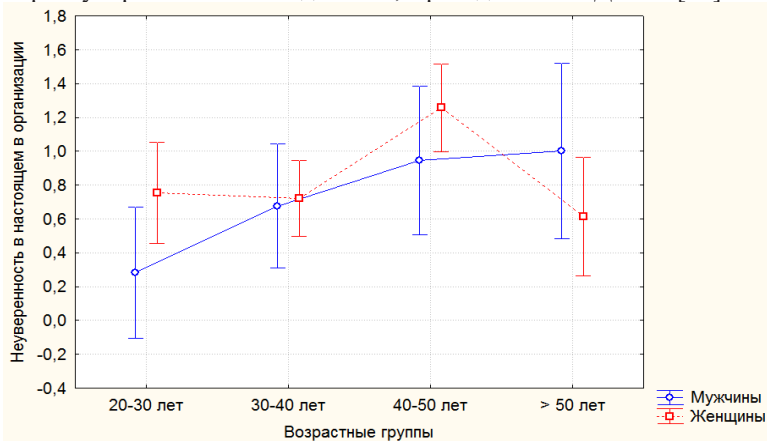

Рисунок 1. Графики средних значений по шкале неуверенность в настоящем в организации у мужчин и женщин разных возрастных групп

Уровень приверженности работе может принимать максимальное значение 45 баллов (при минимальном – 0). Как мы видим из графиков средних значений (рис. 2), приверженность работе у мужчин имеет наибольшие значения в период 20-30 лет и период 40-50 лет. Можно предположить наибольшую ценность работы и наибольшую идентификацию сотрудника со своей профессией в эти жизненные этапы у мужчин. У женщин, по нашим данным, таким периодом является возрастной период после 50 лет.

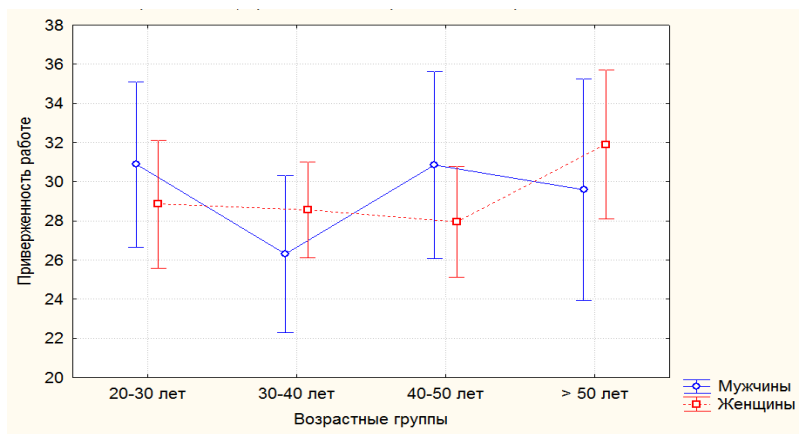

Рисунок 2. Графики средних значений по шкале приверженность работе у мужчин и женщин разных возрастных групп

Уровень депрессии может принимать максимальное значение 80 баллов (при минимальном – 20). Как видно из графиков средних значений (рис. 3), максимальные значения индекса у женщин и мужчин равны среднему значению индекса снижения настроения ($40,25 \pm 5,99$ балла), что говорит о наличии у респондентов пониженного настроения. При этом заметна тенденция повышения с возрастом уровня депрессии у мужчин и снижения уровня депрессии у женщин после 50 лет. Полученные данные могут быть объяснены сильной корреляционной связью депрессии с неуверенностью в настоящем в организации ($r=0,57$; $p<0,001$). Поэтому, закономерно, что при повышении у мужчин с возрастом неуверенности в настоящем в организации, уровень депрессии также повышается, а при понижении этого же показателя у женщин после 50 лет, соответственно снижается и уровень депрессии. Выявленным тенденциям мы находим косвенное подтверждение в исследованиях зарубежных авторов [14], которые свидетельствуют, что страх увольнения, банкротство, невозможность найти работу – все это может привести мужчину не только к нервному срыву, но и к затяжной депрессии и,

как следствие, к инфаркту.

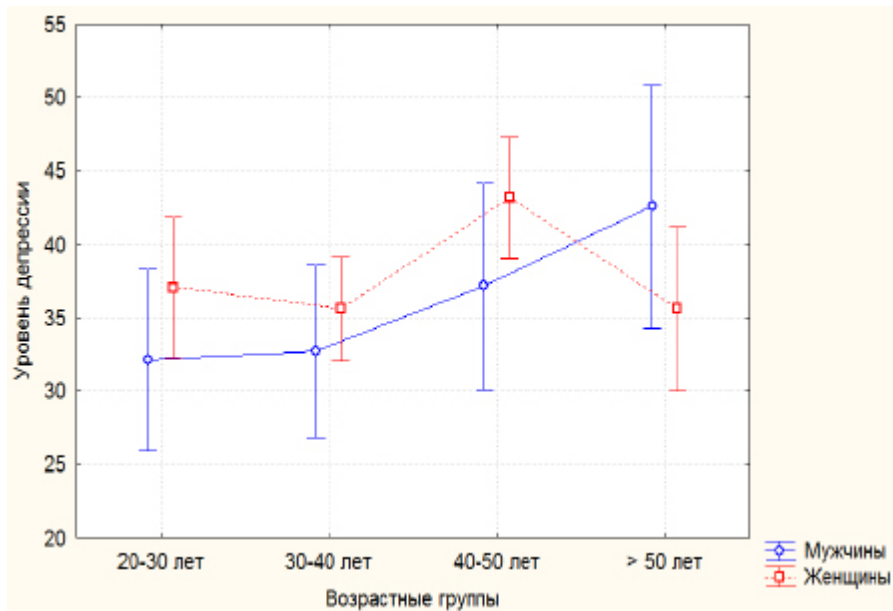

Рисунок 3. Графики средних значений по шкале депрессия у мужчин и женщин разных возрастных групп

Полагаем, что представленные здесь тенденции относительно гендерной обусловленности реагирования в ситуации негарантированной работы имеют предварительный характер, но они могут указать продуктивный вектор в рассмотрении этой проблематики, а именно, с учетом возрастных этапов и связанных с ними различных жизненных задач в соответствии с полом, а также, возможно, с учетом семейного статуса респондентов. Последующие более масштабные исследования в этой области, по нашему мнению, чрезвычайно востребованы.

Список литературы

1. Гимпельсон В., Монусова Г. Страх безработицы: опыт межстрановых сопоставлений // Вопросы экономики. 2010. № 2. С.117–138.
2. Демин А.Н. Психологическое измерение ненадежной работы // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №1. С.71-76.
3. Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда. Доклад Генерального директора. Международное бюро труда. Женева, 2015. 19 с.
4. Смирнова А.Ю. Значение ролевого конфликта в переживании

субъективной незащищенности в сфере труда // Организационная психология. 2016. Т.6. №4. С.14-29.

5. Чуйкова Т.С. Негарантированная работа как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2015. Т. №4. С. 139-149.

6. Чуйкова Т.С., Сотникова Д.И. Особенности отношения к работе в условиях негарантированной занятости [Электронный ресурс] // Организационная психология, 2016. Т. 6, № 1, С. 6-19. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 10.04.2016).

7. Чуйкова Т. С., Сотникова Д. И. Временная перспектива в условиях негарантированной работы // Российский психологический журнал. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 188–213. doi: 10.21702/rpj.2017.1.12

8. Cheng G. H. L., Chan D. K. S. Who suffers more from job insecurity? A meta-analytic review // Applied Psychology: An International Review. 2008. Vol. 57. № 2. P. 272–303.

9. De Witte H., De Cuyper N., Elst T.V., Vanbelle E., Niesen W. Job insecurity: Review of the literature and a summary of recent studies from Belgium // Romanian Journal of Applied Psychology. 2012. Vol. 14. №1. P.11-17.

10. Fernández-Ballesteros, R. Light and dark in the psychology of human strengths: The example of psychogerontology. In K. G. Aspinwal & U. M. Staudinger (Ed.), A psychology of human strength: Perspectives on an emerging field. Washington DC: APA, 2002. P.131-149.

11. Laszlo K.D., Pikhart H., Kopp M.S., Bobak M., Pajak A., Malyutina S., Salavec G., Marmot M. Job insecurity and health: A study of 16 European countries. // Social Science & Medicine. 2010. V. 70. P. 867–874.

12. Lebert F., Antal E. Reducing employment insecurity: Further training and role of the family context // Sage Open. October-December 2016. P.1-17.

13. Rugulies R., Aust B., Burr H., Bültmann U. Job insecurity, chances on the labour market and decline in self-rated health in a representative sample of the Danish workforce. Journal of Epidemiology and Community Health. 2008. V. 62. P. 245–250.

14. Rugulies R., Bültmann U., Aust B., Burr H. Psychosocial work environment and incidence of severe depressive symptoms: prospective findings from a 5-year follow-up of the Danish work environment cohort study. American Journal of Epidemiology. 2006. V. 163. P. 877–887.

15. Sverke M., Hellgren J., Naswal K. No security: A meta-analysis and review of job insecurity and its consequences // Journal of Occupational Health Psychology. 2002. № 7. P.242–264.

РАЗДЕЛ 4 ГЕНДЕРНЫЕ РЕЖИМЫ БУДУЩЕГО: ПРОГНОЗЫ ЭВОЛЮЦИИ

УДК 304.444

Н.Н. Коростылева

N.N. Korostyleva

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО РЕЖИМА В ОБЩЕСТВЕ 5.0

THE TRANSFORMATION OF THE GENDER REGIME IN SOCIETY 5.0

Аннотация. Гендерный режим понимается как характер отношений между мужчинами и женщинами в контексте социально-экономического развития. На него существенно влияют многие факторы экономического, социального, культурного, характера. Одним из существенных векторов трансформации гендерного режима является построение общества нового типа – Общества 5.0. Это перспективная концепция развития мира в разнообразных социально-экономических проявлениях. Также Общество 5.0 – социально-экономическая и культурная система, устойчиво развивающаяся на базе информационных, коммуникативных технологий, искусственного интеллекта, эволюции различного рода инфраструктур. В статье показано, как на основе SWOT-анализа можно выявить тенденции трансформации гендерного режима, посмотреть положительные и отрицательные моменты, проанализировать возможности и угрозы в развитии гендерного режима. Общество 5.0 подразумевает существенный пересмотр гендерного режима. Он будет при учете и грамотной работе с угрозами и рисками при формировании общества будущего более «гибким» с тенденцией на элитарность и толерантность во взаимоотношениях мужчин и женщин. Главным критерием оценки гендерного режима будет, по-прежнему, оставаться вопрос представления места и роли женщины в развитии общества.

Ключевые слова: гендерный режим, отношения мужчин и женщин, Общество 5.0, SWOT-анализ

Annotation. The gender regime is relation between men and women in the context of socio-economic development. It is influenced by many economic, social, cultural factors. One of the essential fact of the transformation of the gender regime is the construction of a new type of society – Society 5.0. This is a promising concept of the world in a variety of socio-economic developments. Society 5.0 – socio-economic and cultural system, steadily developing on the basis of information, communication technologies, intellectual intelligence, the evolution of various kinds of infrastructure. The article shows how on the basis of SWOT

analysis it is possible to identify trends in the transformation of the gender regime, to look at the positive and negative aspects, to analyze the opportunities and threats in the development of the gender regime. Society 5.0 implies a significant revision of the gender regime. It will be more «flexible» with a tendency to egalitarianism and tolerance in relations between men and women, taking into account and competent work with threats and risks in the formation of the society of the future. The issue of the place and role of women in the development of society will continue to be the main criterion for assessing the gender regime.

Keywords: gender regime, gender relations, Society 5.0, SWOT analysis

За всю историю человечества люди прошли в своем развитии пять этапов. Первый этап – Общество 1.0 – это общество охотников и собирателей, Общество 2.0 – это этап развития аграрных государств, Общество – 3.0 – индустриальное общество, Общество 4.0 – это информационное общество и, наконец, на его смену приходит новый формат общества – Общество 5.0.

Общество 5.0 (Super Smart Society) – это перспективная концепция развития мира во всех его социально-экономических проявлениях, в котором будут даны ответы на многие вызовы современности. Это также социально-экономическая и культурная система, устойчиво развивающаяся в оптимальном для человечества направлении на базе информационных технологий, искусственного интеллекта, эволюции промышленной и коммуникационной инфраструктур [3].

Общество призвано решать социальные проблемы с помощью интеграции физического в кибер-пространство, делая жизнь людей лучше на основе ценностей экологичности, комфорта, удобства, безопасности, гармонии. С одной стороны, это общество призвано обеспечивать высокие социальные стандарты, с другой – активные темпы экономического роста.

Для решения таких сложных задач необходимо сделать очень многое. С точки зрения мировых держав и крупного международного бизнеса, нужно преодолеть как минимум «пять стен». Это «стена министерств и ведомств» (они должны идти навстречу и выстраивать национальные концепции Общества 5.0 и популяризировать концепции), «стена законодательной системы» (формирование поля легитимности для внедрения технологий), «стена технологий» (формирование собственно технологий внедрения новой экономической и информационной системы, создание базы данных и работа с ними), «стена человеческих ресурсов» (активное вовлечение людей в создание общества нового типа), «стена принятия обществом» (интеграция новых технологий в жизнь общества и получение эффекта «одобрения» с его стороны) [4].

В этой связи возникает много вопросов социально-экономического, культурного, информационного и философского плана. Что дает такое общество развитию человечества? Будет ли в нем присутствовать социальное неравенство и каким образом? Как и за счет чего можно будет получать и реализовывать инновационные технологии? Как выстроить при этом взаимоотношения людей и т.д.

Гендерный вопрос в построении общества будущего является не менее важным, чем любые другие вопросы. Какой будет гендерный режим общества будущего? Под гендерным режимом подразумевается широкое прочтение понятия как характера отношений между мужчинами и женщинами, формирование его в контексте социально-экономического развития. Как будут развиваться взаимоотношения мужчин и женщин? Что на них будет оказывать решающее воздействие?

Попробуем наметить контуры проблемы в контексте методологии SWOT-анализа. Данный анализ – один из распространенных видов аналитики, который можно использовать для выявления сильных и слабых сторон, возможностей и угроз развития любой системы. Общество 5.0 – это сложно организованная система, где есть безусловно положительные и отрицательные стороны.

Положительный стороной Общества 5.0 выступают большие возможности для роста экономики, появления новых отраслей хозяйствования, новых технологий, где принципиально меняется уклад труда. Он становится иным. Организация труда будущего – это организация труда в пользу женщин. Роботизация, информатизация любой профессиональной сферы делает труд менее физически затратным, и женщина наравне с мужчиной может конкурировать в таких «мужских» сферах как строительство, химическая и добывающая промышленность. Возможно это изменит привычную нам гендерную сегрегацию, где женщины и мужчины выбирают ограниченные сферы своего образования и трудоустройства. Изменения в организации труда предполагают и изменения режимов труда.

Внедрение гибких форм занятости, неполного рабочего дня, «присутственных» дней дают возможности для выстраивания гибких форм баланса личного и рабочего времени. Это очень важно для работающих женщин, особенно для имеющих маленьких детей, ухаживавших за престарелыми родителями, родственниками. Организации могут поддерживать таких женщин материальными и нематериальными стимулами.

Внедрение «гибких» форм мотивации мужчин и женщин-работников также способствует сохранению баланса времени работы и отдыха. Есть работодатели, их, к сожалению, меньшинство, которые понимают необходимость внедрения гендерно ориентированных кадровой, социальной, мотивационной политик. На некоторых предприятиях уже вводится гендерный подход на уровне стратегии предприятия. Это компании Шлюмберже, PwC, McKinsey, MetLife, КПМГ и др. Далее подход инкорпорируется в HR-политику компаний на основе концепции кадрового разнообразия, составной частью которой является позиция гендерного разнообразия.

Корпорации, которые понимают необходимость создания гендерного баланса на предприятиях, гендерного равноправия получают много выгод. Первой их которых является – улучшение использования способностей работников. Часто женский потенциал рабочей силы просто не дооценивается работодателями. Возможности карьерного роста для женщин, формирование у них лидерских позиций дает преимущества для более большего вовлечения

женщин в дела компании, и работодатель получает лояльного, «верного» делам компании сотрудника. Другой выгодой является снижение издержек, которые могут быть при отсутствии вовлеченности сотрудников в деятельность компании, и, как следствие, высокая текучесть кадров на предприятии. Невовлеченность женщин в профессиональную деятельность компаний плохо сказывается на их прибылях. Третьей выгодой может стать преодоление «близорукости» в отношении использования талантов работников разных полов и культур. Разнообразие подходов и методов в решении проблем дает возможности для поиска нестандартных управленческих решений.

Как отмечает Р.Дафт, на основе американских социологических исследований, что компании, в которых имеются хотя бы несколько женщин в топ-менеджменте от трех и более процентов воспринимаются как более способные, имеющие более прочное руководство и вызывающие у работников высокую мотивацию к труду [1].

К сожалению, довольно мало работодателей понимают возможности, которые дает гендерный подход в более качественном использовании труда мужчин и женщин.

Возможно, что Общество 5.0 будет формировать новые ценности, которые будут способствовать развитию эгалитарного гендерного режима. Все же основными ценностями нового общества являются достойный уровень качества жизни людей и условия их труда. Кроме того, способствовать этому должны и разработанные во многих странах национальные механизмы обеспечения гендерного равенства. Мы видим положительные тенденции в продвижении к гендерному равенству скандинавских стран, где на уровне государства, местного сообщества и гражданского общества обеспечивается гендерный баланс через систему позитивной дискриминации, социального обеспечения, социальной защиты и внедрения гендерно ориентированных технологий и практик.

Однако, есть и негативная сторона в развитии Общества 5.0. Так отрицательной стороной Общества 5.0 выступает все нарастающее противоречие между стремительными изменениями в экономике, социальной сфере и «непоспеванием» человека осмыслить происходящее, выработать в себе новые ценности и освоить новые социальные роли. К сожалению, в Обществе 5.0 будут нарастать проблемы, связанные с традиционными взглядами на взаимоотношения полов и с эгалитарными позициями. Гендерные стереотипы меняются медленно, и это будет воспроизводить «стену» в реализации гуманистического общества будущего и воспроизводить гендерное неравенство, которое на основе повседневных практик включено в гендерную картину мира мужчин и женщин.

На развитие общества 5.0 будут оказывать влияние практики, которые формируют особый тип человека – «виртуального». Виртуальный человек живет сразу в двух измерениях: в реальном и в нематериальном (цифровом). Уже сейчас видны тенденции жизни такого человека, все время погруженного в информационный мир. Это отражается на характере человека, его мыслях,

чувствах и, в итоге, поведении. Уже в ряде развитых стран наблюдается уход от реального общения, поиск партнера идет через виртуальную сеть. Взаимоотношения мужчин и женщин становятся отчужденными, в них пропадает энергетика взгляда, живого присутствия. Некоторые увлекаются «виртуальными», несуществующими в реальности невестами и женихами. Формируют в зависимости от настроения образ таких партнеров, покупают им дорогие подарки, появляется новая индустрия – агентства по выбору таких невест и женихов. Жизнь в виртуальном пространстве только будет «набирать обороты», и какая она будет – покажет недалекое будущее.

Угрозой общества будущего является и нарастающее противоречие между западным и мусульманским типом цивилизации. Миграционные движения показывают, что современный мир меняется, он становится многоплановым, многовекторным. Устои мусульманского мира почти «незыблемы» на протяжении веков, западный мир развивается быстро. Гендерная картина мира представителей двух миров прямо противоположная по многим вопросам, в частности, в отношении мужчин и женщин. Как будут сосуществовать в Обществе 5.0 два таких разных взгляда на женщину – этот вопрос остается камнем преткновения. События в Германии (2015-2016гг.), когда арабы-мужчины нападали на женщин явно показывают противоположность традиционных и эгалитарных установок и ценностей [2].

Итак, SWOT-анализ развития гендерного режима можно представить в виде таблицы.

Таблица 1. SWOT-анализ развития гендерного режима Общества 5.0

Сильные стороны	Слабые стороны
Новые формы и методы организации труда, переход от физического труда к интеллектуальному	Нерешенность вопросов социально-экономического и культурного развития стран
Гибкие формы режимов труда и отдыха, формирование баланса времени работы и отдыха	Наличие социального неравенства, наличие дискриминации, в том числе, в отношении пола
Обеспечение достойного уровня и качества жизни	Непропорциональность развития государств
Формирование ценностей удобства и комфорта, экологичности, безопасности, гармонии, толерантности, культурного разнообразия	Нерешенность вопросов в формировании продуманной гендерной политики, особенно в развивающихся странах
Наличие положительных практик применения концепции гендерного разнообразия на уровне организаций	Сохранение и воспроизводство каналов построения гендерной идентичности на основе консерватизма и традиционности
Возможности	Угрозы/риски
Рост экономики за счет информатизации, роботизации формирования искусственного интеллекта, что даст много возможностей для развития мужчин и женщин	Наличие гендерных стереотипов в повседневных практиках и их воспроизводство
Нивелирование в будущем гендерной сегрегации	Виртуализация жизни мужчин и женщин, уход от присутственного общения
Построение гендерного баланса на уровне организаций, отрасли, государства	Наличие гендерных сценариев (западного и мусульманского типов)

Общество 5.0 подразумевает существенный пересмотр гендерного режима. Он при учете и грамотной работе с угрозами и рисками при формировании общества будущего будет более «гибким» с тенденцией на элитарность и толерантность во взаимоотношениях мужчин и женщин. Главным критерием оценки гендерного режима будет, по-прежнему, оставаться вопрос представления места и роли женщины в развитии общества, какимбы оно ни было.

Список литературы

1. Дафт Р. Менеджмент. 10-е изд./ Пер. с англ. СПб.: Питер, 2016. 656 с.
2. Новогодние нападения на женщин в Германии. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%BD%D0%B0_%D0%B6%D0%B-5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD_%D0%B2_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8_\(2015/16\)_\(дата_обращения_07.05.2019\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%BD%D0%B0_%D0%B6%D0%B-5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD_%D0%B2_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8_(2015/16)_(дата_обращения_07.05.2019)).
3. Совершенство как точка опоры. М.: ООО «Муцубиси Электрик (Рус)». 36 с.
4. Уэмура Н. Стратегия «Общество 5.0». URL: <https://iz.ru/630395/tcifrovaia-ekonomika-opyt-iaponii> (дата обращения 08.05.2019).

УДК 316.022.4

Г.Г. Хисматуллина

G.G. Khismatullina

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

ПРИЗНАНИЕ ТРЕТЬЕГО ПОЛА В ФРГ: ЧТО ИЗМЕНИТСЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ?

THIRD GENDER IN GERMANY: WHAT WILL CHANGE IN PROFESSIONAL COMMUNICATION?

Аннотация. В статье предпринята попытка предположить и проанализировать изменения в обществе в целом и в профессиональной коммуникации в частности, которые повлечет за собой признание третьего пола (интер/иные) в Германии: изменения на уровне работодателя, чтобы не попасть под закон о запрете дискриминации, изменения в работе отдела кадров при составлении вакансий и какой будет реакция языка на изменения в гендерной политике страны.

Ключевые слова: интерсексуальность, дискриминация, третий пол, Федеративная Республика Германия, профессиональная коммуникация

Annotation. The article attempts to suggest and analyze changes in society in general and in professional communication in particular. They will entail recognition of the third sex (inter/other) in Germany: changes at the level of the employer, so as not to fall under the law prohibiting discrimination, changes in the work of the Human resources (HR) department in the drafting of vacancies. And what will be the language response to changes in the country's gender policy.

Keywords: intersexuality, discrimination, third gender, Federal Republic of Germany, professional communication

Где кончается женщина,
там начинается дурной мужчина.

И. В. Гёте.

Одним из важнейших аспектов личностной идентичности является половая идентичность, т.е. осознание человеком своей принадлежности к определенному полу, а также его готовность играть соответствующую роль в обществе, где существуют свои стереотипы поведения, свое понимание маскулинности и феминности. Можно говорить о трех аспектах половой идентичности: биологическом аспекте (физиологическая принадлежность к определенному полу с его первичными и вторичными признаками), общественных стереотипах (что является мужским, что женским) и психическое осознание себя как мужчины или женщины. В первые годы жизни ребенка формируется его Я. На основании физиологической принадлежности ребенок получает акушерский (паспортный) пол, в котором его потом и воспитывают. В законодательстве

каждой страны часто отражается различное восприятие мужского и женского: закон о семье, уголовный кодекс, распределение заработной платы, разделение труда в сельском хозяйстве и промышленности, в торговле и на общественной службе часто регулируют взаимоотношения полов. По традиционному распределению ролей обществом женщине отводится роль домохозяйки и матери, а мужчине – профессиональная жизнь. Современное общество построено на бинарном представлении о полах. Но природа проявляет большее разнообразие, чем обществу хотелось бы. По оценкам экспертов 0,05-1,7% населения рождается интерсексуальными. Большая советская энциклопедия определяет интерсексуальность как наличие у раздельнополого организма признаков обоих полов; эти признаки развиты неполностью, т.е. носят промежуточный характер, и проявляются совместно на одних и тех же частях тела. [2] В Википедии интерсексуальность описывается как вариации половых признаков у людей и животных, не вписывающиеся в традиционные бинарные представления о полах. По разным оценкам в Германии проживает от 80 до 160 тысяч интерсексуалов. У 150 новорожденных в год врачи не могут при рождении однозначно определить пол, детям делают операции по коррекции пола (около 1700 в год), которые часто имеют физические и психические последствия для прооперированных. [8]

С 1 ноября 2013 года в Германии уже существовала возможность получения свидетельства о рождении ребенка без указания половой принадлежности, если врачи не могли однозначно ее определить, но воспользовались этой возможностью с тех пор только 12 граждан. 13 ноября 2017 года Федеральный конституционный суд Германии принял решение, которое признает наличие третьего пола наряду с мужчинами и женщинами. Суд пришел к выводу, что действующие нормы записей актов гражданского состояния нарушают закон о запрете дискриминации, закрепленный третьим параграфом статьи 3 Основного закона ФРГ. Речь в законе идет о дискриминации по половому и языковому признаку, происхождению, расовой принадлежности, религиозным или политическим убеждениям. [3] С 1 января 2019 года закон вступил в силу, и теперь в Германии существует три пола: мужчины, женщины и интер/другие/иные. Однако нужно понимать, что под «иными» скрывается не одна биологическая особенность, а десятки.

Решение суда, которое должно упростить, казалось бы, жизнь интерсексуалам, влечет за собой изменения, усложняющие жизнь другим. Например, католическая церковь стоит перед непростым решением: что церкви делать с признанием третьего пола? И камнем преткновения в этом вопросе для церкви является прежде всего брак. У католиков брак возможен только между мужчиной и женщиной, т.к. в Библии сказано «Господь Бог создал человека из праха земного и вдохнул в него дыхание жизни и стал тот творением живым... и из ребра создал Господь Бог женщину и привел ее к человеку». Самым щекотливым вопросом до сих пор для католиков был вопрос

о транссексуалах. Но там, как они считают, речь шла о «единичных случаях». Теперь же если священник при крещении ребенка запишет его как «интер» или «иной», тем самым он даст ему возможность позднее зарегистрировать брак в католической церкви и откроет доступ к карьере священника. С крещением детей третьего пола вопросов не возникает, т.к. это таинство для спасения души и здесь церковь великодушна. Протестанты же спокойно относятся к нововведениям. Если государство в загсах вводит третий пол, то и в церковных книгах эта опция появится. [6]

То, что строгое разделение на два пола не соответствует реальности – давно не новость. Некоторые страны уже опередили Германию в признании интерсексуальности. В Австралии Верховный суд еще в 2014 году решил внести графу «non specified» (не указано) наряду с мужским и женским полом. В Новой Зеландии в свидетельстве о рождении есть вариант «indeterminate/intersex/unspecified», в Непале с 2007 года введен третий пол, с 2015 года его можно указывать в идентификационных документах. В Пакистане и Индии третий пол с 2009 года есть в национальных паспортах. В Бангладеш с 2013 года законом вводится категория «хиджра», куда входят и транссексуалы, и интерсексуалы, в паспорта и другие документы. В Аргентине с 2012 года каждый может самостоятельно определять свою половую принадлежность, даже несовершеннолетние. При этом не требуется медицинского подтверждения о смене пола. На северо-западных территориях Канады с 2017 года в свидетельствах о рождении ставится «X» наряду с мужским и женским полом. В загранпаспортах можно ставить «X» по всей стране. В США третий пол, в общем и целом, не признан, и только в Калифорнии в ближайшем будущем должны разрешить знак «X» в графе «пол» в водительских правах для интерсексуалов. Из стран Евросоюза самой прогрессивной в этом вопросе оказалась Мальта: здесь с 2015 года в свидетельстве о рождении ребенка можно не указывать пол, пока половая идентичность ребенка не ясна. Операции на грудных и несовершеннолетних детях по «коррекции» половых признаков запрещены. [7]

Признание, что два пола слишком мало, чтобы описать всю многогранность современного общества – не новомодный феномен западных обществ. На территории сегодняшнего Ирака в 1700 году до рождения Христа неизвестный поэт писал в древнеавилонском эпосе об Атрахасисе о том, как шумерский бог мудрости Энки наказал богине деторождения Нинту создать третий пол. Предания Вавилона и Ассирии свидетельствуют о том, что почти 4000 лет назад были люди, определявшиеся третьим полом. [8] Истории о несоответствии своему биологическому полу возникали и в России. Надежда Дурова вошла в историю как «корнет Александров», кавалерист-девица. И сам Александр I дал ей документы на мужское имя. Сама Дурова писала в своей книге «Записки кавалерист-девицы» следующее: «Два чувства, столь противоположные – любовь к отцу и отвращение к своему полу, – волновали

юную душу мою с одинаковою силою, и я с твердостью и постоянством, мало свойственными возрасту моему, занялась обдумыванием плана выйти из сферы, назначенной природою и обычаями женскому полу». [1]

Люди разных культур и в разные времена по-разному отвечали на вопрос об определении пола. И чаще всего количество полов определялось как «больше двух». Под мужским и женским мы часто понимаем манеру поведения или распределение социальных ролей. Но современное общество характеризуется ростом индивидуальной свободы. И если раньше люди вынуждены были в обязательном порядке принимать требования своей половой роли, то теперь они могут в какой-то степени выбирать ее, приспособливая свой гражданский половой статус к своей половой идентичности. Природа не раздавала роли и не устанавливала преобладания одного пола над другим, это всегда делает общество.

Новый закон затронет все сферы жизни современной Германии, и коммуникация в профессиональной деятельности здесь не исключение. С 1980 года антидискриминационный закон в Германии был дополнен §611b гражданского кодекса, которым закрепляются гендерно-нейтральные вакансии (речь шла о «мужских» и «женских» профессиях). Затем в отделах кадров вдруг последовало повальное переименование профессий и должностей, которые до тех пор считались нейтральными, например, куратор, бухгалтер или руководитель отдела кадров. И хотя по определению наименования профессий считаются по-прежнему гендерно-нейтральными существительными, вдруг появились *Controller/in*, *Controller (m/w)* и тому подобные. Сложности появились и в тех должностях, где слово «*Mann*» (мужчина, человек) заложено в самом названии профессии. И если в случае «*Versicherungskaufmann*» (страховой брокер) легко можно представить вариант «*Versicherungskauffrau*», то с прилагательным это практически невозможно: «*Kaufmännischer Leiter (m/w)*» (коммерческий руководитель) или «*Kaufmännische/r Leiter/in*». Здесь и указание пола не поможет, т.к. если следовать правилам наименования вакансий, то должность должна звучать как «*Kaufmännin*» или как в случае с коммерческим руководителем, даже «*Kauffrauliche Leiterin*», что с языковой точки зрения не имеет смысла. В обращениях к сотрудникам вдруг появилась комбинация «*Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter*» или «*Mitarbeiter (m/w)*». В интернете еще можно найти и такие нелепые комбинации как «*Empfangsdame (m/w)*» (женщина-администратор в гостинице (м/ж), «*Krankenschwester (m/w)*» (медсестра м/ж), «*Immobilienkauffrau als Vertriebsassistent*» (женщина-риэлтор на должность ассистента в отдел продаж) или «*Immobilienkaufmann als Vertriebsassistentin*» (риэлтор на должность ассистентки в отдел продаж). [9]

Не успели кадровики приспособиться к изменениям в обозначении профессий согласно последним изменениям, связанным с запретом дискриминации женщин в профессиональной сфере, теперь нужно соблюдать новый закон о признании третьего пола. Законодатели открыли своим

решением ящик Пандоры: кто будет досматривать пассажиров третьего пола? Должны ли аэропорты иметь на такой случай сотрудников соответствующего пола? Что делать со спортивными соревнованиями? К какой категории отнести людей третьего пола? Признание третьего пола влечет за собой изменения на всех предприятиях, а именно, туалеты, душевые и раздевалки должны быть переоборудованы. По закону в Германии на предприятии, где работает более 9 человек, должно быть два туалета (мужской и женский). Теперь работодатель стоит перед выбором: делать три туалета или общие туалеты для всех? В университете города Билефельд уже летом 2018 года появились *All-Gender-Toilette* (туалеты для всех полов). Студенческий профсоюз посчитал, что «бинарное деление полов на мужчин и женщин не соответствует многообразию полов». В Баварии обсуждают необходимость создания туалетов для третьего пола уже в начальной школе, а в Мюнхене уже строят новые детские сады сразу с туалетами для трех разных полов. Мнения граждан по этому вопросу расходятся: скептики не понимают, почему дети должны сталкиваться с этой темой в таком раннем возрасте? Противники считают, что это будет поводом для издевательств. Прагматики же видят в этом практическую выгоду: при таком малом проценте людей третьего пола, это будет самый чистый туалет, которым они с удовольствием воспользуются. [11] Но оправданы ли такие затраты? И не является ли это еще большей дискриминацией, если определенную категорию людей называть «третьим полом», ведь тогда должен быть первый и второй пол? Вопрос, кто тогда первый пол, мужчины или женщины, лучше даже не задавать...

Не обойдут нововведения и объявления о вакансиях. Так как теперь существует третий пол, указания мужского/женского пола в вакансии уже недостаточно. Согласно антидискриминационному закону тот, кто не указывает пол, уже попадает под подозрение, что он этот пол дискриминирует. Как обозначать третий пол ни в правовом, ни в языковом плане ещё до конца не ясно. На сегодняшний день существует три варианта: *inter/divers/andere*. Пока закрепился вариант «divers», но не является ли это обозначение еще более дискриминирующим, чем если бы вообще не упоминался третий пол? Консультанты по трудовому праву рекомендуют добавлять в вакансии букву «d» для обозначения третьего пола, т.е. (*m/w/d*) или использовать вспомогательный знак вроде звездочки или нижнего подчеркивания: *«Ingenieur_In», «Ingenieur*In»*, чтобы показать наличие третьего пола. Но в интернет-коммуникации звездочка используется для исправления ошибки. После ошибочно написанного слова принято отправлять его повторно, написанное корректно, со звездочкой, например, после отправления слова «ghbdt» далее в чат последует «привет*» [5] Как вариант предлагаются *«Sachbearbeiterx», «Personalleiterx», «Recruiterx»*, что помогло бы сэкономить место в объявлении, но совершенно непонятно, как это произнести... Существующая на сегодняшний день вакансия *«Kaufmännisch-technischer*

Angestellter (m/w) Einkauf» может в дальнейшем превратиться в Kaufmännisch/kauffraulich/kaufinter-technische(r) Angestellte(r) (m/w/d) Angestellte(r) (m/w/d) mit betriebswirtschaftlichem nicht-universitärem Hintergrund

Arbeitender Mensch egal welchen Geschlechts mit BWLer Kenntnissen aus abgeschlossener Ausbildung,

что едва ли поможет сэкономить место в объявлении о вакансии.

Некоторые предлагают перевести язык предпринимателей на английский, т.к. профессии в английском языке всегда были и остаются гендерно-нейтральными. Или можно пойти против гендерного безумия и сформулировать сноску к вакансии: «Вакансия не подразумевает мужской пол, а гендерно-нейтрально обозначает профессию. Приветствуются люди, неважно какого пола, происхождения, сексуальной ориентации и религии».

Пока кадровики ломают голову над обозначением вакансий, т.к. наказание за несоблюдение закона уже озвучили: штраф в размере трехмесячной зарплаты, есть еще моменты, требующие внимания, иначе они могут быть расценены как случаи дискриминации третьего пола.

1) Должен быть пересмотрен закон о зарплате, который исходит из бинарного деления полов,

2) Под запрет попадают теперь и картинки, четко указывающие только на мужской или женский пол (или оба).

3) В приветствии, без которого невозможно представить профессиональную коммуникацию, всегда заложено обращение господин или госпожа: *Guten Tag, Herr..., Guten Tag, Frau...*

4) И даже если избегать в обращении слова господин и госпожа, имена личные традиционно делятся на мужские и женские, что может привести к неверному определению пола.

5) Личного местоимения для третьего пола тоже пока нет. Обсуждаются «*ersie*», «*mensch*», местоимение среднего рода было отвергнуто сразу.

6) Спорным становится дресс-код для сотрудников. Что требовать от сотрудника третьего пола, юбку или галстук?

7) Все службы, имеющие в своих формулярах указание пола, должны добавить опцию «иные». Это затронет и все интернет-магазины, которые для определения целевой аудитории и дальнейших предложений всегда просят указать пол.

8) Что произойдет с отделами в обычных магазинах? Должен ли появиться отдел «иные» наряду с мужским и женским или само понятие отдела должно быть упразднено?

9) Как реагировать на эти изменения преподавателям иностранного языка (немецкого) для профессиональной коммуникации?

Сегодня преподавание иностранного языка выходит за рамки традиционной отработки грамматических структур и лексических единиц

[4] и предполагает развитие не только коммуникативных компетенций (способность к коммуникации на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия), но и многих профессиональных компетенций, таких как командная работа и сотрудничество, быстрое и разностороннее реагирование на изменения окружающего мира, владение различными способами разрешения конфликтных ситуаций при проектировании межличностных, групповых и организационных коммуникаций, в том числе в межкультурной среде. И выпускник вуза должен быть готов к межкультурной коммуникации и знать обо всех изменениях, происходящих сегодня в обществе в странах изучаемого языка.

В трудовом праве наступает новая захватывающая эпоха и предприятиям рекомендуется заранее задуматься над этими вопросами. Одно должно оставаться неизменным: к людям нужно относиться по-человечески, независимо от их особенностей, открыто и толерантно. А в профессиональной сфере хотелось бы быть просто профессионалом, а не мужчиной, женщиной или иным... [10]

Список литературы

1. Дурова Надежда. Записки кавалерист-девицы. ООО «Издательство АСТ», 2016 URL: <https://iknigi.net/avtor-nadezhda-durova/115028-zapiski-kavalerist-devicy-nadezhda-durova/read/page-1.html>
2. Интерсексуальность [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/1002.htm>
3. Конституция Германии [Электронный ресурс] // Конституции стран мира на русском языке. URL: <https://legalns.com/компетентные-юристы/правовая-библиотека/конституции-стран-мира/конституция-германии>
4. Шакирова Э.Р., Шаммасова У.С. Актуальные подходы к формированию навыков обработки и интерпретации информации в ходе преподавания иностранного языка в вузе. // Доклады Башкирского университета. 2019. Том 4. №1. С.113.
5. Шарипова В.А., Елинсон М.А., Исакова О.С. Интернет-коммуникация: новые возможности и способы опосредованного общения или деградация языка // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. №1. С. 210-213.
6. Burkhard Jürgens. Nicht mehr nur Adam und Eva. URL: <https://www.domradio.de/themen/glaube/2018-12-14/drittes-geschlecht-stellt-die-katholische-kirche-vor-probleme>
7. Eisele Ines. Viele Länder kennen drittes Geschlecht. URL: <https://www.dw.com/de/viele-länder-kennen-drittes-geschlecht/a-41291875>
8. Goldmann Fabian. Mann und Frau waren nie die Einzigen. URL: <https://www.zeit.de/kultur/2018-12/drittes-geschlecht-rechtliche-anerkennung-mann-frau-vielfalt-akzeptanz/komplettansicht>

9. Knabenreich Henner. m/w/x oder divers? Das «dritte Geschlecht» und die Stellenanzeigen. URL: <https://personalmarketing2null.de/2018/02/m-w-divers-stellenanzeigen>

10. Kühne Anja. Wie das dritte Geschlecht die Berufswelt ändert. URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/queerspiegel/maennlich-weiblich-divers-wie-das-dritte-geschlecht-die-berufswelt-aendert/23660088.html>

11. Schulklos für drittes Geschlecht. Bayern will neue Toiletten. URL: <https://www.morgenpost.de/politik/article216335395/Schulklos-fuer-drittes-Geschlecht-Bayern-will-neue-Toiletten.html>

УДК298.9+291.14

М.Р. Бигнова

M.R. Bignova

Лицей № 106 «Содружество» (Уфа, Россия)

СЦЕНАРИИ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИННОСТИ В НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЯХ: ТИПОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ

SCENARIOS OF MASKULINITY AND FEMINITY IN NEW RELIGIOUS MOVEMENTS: TYPOLOGY AND CLASSIFICATION

Аннотация. Статья посвящена анализу образов маскулинности и феминности в новых религиозных движениях, практике их идеализации и упрощения, формированию искаженных гендерных стереотипов и их связи с экстремистскими идеями. Так же в статье рассматриваются перспективы типологизации и классификации новых религиозных движений на основе их гендерной ориентированности.

Ключевые слова. Гендер, стереотипы, маскулинность, феминность, экстремизм, новые религиозные движения, классификация, религиоведческие исследования.

Abstract. The article is devoted to the analysis of images of masculinity and femininity in new religious movements, the practice of their idealization and simplification, the formation of distorted gender stereotypes and their connection with extremist ideas. The article also discusses the prospects for the typology and classification of new religious movements based on their gender orientation.

Key words. Gender, stereotypes, masculinity, femininity, extremism, new religious divisions, classification, religious studies.

Новые религиозные движения – сообщества верующих, сформировавшиеся в период от последней трети XX в. до сегодняшнего дня, отличающиеся высоким уровнем вовлеченности в деятельность движения, синкретическим

вероучением, культовой практикой, находящейся в стадии вечного становления. Первоначально такие сообщества носили открыто религиозный характер и отличались высокой миссионерской и прозелитической активностью, что породило достаточно неоднозначное отношение к ним в обществе. В настоящее время формы новых религиозных движений крайне разнообразны, многие из таких сообществ не носят выраженного религиозного характера, претендуя на статус общественных движений, философских доктрин, психологических теорий и нерелигиозных идеологий. Тем не менее, их религиозный характер становится очевидным при рассмотрении таких течений с аксиологических позиций. Что составляет высшую ценность и основание для принятия решений? Если речь идет о сакральном начале, субреальных основаниях, в сочетании с ритуальными компонентами в деятельности, то данное течение или сообщество с полным основанием можно причислить к религиозным. В данной статье предпринята попытка представить типологию новых религиозных движений по отношению к проблеме доминирования женского гендера и проанализировать причинно-следственную связь между наиболее популярными гендерными моделями и распространенностью того или иного НРД.

Взаимовлияние гендерных моделей и религии анализируется достаточно давно, практически все социальные философы-женщины в последней трети XX в. описывали какой-либо аспект данной темы, достаточно вспомнить только Ю. Кристеву, но в основном это были работы, посвященные взаимоотношениям гендера и традиционных религий. Сегодня достаточно часто встречаются исследования посвященных гендерным стереотипам и ролям в исламе, христианстве, буддизме, античных и индийских религиях, но новые религиозные движения практически не становятся объектами описания исследователей гендера. С одной стороны, в этом явлении есть определенная вина идеологизированности религиозоведческого дискурса вокруг новых религиозных движений, где проблема их негативного влияния на общество или оправдания их деятельности принимает пугающе доминантные формы. С другой – большинство исследователей гендера недооценивают влияние новых форм религиозности на современное общество, воспринимая религию как источник доминирования исключительно мужского начала. Между тем новые религиозные движения по отношению к гендеру весьма разнообразны.

Первый тип. Женщина-доминант, носительница женского сакрального начала, описываемого как ключевой фактор влияния на картину мира и его преобразование. К этой категории можно отнести интернет-сообщества викканцев, магические культы закрытого типа, психологические/тренинговые группы.

Второй тип. Дуальная структура гендера, допускающая равенство моделей мужского и женского гендера, иногда при неявном доминировании одного из начал. Некоторые типы викканских практик (особенно

британские и ирландские), анastasийцы (в зависимости от самоопределения структуры внутри религиозной группы), неопротестантские, в том числе неопятидесятнические сообщества, шаманизм.

Третий тип. Редоминант, подчиненная роль женского гендера, в крайних проявлениях низводима до полной несамостоятельности, зависимости. Модель, характерная для маскулинных неоязыческих сообществ (славянское неоязычество, тенгрианство), неоисламских групп (аюповцы, ХБТ), псевдоправославных групп, баптистов, восточно-протестантских культов, синкретических культов, свидетелей Иеговы, психологических/тренинговых сообществ и т.д.

Четвертый тип. Постгендерные группы, где социально-биологическое самоотождествление не имеет значения или декларируется в подавленной асексуальной форме, что является элементом вероучения. Небесные врата, эоновцы, последователи Аум Синрикэ, рейки, последователи Леонида Маслова, практически все группы, связывающие свое вероучение с энергоинформационным обменом и т.д.

Пятый тип. Неопределившиеся, где гендер может выступать доминирующим признаком или находится вне признаков вообще, в зависимости от необходимости. Классический вариант отказа от гендера – «Живые души» – «жители СССР», для которых гендер не представляет никакого интереса для группы в целом, но может выступать определяющим статусным признаком в отдельных случаях.

Подтип первого рода представляют собой закрытые женские сообщества магического типа, где возможность войти в такое сообщество предоставляется через принадлежность к особой идеологии и женскому полу соответственно. Члены закрытых групп в социальных сетях могут вообще не встречаться в реальности, собираясь на сессии-конференции в определенное время для обсуждения самых разнообразных тем. В таких группах наблюдается доминирование одной женщины, создательницы сообщества, чаще всего передающей свой магический или тренинговый опыт остальным участницам. Этот опыт может быть посвящен решению семейных или финансовых вопросов, проблем, возникающих в личных межгендерных взаимодействиях, творчестве. При этом отсутствие мужчин в таких группах не носит выраженного феминистического характера и обусловлено либо кругом обсуждаемых тем, либо самой атмосферой девичника, свободного общения, где чуждый по определению элемент просто не допускается. Фактически данные группы представляют собой неагрессивный вариант гендерной идентичности, осуществляемой через самообразование.

В православной среде женщина традиционно находится в подчиненном положении как во внешней социальной жизни, так и в семье. Мизогинную позицию по отношению к женщинам занимает одно из движений, сформировавшееся в православной среде за последние 5 лет в Томске.

Его зачинателем является Максим Степаненко бывший руководитель миссионерского отдела Уфимской епархии, редактор портала «К истине. ру». В его понимании женщина – источник всех бед и греха в семье. Он делит женщин на две неравные группы: большая часть – блудницы, которые вышли замуж не девственницами, меньшая – непорочные, православные женщины, во всем подчиненные мужу. Мужчина, женившийся на блуднице, приобретает статус оленя и утрачивает статус мужа как носителя мужского начала. Изменить статус женщина может через покаяние, рассказ мужу и детям о своих добрачных половых связях, что сакральным образом восстанавливает нормальную жизнь в семье. Ее главной задачей становится подчинение мужу и домашний труд. Никаких других занятий женщине не полагается, ее социальная и профессиональная успешность говорит об одном – стремлении привлечь новых самцов, побогаче. Интересно, что в группе, которая поддерживает Максима Степаненко примерно 30% женщин, разделяющих и поддерживающих его идеи. Такая модель гендерной идентичности наносит существенный ущерб нравственности и самоидентификации женщин. Особую проблему представляет формирование гендерных стереотипов у детей в таких семьях. Впрочем, в неоязыческой среде встречаются и более интересные сообщества, представители одной из псевдославянских групп в социальной сети «ВКонтакте» считают, что место женщины на скотном дворе, призывают своих последователей строить дом в деревне, жениться и заставлять жену вести натуральное хозяйство и рожать детей, пока мужчина формирует отношения между семьей и богами. В качестве средства управления семьей рекомендуется физическое насилие, избиения и тяжелый физический труд.

Отметим, что, по нашему мнению, сакральный статус женской сущности в новых религиозных движениях, устанавливается в качестве противовеса мужской, маскулинной культуре доминирующей в современном обществе, тайное знание позволяющее управлять явным пространством, достигать целей без их оглашения. В определенной степени, это апелляция к фольклору, к социальной гендерной общности, проявляющейся через прохождение инициации. Интересно, что современные психологические тренинги так же явно обращены именно к этому типу религиозности, где сам факт принадлежности к женскому гендеру связывается с творческими силами мироздания с возможностью влияния на глубинные структуры мироздания и достигать результатов за счет самой принадлежности к женщинам, обогащенной магическим знанием, осознанием этой ритуальной силы. Женская сила Рода, Сакральная сила женского начала, танец силы, академия женской сущности и т.д. Ведущей таких тренингов всегда выступает женщина и в конечном итоге они предназначены для достижения успеха в мужском внешнем мире. Принадлежность к таким сообществам не декларируется, даже с помощью одежды.

Дуальность при незначительном доминировании женского начала очень

характерная черта культов, сформировавшихся под влиянием низовой религиозной культуры – Ата Жолы, Элле Аят, Слаявнский род и т.д.

Дуальность при доминировании мужского начала – псевдохристианские группы, например, Церковь объединения. Женская сущность, безусловно, играет существенную роль в формировании религиозной составляющей, но только после соприкосновения с соответствующей мужской, освящающей и сакрализирующей ее природу.

Интересно, что сексуальные перверсии и нетрадиционные формы ориентации практически никогда не выступают источником вероучения НРД.

Отметим так же, что если ранние формы новых религиозных движений отличались существенной проработанностью вопросов гендерного самоопределения, стремились обосновать свои сценарии мифологическими и даже научными тезисами, то для современных групп характерна апелляция к чувствованию, личному опыту, экстатическим видениям и существенная примитивизация сюжетных линий и обоснований. При этом если ранние формы НРД предлагали своим сторонникам готовые формы самоидентификации, в настоящее время роль простых верующих в соавторстве культовых практик и вероучения увеличивается, формирование сакральной реальности определенного НРД происходит в основном коллективным путем. Зависимость гендера от пола остается такой же жесткой, что в определенной степени позволяет говорить о фундаментализме, доминировании гендерных стереотипов.

УДК 93/94

Д.У. Кашапова

D.U. Kashapova

Преподаватель немецкого и английского языков (Уфа, Российская Федерация)

ПУТЬ К ГЕНДЕРНОМУ РАВЕНСТВУ В РОССИИ И США: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

WAY TO THE GENDER EQUALITY IN RUSSIA AND IN THE USA: THE HISTORICAL BACKGROUND AND THE CONTEMPORARY STATE

Аннотация. Статья раскрывает историко-культурные предпосылки возникновения женского движения и основные этапы его становления в России и США, а также дает сравнительную характеристику современного состояния движения за равенство в этих странах.

Ключевые слова: гендерное равенство, гендерная дискриминация, борьба женщин за права, женское движение, феминизм

Abstract. The article clarifies the historical and cultural background of women's liberation movement and its fundamental periods in Russia and in the US, and represents the comparative analysis of the contemporary state of the movement in these countries.

Keywords: gender equality, gender-based discrimination, women's liberation movement, the women's movement, feminism.

Прошло более 230 лет с тех пор, как женщины выдвинули требования равноправия во время Войны за независимость в США (1775-1783). Первой американской феминисткой считают Абигейл Смит Адамс (1744-1818); она вошла в историю феминизма благодаря своей знаменитой фразе: «Мы не станем подчиняться законам, в принятии которых мы не участвовали, и власти, которая не представляет наших интересов» (1776).

Несмотря на солидную историю движения за равноправие, на сегодняшний день не существует ни одного государства, о котором можно было бы говорить, как о стране победившего гендерного равенства. Индекс гендерного неравенства (англ. The Gender Inequality Index) – интегральный показатель, который отражает неравенство в возможностях достижений между мужчинами и женщинами в трех измерениях: репродуктивном здоровье, расширении прав и возможностей, а также на рынке труда. Согласно отчету «Индексы и индикаторы человеческого развития: Обновленные статистические данные 2018» для ООН, лидерами на сегодняшний день являются Швейцария, Дания, Нидерланды, Швеция, Норвегия. США занимает 41-е место (индекс 0.189), Россия – 53-е.

Из этого доклада очевидно, что ни Соединенные Штаты Америки, ни Россия не входят даже в двадцатку стран, в которых ситуация приближена к идеалу. Рассмотрим поэтапно основные вехи развития женского движения в этих странах.

Первая волна феминизма в США была названа «борьбой длиной в век» условно ведет свое начало с вышеупомянутого предостережения Абигейл Смит Адамс, которое она написала своему мужу Джону Адамсу, второму президенту США.

В 1791 году в США была опубликована книга британки Мэри Годвин «Защита прав женщины» (A Vindication of the Rights of Woman), в которой подняла проблемы неоплачиваемого домашнего труда, и как следствие, экономической зависимости женщины от мужа. В своем труде М. Годвин призывает дать женщинам право на образование, которое обеспечило бы ей экономическую свободу и самоуважение.

В США, как и в Европе, лейтмотивом первой волны феминизма стало требование о допуске женщин к высшему образованию. Далее встал вопрос о законодательных реформах. Всюду женщины боролись против двойных стандартов в отношении полов, за реформы в области права собственности,

развода, возможности работать. Следующим этапом была постановка вопроса о праве голоса для женщин как средстве для обеспечения законодательных реформ.

Есть сравнить успехи активисток Европы и США в 40-х годах XIX века, можно сделать вывод, что американское феминистское движение было наиболее удачливым. В 1848 году в городе Сенека Фолз (штат Нью-Йорк) была подписана Декларация чувств, ключевым автором которой стала Элизабет Кэйдди Стентон. Она начиналась словами: «Все женщины и мужчины созданы равными...». Заявив требования предоставления женщинам прав на собственность, образование, оплачиваемый труд и участие в политической и религиозной жизни общества, Декларация стала поворотным пунктом в истории американского и мирового феминизма, положив начало формированию его либерально-реформистского направления. Участницы и участники встречи в Сенека Фолз не отрицали существующего общественного порядка, но желали расширить правовую защиту женщин и дать им равные с мужчинами права, в частности – и избирательные. Мнение Элизабет Стентон о том, что конгресс в г. Сенека-Фоллз положил начало движению за права женщин, нашло свое отражение в книге «История избирательного права женщин», написанной ею совместно с другими авторами.

В 1849 году женщины получили право заниматься медициной. Первой женщиной, получившей медицинскую степень в США, стала Элизабет Блэквелл.

С середины XIX века началось противостояние либерального европейского и американского движения за права женщин и марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс, а также их последователи не считали тему угнетения по признаку пола важным аспектом своей теории. Либеральные феминистки критиковались за выражение интересов образованной и обеспеченной части населения. Взгляды К.Маркса и Ф.Энгельса положили начало развившимся позже социалистическому и марксистскому направлениям в феминизме.

В 1870 году была принята 15-я поправка к конституции США, запрещающая ограничение граждан в активном избирательном праве по принципу расы, цвета кожи или тех, кто в прошлом находился в рабстве. Женщины ожидали, что их права также будут учтены этой поправкой. Этого не произошло, и как следствие, началась упорная борьба за получение избирательных прав.

И в Европе, и в США образованные женщины привилегированного класса стали активнее включаться в общественную жизнь, требуя политического равноправия. Основные центры борьбы за него оказались во второй половине 19 в. в Англии и США, отчего английский термин «суфражизм», означающий избирательное право вообще, вошел в историю как определение политического направления в феминизме. В 1869 году была создана женская суфражистская ассоциация в США. Благодаря беспримерной активности ее членов в ряде американских штатов женщины оказались допущены к голосованию (в 1869

об этом объявил Вайоминг, в 1893 – Колорадо, в 1896 – Айдахо и Юта).

18 августа 1920 года в США была принята 19-я поправка к конституции, предоставившая женщинам избирательное право. Несмотря на то, что отнюдь не все требования женщин были учтены, эта первая крупная победа привела к тому, что накал феминистической борьбы в обществе значительно поутих – вплоть до второй волны, которая поднялась уже в середине XX века.

Возникновение «второй волны» феминизма было связано с подъемом леворадикальных движений (студенческой революцией 1968) и формированием новых социальных теорий. Общее требование феминисток «второй волны» – борьба за право не только избирать, но войти самим во властные структуры. Во время подъема «второй волны» различные направления в феминизме окончательно разделились, отражая невозможность создания единой для всех женщин теории освобождения, поскольку социально-культурный опыт и статус разных женщин определяется разными факторами (класс, раса, возраст, конфессия, эпоха и проч.)

Движение 1950–1960-х годов получило яркую политическую и социальную окраску. По большей части его участницы к тому моменту являлись также активистками политических движений – например, среди феминисток того периода было много участниц кампании против войны во Вьетнаме, а также носительниц левых взглядов (что само по себе в США в тот период времени было позицией смелой). Феминизм начал приобретать поддержку в научных и литературных кругах. Во второй половине 70-х гг. XX в. на Западе и особенно в США феминистское движение приобрело массовый характер, проводились многочисленные акции в защиту прав женщин, создавались организации и множество небольших групп неформального характера.

Элеонора Рузвельт, в частности, настояла на том, чтобы в 1961 году президент Кеннеди основал Комиссию по статусу женщин.

В 1973 году в США были легализованы аборты, а в 1974 году женщины получили право оформлять кредитные карты на свое имя, а не на имя мужа, как они должны были делать до этого.

В 1976 году перед женщинами открыли двери военные академии США, а в 1979-м NASA отобрало для участия в своих программах первых женщин-астронавтов.

Это время завершилось триумфом Сандры Дэй О’Коннор, которая в 1981 году стала председателем Верховного суда США. Так же, как и в случае с первой волной, после серии побед движение вновь стало постепенно терять активность.

Третья волна феминизма поднялась в США в начале 1990-х годов в ответ на антифеминистскую реакцию и наращение позиции консерватизма в обществе.

Идеологические отличия феминизма третьей волны от второй затрагивают в первую очередь область сексуальности: феминизм третьей волны отказывается от понимания женской гетеросексуальности как стандарта и нормы и высоко

ценит сексуальность как инструмент раскрепощения женщин.

Одним из ярких и показательных событий США последних лет является Женский Марш. Протестная акция впервые состоялась в 2017 году, на следующий день после инаугурации 45-го президента США Дональда Трампа в столице страны Вашингтоне. Женский Марш стал откликом на сексистские и оскорбительные высказывания Д.Трампа в адрес женщин, включая его самоуверенные цитаты о том, что он во власти делать с ними всё, что пожелает. Марши состоялись также в других крупных городах США и 66 стран мира. Акция была продолжена в 2018 и 2019 годах.

Спустя девять месяцев после первого Марша его лидеры провели Женский съезд в Детройте. Здесь говорили о «рождении» нового феминизма и проводили семинары для будущих женщин-политиков.

Современное американское общество считается открытым к феминизму. Американские активистки добились очень многого: выросла представленность женщин в политике, идея, что женщина может стать во главе государства уже не выглядит сверхъестественной.

Современный феминизм вышел за пределы борьбы за политическое лидерство женщин, за защиту репродуктивных прав, за декретный отпуск и за равную оплату труда мужчин и женщин. Сейчас в первую очередь говорят о необходимости ввести гарантированный отпуск по уходу за ребенком – США единственная из крупных держав, где он не предусмотрен. Кроме того, у женщин-политиков осталось две непокоренных высоты: кресла вице-президента и президента страны.

Одним из главных камней преткновения в борьбе за женские права является вопрос аборт. Аборты в США были легализованы Верховным Судом в 1973 году. Существует мнение, что этот закон положил начало расколу в американском обществе. Сегодня набирает силу антиабортная кампания, расширяясь даже за пределы консервативных штатов. События последних дней: В Алабаме одобрен закон, практически полностью запрещающий аборты – даже в случаях инцеста или насилия. Если документ подпишет губернатор, это будет самый строгий запрет подобного рода в США. Аборт будет разрешен только в определенных ситуациях, когда есть серьезная угроза здоровью матери. За закон проголосовали 25 членов сената штата, шестеро были против. Теперь документ отправится на подпись к губернатору-республиканке Кей Айви. Она не говорила, подпишет ли его, но ее считают большой противницей аборт.

Обратим взор на историю феминизма в России. Начало женского движения здесь (1859–1904) связано с попытками, во-первых, обеспечить женщин возможностями профессиональной занятости, а через нее – экономической независимости, а во-вторых – борьбой за их доступ к высшему образованию. Этот начальный этап охватывает период с 1859 по 1905.

Российское женское движение в 1905-1917 годы – зрелое феминистское,

подготовленное и идейно, и организационно. Революционная волна 1905 подняла женщин, выступавших ранее лишь за доступ к высшему образованию и профессиональному труду, на борьбу за гражданские и политические права. В январе 1905 около 30 петербургских женщин либеральных взглядов объявили о создании всероссийского «Союза равноправия женщин» (СРЖ), который действовал до 1908. В апреле он провел первый в российской истории митинг в защиту женских политических прав.

На протяжении 1906–1907 деятельность СРЖ была направлена на пропаганду идеи предоставления женщинам избирательных прав и борьбу за равноправие в политической области.

На I Всероссийском женском съезде был поставлен также вопрос об ответственности всех граждан страны – и женщин, и мужчин – за судьбу и развитие России по демократическому пути. СРЖ, насчитывавший к тому времени около 8 тыс. членов, после закрытия съезда прекратил существование. Его функции приняла на себя Российская лига равноправия женщин (РЛРЖ), которая к началу Первой Мировой войны имела свои отделения более, чем в 50 городах.

Активность РЛРЖ была направлена на пропаганду идей равноправия полов и воздействие на власть на уровне принятия законов и решений. «Равноправкам» удалось добиться через Думу рассмотрения закона, позволяющего женщинам участвовать в земских волостных выборах (без права быть избранными) (1911), проживать раздельно от супругов и иметь при этом равные наследственные права на общесемейное имущество (1912). Менее удачными были попытки добиться допущения женщин во все университеты, а также в адвокатуру.

19 марта 1917 перед резиденцией Временного правительства в Петербурге состоялась 40-тысячная демонстрация женщин. Весной 1917 года женщины получили избирательное право.

После Октябрьской революции в Советской России в 1918 году была принята конституция, закрепившая юридическое равноправие женщин с мужчинами. Ряд декретов расширил права женщин: было признано их право на аборт, разрешено оставлять девичью фамилию в браке, дети, рожденные в браке и вне него были уравнены в правах. Однако эти законодательные нормы не имели для женщин следствием равные с мужчинами возможности. Материнство определялось как «социалистическая обязанность», которая должна была дополнять обязанность женщин трудиться наравне с мужчинами.

Эти установки, именуемые «решением женского вопроса», в реальности не освобождали женщин, но лишь усложняли их жизнь. К 1930 ситуация стала критической, и в политике семейно-брачных отношений начался традиционалистский откат. Концепция материнского и супружеского долга женщины вошла в оборот идеологического и политического манипулирования (постоянно готовящейся к войне стране нужна была высокая рождаемость). Сексуальность оказалась тесно увязана с репродуктивностью (в 1935 в СССР

прекратилось производство контрацептивов). В 1936 был принят закон, затруднявший развод; через 8 лет разводиться разрешили вообще только через суд. В том же 1936 были запрещены аборт, что явилось поражением женщин в их репродуктивных правах. Провалившее курс на «революцию быта» государство взвалило на плечи «свободных и равноправных» женщин двойную нагрузку. В годы Вов российские женщины начали заниматься «мужскими» видами деятельности. Эти изменения прошли незамеченными со стороны государства, которое видело в женщинах лишь матерей и работниц. После окончания войны женщины оказались легко вытесненными из своего вынужденного положения лидеров в связи с возрастанием символической «ценности» мужчин.

В эпоху политической «оттепели» и последовавшей за ней стагнации (середина 50-х – середина 80-х), советское государство отказалось от попыток жесткого контроля и регулирования женских жизней и жизненных установок. Это время отмечено кампаниями массового жилищного строительства, частичной реабилитацией личной жизни, большей автономностью семьи. В 1955 была отменена криминализация абортов. Но эта политика не подкреплялась сексуальным образованием, доступностью надежных контрацептивных средств, что способствовало превращению аборта в СССР в основной способ контроля репродукции. В общественных обсуждениях, в печати это замалчивалось.

Облегчение процедуры развода (1965), право на получение фиксированной доли алиментов – 25% от заработка ушедшего из семьи супруга (1967), введение оплаченных отпусков по беременности и родам, пособий на детей матерям-одиночкам и разведенным женщинам (Кодекс о браке 1968 года) объективно способствовало улучшению положения женщин. Но их бытовое неравенство с мужчинами, меньшие возможности для профессионального роста, высоких зарплат, полноценного досуга замалчивались так же, как и тема абортов.

Идеология настойчиво отождествляла «правильную женственность» с материнством, образ и статус «работающей матери» был объявлен достижимым идеалом, чему способствовала и живучесть патриархальных установок в воспитании девочек как обязанных обслуживать мужчин в доме, заботиться об их здоровье. Осознание сложности проблемы совмещения ролей матери и работницы к концу 70-х привело к констатации «чрезмерной маскулинизации» женщин, которую решено было преодолеть через возврат женщины в семью. Неопатриархатные установки официальных властей привели к ограничению присутствия женщин в публичной сфере или формализации этого присутствия. В производственной сфере, и в науке, здравоохранении, образовании: среди рядовых сотрудников женщины составляли более половины занятых, но на уровне принятия решений их было не более 5%.

Официальные власти старались «не замечать» этих диспропорций. В 1979, когда ООН принимала Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации

в отношении женщин, советские пропагандисты полагали, что российское законодательство уже давно соответствует международным стандартам, и все нормы принимаемой Конвенции для СССР давно не актуально, так как также уже «давно осуществлены».

Первые женские группы, объявившие себя независимыми, начали появляться уже в конце 80-х. Именно они открыто поставили под сомнение «опыт решения женского вопроса в СССР», показав, что он не решен, что женщины даже формально не полностью уравнены в правах с мужчинами, а о фактическом равенстве и вовсе говорить нельзя.

В последнее время российские феминистские организации пропагандируют принципы социального партнерства, соучастия в решении острых социальных проблем (насилия, беспризорности, наркомании, торговли женщинами).

По данным исследования «Левада-центра» от 2016 года, за то, чтобы женщины имели права, полностью равные с мужчинами, высказались 51% опрошенных россиян и 75% опрошенных россиянок. Это, в частности, касается женщин во власти (то есть традиционно «мужском» деле): право женщин занимать высшие государственные посты наравне с мужчинами поддерживают 78% участниц опроса и лишь половина участников.

Между тем, в июле 2018 года Госдума отклонила разработанный еще в 2003 году законопроект о равенстве мужчин и женщин. Парламентарии сослались на то, что вопросы гендерного равенства в стране преимущественно решены.

По данным Росстата, женщины в России работают преимущественно в низкооплачиваемых бюджетных отраслях и в сфере услуг. Энергетика, добыча полезных ископаемых, транспорт и связь, государственное управление – преимущественно «мужские» сферы деятельности.

Женщины в России получают за свой труд на 28,3% меньше, чем мужчины. Средняя «мужская» зарплата по стране составляет 45,5 тысяч рублей. «Женская» – только 32,6 тысячи. При этом феминистки в России традиционно подвергаются критике, а слово «феминизм» часто воспринимается с сарказмом.

В обществе сложился стереотип, согласно которому женщина должна успевать работать, чтобы приносить в дом деньги, выполнять домашние обязанности и заботиться о детях и стариках. Сексуальность стала для женщины не важной стороной собственной жизни, а конкурентным преимуществом.

Вместе с тем в России появляется новый класс женщин. Они образованы, востребованы на рынке труда, могут сами себя обеспечить и стремятся к самореализации. И это, пожалуй, первое поколение женщин, которые делают сознательный выбор, рожать ребенка или нет, не ориентируясь на стереотипы. При этом женщины, которые добились успеха самостоятельно, стесняются этого из-за патриархального воспитания.

Однако, в последнее время заметны позитивные изменения. Современные женщины поняли, что они не обязаны в одиночку нести бремя «домового рабства», если они работают и зарабатывают наравне с мужчинами.

Таким образом, феминизм в России проходит специфический путь. Общими задачами для феминизма в России и США является преодоление проблемы «стеклянного потолка», уравнивание зарплат, решение проблемы домашнего насилия, домогательств на рабочем месте. Для Соединенных Штатов довольно остро стоит вопрос о предоставлении гарантированного отпуска по уходу за ребенком.

Список литературы

1. Де Бовуар С. Второй пол.: Т. 1, 2: пер. с франц. / С. Де Бовуар. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
2. Ельникова Г.А. Философия феминизма (альтернативные феминистские концепции социокультурного развития) / Г.А. Ельникова. – Белгород: Кооператив. образование, 2002. – 340 с.
3. Словарь гендерных терминов / ред. А. А. Денисова. – М.: Информация – XXI век, 2002. – 256 с.
4. Теория и история феминизма: курс лекций / под ред. И. Жеребкиной. – Харьков: Ф-Пресс, 1996.
5. <https://iz.ru/news/628952>

УДК 32.324

Ю.В. Ирхин

Yu.V. Irhin

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА В СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ В США

THE INCREASING ROLE AND PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE GENDER FACTOR IN MODERN ELECTORAL PROCESSES IN THE UNITED STATES OF AMERICA

Аннотация. В статье проанализировано возрастание роли и проблемы реализации гендерного фактора в современных электоральных процессах в Соединенных Штатах Америки. Показаны причины актуализации гендерного фактора в связи с увеличением количества женщин, трансгендеров и активизации их участия в политике. Раскрыты основные этапы, стратегии кандидатов, их избирательные программы, технологии и особенности президентской кампании в Соединенных Штатах Америки в 2016 г. Особое

внимание уделено анализу маскулинности и феминности в выборах 45 президента США. Показан потенциал, достижения и проблемы президентской кампании Д. Трампа и Х.Клинтон с точки зрения учета гендерного фактора. автор осуществил сравнительный анализ программ и электорального поведения Д. Трампа и Х. Клинтон. Автор показал акценты Трампа на развитие национальной промышленности и ужесточение миграционной политики, его «маскулинное поведение» и имидж; раскрыл проблемы политики Клинтон по вопросам гендера и феминности. Показано, что гендерный фактор (маскулинность и феминность) влияет на результаты выборов, но после партийной и этнической идентификации. Автор осуществил комплексный анализ причин избрания Д. Трампа 45-м президентом Соединенных Штатов Америки, показал некоторые возможные перспективы и проблемы его политики.

Ключевые слова: гендер, фактор, президент США, выборы, маскулинность, феминность

Abstract. The article analyzed the increasing role and problems of implementation of the gender factor in modern electoral processes in the United States of America. Showed reasons of the actualization of the gender factor related to the increase in the number of women, transgender people and activation their participation in politics. Opened basic stages, strategy of the candidates, its elections programs, technologies and peculiarities of the presidential campaign in the United States of America in 2016. Special attention pay to analysis of the masculinity and femininity in the election of 45th President of the United States of America. Showed potential, achievement and problems of the presidential campaign of D. Tramp and H. Clinton from genders point of view. The author realized comparative analysis programs and electoral behavior of D. Tramp and H. Clinton. Author showed accents Tramps on the development of national industry and tightening of the migration policy, his «masculinity behavior»; discussed problems politics Clinton in sphere of gender and femininity. Showed, that gender factor (masculinity against femininity) influence at the election results, but after party and ethnic identification. In article author made complex analysis of the reasons for the elections Tramp 45th President of the United States of America, showed some possible perspectives and problems his politics.

Key words: gender, factor, president of USA, election, masculinity, femininity

Общая тенденция развития гендерного фактора состоит в повышении его роли в обществе и политике. Так, очевидно увеличение общего количества (численности) женщин (по отношению к мужчинам), а также лиц, которые не могут себя идентифицировать с двумя основными полами (гендерная дисфорсия) – ЛГБТ. Затем, – заметна активизация, организованность и повышение роли женщин, а также ЛГБТ (с разной степенью активности в различных странах) в политических и электоральных процессах.

Эти тенденции проявляются и в политических процессах США. Женское движение (феминизм) имеет в этой стране длительную историю и достижения. Однако только в 2008 г., впервые в истории США, женщина (Хиллари Клинтон) предприняла серьезную попытку занять высший государственный пост в этой стране. Она практически «на равных» конкурировала в 2008 г. на праймериз Демократической партии с будущим 44-м президентом США (Б. Обамой, а затем, через 8 лет, на президентских выборах в 2016 г., – с Д. Трампом. Более

того, она, по сути, выиграла эти выборы, получив почти на 3 млн. голосов избирателей больше, чем 45-й президент США Д. Трамп (2016-2020 гг.). Однако Х. Клинтон в целом проиграла их, набрав меньшее количество голосов выборщиков от штатов, которые в США и определяют окончательный итог выборов. В результате, кандидатуру Трампа поддержало 304 выборщика (при минимально необходимых 270). За Клинтон свои голоса отдали 227 выборщиков.

Тенденция повышения роли женщин в электоральных процессах США нашла свое подтверждение и в 2018 г., когда их представительство выросло в Палате представителей Конгресса США с 92 до 102 депутатов и стало наибольшим за всю его историю.

Что же касается ЛГБТ, то они (их представители), пожалуй, впервые открыто участвовали в выборах 2018 г. в Палату представителей, Сенат, а также губернаторов, заняв ряд должностей.

«Разбить стеклянный потолок»

Фраза о «стеклянном потолке» означает в США некую невидимую преграду (неформальные препятствия), мешающую женщинам занимать высшие политические должности в этой стране. Характерно, что Х. Клинтон, после выдвижения ее съездом Демократической партии летом 2016 г. в качестве кандидата на должность президента, во время своей заключительной речи, произнесла яркую фразу о том, что на этом конвенте демократам впервые в истории США удалось «разбить стеклянный потолок» и открыть дорогу к избранию женщины на высшую государственную должность. Интересно также, что зал в Нью-Йорке в ноябре 2016 г., для объявления возможной победы Клинтон на выборах, был выбран ей именно с прозрачным потолком, как символ снятия формальных ограничений для занятия женщиной высшей государственной должности. Но на выборах 8 ноября 2016 г., как известно, ей не удалось набрать необходимое число голосов выборщиков. Иначе говоря, женщине, чтобы быть избранной президентом США, необходимо дважды преодолеть «стеклянный потолок»: в своей партии и, собственно, на выборах. В то же время следует заметить, что за последние десятилетия уже три женщины занимали должность государственного секретаря США: М. Олбрайт (1997-2001), К. Райс (2005-2009), Х. Клинтон (2009-2013). В истории США было 6 случаев, когда государственные секретари становились президентами [4, с 7].

В связи с указанными целями статьи, целесообразно рассмотреть роль гендерного фактора (в том числе через призму феминности и маскулинности) на примере выборов Президента США в 2016 г.

В целом потенциал и шансы Х. Клинтон, как кандидата в президенты США, представлялся предпочтительнее ее соперника. На ее стороне были: опыт работы сенатором от штата Нью-Йорк; деятельность в должности Государственного секретаря и вытекающая отсюда мировая известность;

поддержка Президента США Б. Обамы и мощного аппарата Демократической партии, значительной части многочисленной либеральной интеллигенции, большинства традиционных СМИ (за исключением сетей), североамериканской финансовой элиты, клана Рокфеллеров, правящего либерального политического класса Евросоюза; в ее пользу высказывалось до 70% граждан Западной и Центральной Европы и др.

О карьере Клинтон и истории ее жизни был опубликован целый ряд исследований и мемуаров [См. 11]. Сама Х. Клинтон также написала яркие автобиографические книги, ставшие бестселлерами во многих странах и принесшие ей мировую известность [См. 3,7]. Во многих книжных магазинах США и за рубежом, на видном их месте выставлялась ее мемуары большого формата с фотографией на обложке, заметной издали. В своей кампании Х. Клинтон делала акцент на преемственность политическому курсу Б. Обамы; обращалась к тем социальным группам, которые выиграли от него; ориентировалась на либеральные элиты, женскую аудиторию, афроамериканцев, испаноговорящих граждан США, мигрантов, получивших гражданство. К слабым местам ее позиционирования относились: «перенос» недостатков правления президента Б. Обамы на нее, как представительницу его курса, отсутствие комплексной инновационной программы преобразований, лидерских черт, признаки слабого здоровья [2. с. 34]. Хиллари признает, что между ее взглядами на политику и ожиданиями людей в 2016 г. «лежала пропасть». Она недостаточно уделяла внимания нуждам избирателей штатов Среднего Запада, делала неоправданный перекося в своей кампании на проблемы, которые не были главными для избирателей: постоянная критика Д. Трампа ради его критики и голословные обвинения России в некоем вмешательстве в избирательную кампанию Демократической партии (хакеры и т.п.), которые, как и следовало ожидать, не были доказаны. (Эти вымыслы опроверг и Доклад специального прокурора США Р. Мюллера в 2019 г.).

Х. Клинтон весь сентябрь и начало октября 2016 г. имела более высокие рейтинги, чем Трамп. За ее кандидатуру в открытых опросах обычно было готово проголосовать на 5-8% больше опрошенных граждан, чем за Трампа.

Определенный удар по имиджу Клинтон нанесли публикации WikiLeaks о ее связях с Вашингтонским финансовым и политическим истеблишментом (обещаниях преференций для него ценой сокращения социальных ассигнований); утечках из служебных документов Демпартии США, ее подозрительных финансовых операциях с арабскими контрагентами. После скандала с утечкой официальной информации в бытность ее Государственным секретарем США и привлечения ФБР к его расследованию, ее рейтинг снизился. (Клинтон полагала, что это расследование стало решающим негативным фактором в ее кампании, прямо перед выборами).

Однако подавляющее большинство специалистов и журналистов, прогнозировавших результаты президентских выборов, отдавали

преимущество Х. Клинтон. Эти мнения широко тиражировались СМИ. В силу этого победа Трампа оказалась весьма неожиданной.

Потенциал Д. Трампа составил ряд факторов. Среди них: сильная харизма, известная личная независимость как миллиардера, который «сделал себя сам» преодолев многие трудности, наличие необходимых финансовых средств, его поддержка частью руководства республиканской партии и губернаторами ряда штатов, опытная команда советников, хорошо владеющая современными информационными и маркетинговыми технологиями, связи в деловой среде, поддержка влиятельных групп (среди генералитета, юристов и даже Ротшильдов) [1]. Трамп, в отличие от Клинтон, прекрасно владеет компьютерными технологиями и сам вел и ведет свою переписку, а число его подписчиков в социальных сетях составляет 26 млн. человек.

О личности Трампа и его жизненном пути был опубликован целый ряд исследований. Сериал книг, написанный самим Трампом, стал бестселлером и принес ему широкую известность в США и за рубежом [6].

В своей кампании Трамп делал акцент на необходимость восстановить былое величие США, возродить производительную национальную экономику, создать значительное число новых рабочих мест, укрепить финансовую систему, обеспечить права коренных граждан, ограничить бюрократический произвол чиновников из Вашингтона («осушить Вашингтонское болото») [11, р. 12]. Он учел недовольство многих избирателей положением дел в стране, часто обращался к синим воротничкам (в основном со средним образованием), предпринимательскому классу, предлагал повысить почасовую зарплату.

Команда Трампа учитывала изменения в социальной структуре США, где за последние десятилетия произошло «размывание» среднего класса. Америка в своем большинстве стала жить беднее. Соответственно, Трамп озвучивал разочарование и отчаяние тех американцев, которые больше всего пострадали от экономических недугов за последнее десятилетие [10, р. 56].

Яркий имидж, разумный популизм, национализм, знание экономических проблем штатов создавали ему определенный уровень поддержки избирателей. Конкуренты стремились придать Трампу образ экстравагантного политика, у которого якобы нет опыта управления государством. Но, когда Трамп обсуждал конкретные проблемы США и штатов, он лучше, чем Клинтон разбирался в этих вопросах и выглядел профессионально. Те, кто хотел бы проголосовать за Трампа, не всегда могли осмелиться высказать альтернативную точку зрения («спираль молчания») – активно формируемых прессой убеждений избирателей в якобы «неизбежной победе Клинтон» и «катастрофе», в ином случае.

В программе Д. Трампа был ряд противоречий, как, например, отношение к мигрантам, план строительства стены между США и Мексикой (6 млрд. долл.), которую он предлагал построить за счет Мексики и др. Однако, в ходе дебатов Трамп умело ставил на первое место интересы избирателей каждого

конкретного штата, где он выступал, а то, что им противоречило из его общей программы – затушевывал [См. 12].

Накануне выборов Трамп лично провел последнюю неделю в «колеблющихся Западных штатах», тогда как Хиллари была в Калифорнии и Нью Йорке, где она и так имела преимущество. В результате Трамп получил более 70 голосов выборщиков от этих штатов, а Клинтон потеряла время.

Команда Трампа использовала новации информационного воздействия на избирателей, сотрудничала с лабораторией Cambridge Analytica, которая имела базы данных из социальных сетей Facebook. на миллионы граждан США и умела, используя психологические программы, направлять адресную политическую информацию, учитывающую психологические склонности субъектов информационной Сети. Классификация граждан по привычкам и психологическим чертам, давала возможность установить их приоритеты, точно знать политические ориентации (и их подвижки) миллионов отдельных избирателей и их микро-групп; влиять на них путем целенаправленной рассылки информации по сетям.

Факторы маскулинности и феминности в президентской кампании США

В США женщин несколько больше, чем мужчин, соответственно, 156 млн. и 146 млн. (или 50,7% и 49,3%). Отсюда – значительное внимание к гендерному фактору – участию женщин на выборах.

Будучи изначально уверенными, что женщины-избиратели, безусловно, поддержат Клинтон (по принципу «женской солидарности», против «экстравагантного Трампа» и др.), демократы сделали акцент больше на организацию высокой явки женщин на выборы, чем на их убеждение. В результате Х. Клинтон получила голоса 54% всех женщин, что всего лишь на 1% больше, чем у Обамы в 2012 г. и даже хуже, чем у него было в 2008 г (56%).

Более того, Х. Клинтон она проиграла Д. Трампу голоса белых женщин, – 53% которых проголосовали за него. Здесь негативную роль для Клинтон сыграла ее чересчур смелая позиция за разрешение аборт, что было неприемлемо для многих, как белых, так и, особенно, испаноязычных верующих женщин. В категории «белых женщин без образования» Трамп опередил Клинтон на целых 25%.

На понижение рейтинга Клинтон среди женщин сыграло также присутствие на митингах ее мужа, что не очень способствовало повышению ее рейтинга. В категории белых женщин с высшим образованием, Х. Клинтон выиграла у Трампа, но всего 6%.

В целом, в этой президентской избирательной кампании партийные и расовые различия избирателей, как и прежде, оказались сильнее, собственно, гендерного фактора.

Х. Клинтон после выборов, отметила, что гендерный фактор безусловно сыграл свою роль в ее проигрыше. Она склонна винить в своем поражении

глубоко укоренившиеся в американском обществе сексизм и мизогинию (предубеждение по отношению к женщинам), которые делали ее привлекательным объектом для нападок. Однако, кто же ей мешал сделать свою программу и провести избирательную кампанию с учетом этих факторов?

Клинтон психологически было сложно выигрывать прямые дискуссии с Трампом. Во время президентских дебатов она занимала оборонительную позицию. Так, в своей книге-бестселлере об итогах выборов («Что случилось?») она отмечала, что во время вторых дебатов «мы стояли на маленькой сцене, и куда бы я не пошла, Трамп плотно следовал за мной, пялился на меня, корчил гримасы. Это приносило невероятное неудобство. Он в прямом смысле слова дышал мне в спину. Я чувствовала, как мурашки бежали по телу» [8, р. 209]. Клинтон, вспоминая и анализируя эту ситуацию, писала, что ей бы стоило занять более активную позицию и сказать: «Шаг назад, отойди от меня. Я знаю, что ты любишь запугивать женщин, но меня не запугаешь, поэтому шаг назад» [8, р. 210]. Но она это не сделала, показывала камерам свое якобы спокойное лицо, уступала инициативу в дискуссиях, именно как женщина, подчиняющаяся натиску маскулинности Трампа.

Трамп выделялся тем, что четко заявлял свою позицию, не боясь быть резким, и производил впечатление человека, который говорит то, что думает, демонстрируя одобряемые рядом избирателей свойства маскулинности. Он понимал логику массовой культуры, имел опыт руководства популярного в США ТВ-шоу «Кандидат», победитель которого получал у него работу. Кульминацией каждой серии был момент, когда Трамп произносил: ««Вы уволены!». Фирменное: «Вы уволены» стало популярно, в массовой продаже появились куклы Трампа, произносящие эту фразу. «Шоу познакомило с Трампом новое поколение избирателей, перед которым он предстал как некая смесь успешности, вульгарности и гедонизма» [1, с. 22]. Такой маскулинно-постмодернистский подход эпатировал: имидж запоминался ряду избирателей.

Клинтон использовала против Трампа, его двусмысленное высказывание о женщинах, сделанное им десять лет назад. Однако в целом семейное положение Трампа было гораздо успешнее, чем Х. Клинтон.

Клинтон не очень понравилась ряду избирателей именно как женщина, у которой не было достаточного уровня искренности, внимания к проблемам простых людей, тепла. А противостоящая ей мускулиная манера Трампа и глубокое понимание им проблем США, а также проблем «глубинки», привлекало к нему людей, которые связывали с ним надежды на перемены.

Повышение роли маскулинных и/или феминных качеств политиков было обсуждено на XXV Всемирном конгрессе политологов в Австралии, где одно из его планарных заседаний было обозначено как «Патриархия— это больше, чем Трамп» [См. 13]. В пленарном докладе профессора из США Синтии Енлоес обращалось внимание на то, что ряд крайних качеств патриархальности и маскулинности, реализуемых в политике, выступают

«драйверами авторитаризма, милитаризма, расового неравенства». В этой связи давалась критическая оценка использования этих качеств Д. Трампом, а также формирования маскулинизированных авторитарных лидеров [9, с. 5].

Итак, во время президентской кампании в США в целом, важную роль в результатах голосования сыграли три фактора (по значимости): во-первых, – партийные ориентации избирателей, во-вторых, – их этническая идентичность, в-третьих – гендерные предпочтения. В разных штатах соотношения между ними могли отличаться, как и их актуализация в классических и современных СМИ. Правильная актуализация и учет маскулинности и феминности в имиджах и тактиках кандидатов в президенты давали им соответствующие преимущества на выборах.

Список литературы

1. Д'Антонио М. Всегда мало: Дональд Трамп и жажда успеха. М.: Эксмо, 2016. 442 с.
2. Ирхин Ю.В. Институт первых леди США: формирование, признание и очарование // Социально–гуманитарные знания. 2015. №2.
3. Клинтон Б. Моя жизнь. М.: Альпина Паблишер, 2015. 1088 с.
4. Моррис Д., МакГэн Э. Конди и Хиллари: Пути восхождения к власти. М.: Вершина, 2007. 230 с.
5. Немиров А. Дональд Трамп. Провокация успеха. М.: Алгоритм, 2017. 318 с.
6. Трамп Д. Трамп никогда не сдастся. 41 урок лидерства от эксцентричного миллиардера. М., 2016. 310 с.
7. Clinton H.R. Hard Choices. N.Y.: Simon & Schuster, 2014. 830 p.
8. Clinton H.R. What Happened. N.Y.: Simon & Schuster, 2017. 493 p.
9. Enloe C. Patriarchy is Bigger than Donald Trump // Participation. International Political Science Association. Montreal. Canada. 2017. Vol. 41. N.1. 45 p.
10. Horowitz D. Big Agenda: President Trump's Plan to Save America. N.-Y.: Humanix Books, Fl., USA, 2017. 208 p.
11. Kelley C.E. The rhetoric of First Lady Hillary Rodham Clinton. NY: Praeger, 2001. 260 p.
12. Pollak J., Schweikart L. How Trump Won: The Inside Story of a Revolution. N.-Y., 2017. 256 p.
13. Program. 25th World Congress of Political Science «Borders and Margins». 21–25 July 2018. Brisbane, Australia. 2018. 224 p.

Р.Р. Тухватуллин

R.R. Tukhvatullin

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

АДМИНИСТРАЦИЯ Б. ОБАМЫ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

B. OBAMA'S ADMINISTRATION: GENDER DIMENSION

Аннотация. В статье рассматривается жизненный путь и карьера женщин, занявших должности в кабинете президента Б. Обамы. На основе открытых данных показаны их успехи и достижения в профессиональной деятельности: и государственной службе, и бизнесе. Практика назначения на высшие кабинетные должности женщин отражает различные её мотивы, и одновременно является признанием их профессиональных и политических заслуг и достоинств.

Ключевые слова: США, Б. Обама, администрация, Х. Клинтон, Х. Солис, К. Сибелиус, Дж. Наполитано, Л. Джексон, К. Ромер, К. Миллс

Annotation. The article discusses the life and career of women who have held positions in the office of President Barack Obama. On the basis of open data their successes and achievements in professional activity, and public service and business are shown. The practice of appointing women to the highest Cabinet positions reflects its various motives, and at the same time is a recognition of their professional and political merits.

Keywords: USA, B. Obama, administration, H. Clinton, H. Solis, J. Napolitano, K. Sebelius, Ch. Romer, L. Jackson, K. Mills

На протяжении длительного периода по сути все важные и решающие позиции и посты в руководстве США традиционно занимали мужчины. Однако в конце XX – начале XXI вв. назначения женщин на высшие государственные посты стали привычным явлением. Н.А. Шведова справедливо отметила, что в Соединенных Штатах создание возможностей для раскрытия потенциала женщин рассматривается как значимый источник поступательного развития страны [1].

В первые десятилетия XXI века женщины представлены в исполнительных органах власти гораздо шире, чем это был в XX веке. Б. Обама назначил на министерские посты и приравненные к ним должности семь женщин. Х. Клинтон заняла пост государственного секретаря, Х. Солис – министра труда, К. Сибелиус возглавила Министерство здравоохранения и социальных служб, Дж. Наполитано – Министерство внутренней безопасности. С. Райс стала послом (представителем) США в ООН. Агентство по охране окружающей среды возглавила Л. Джексон, Совет экономических консультантов – К. Ромер [23]. Отдельно следует сказать о К. Миллс, которая заняла пост главы

Управления по делам малого бизнеса. Послужной список глав министерств и ведомств был различен, как и степень знания руководимой сферы.

Хиллари Клинтон к 2008 г. имела разнообразный опыт. Участие в протестном движении 1960 гг., адвокатская деятельность, пребывание в статусе первой леди США, подготовка реформы здравоохранения, безусловно, значимый политический и жизненный опыт. В 2000 г. Х. Клинтон была избрана от штата Нью-Йорк в сенат США, в котором она была членом комитета по бюджету (2001-02), комитета по вооруженным силам (2003-09), комитета по окружающей среде и общественным работам (2001-09), комитета по здравоохранению, образованию, труду и пенсиям (2001-09) и специального комитета по проблемам старения [6; 13; 36; 37]. В 2007-2008 гг. она добивалась выдвижения от демократов кандидатом на пост президента, но проиграла Б. Обаме. Таким образом, Клинтон накопила разнообразный и богатый политический опыт, особенно в области внутренней политики. Но её опыт собственно внешнеполитической деятельности и багаж знаний в этой сфере были объективно ограничены. Предложение Обамы занять пост госсекретаря США, поэтому выглядит как политический шаг [27]. Комментаторы обратили, что Обама принял это решение, несмотря на то, что высмеял ее опыт в иностранных делах в качестве первой леди во время кампании [14].

Хильда Солис получила степень бакалавра политических наук и магистра государственного управления. Она исповедует либеральные взгляды, её карьера на различных должностях началась в еще в 1980 гг.: Солис баллотировалась и была избрана в Совет попечителей округа муниципального колледжа Рио Хондо [39]. Далее она являлась главой аппарата сенатора штата А. Торреса [38]. В 1992 г. Солис избирается в Ассамблею штата Калифорния, в которой работала в комитетах, занимающихся вопросами образования, труда и окружающей среды. Затем Солис в 1994 и 1998 гг. была избрана в Сенат Калифорнии, где отстаивала права работников, женщин (особенно в сфере домашнего насилия), а также занималась вопросами образования и здравоохранения. Она возглавляла комитет по труду и, в частности, активно поддержала законопроект о повышении минимальной заработной платы с 4,25 до 5,75 долл.; против чего активно выступали различные организации бизнеса [39]. В 2000 г. Солис баллотировалась и была избрана в Палату представителей Конгресса США от округа, в котором большинство населения и избирателей составляли рабочие азиатского и латиноамериканского происхождения. Её кандидатуру поддерживали Федерация труда округа Лос-Анджелес и экологические организации [38; 39]. В Конгрессе была членом комитета по энергетике и торговле, комитета по природным ресурсам и специального комитета по энергетической независимости и глобальному потеплению, т.е. была известна своей работой по экологическим вопросам. Первоначально Х. Солис поддерживала в президентской кампании кандидатуру Х. Клинтон. После выхода последней из «гонки» Б. Обама стремился обеспечить

поддержку Солис, поскольку это усиливало его позиции среди испаноязычных избирателей. Президент сделал выбор в пользу Солис после того как отпали другие кандидатуры – конгрессмена Д. Бониора и губернатора К. Сибелиус. Выбор Обамы поддержали представители профсоюзов. Энди Стерн, президент Международного союза работников сферы услуг, выступил с заявлением, в котором поддержал выбор президента [28]. Джон Дж. Суини, президент АФТ-КПП заявил: «Мы уверены, что она вернет в Министерство труда одну из основных миссий: защищать основные права работников на рабочих местах нашей страны. Она доказала, что является страстным лидером и защитником всех работающих семей» [32]. Именно тесные связи Солис с профсоюзами и её позиция по трудовым отношениям стали раздражителем для республиканцев, что задержало в итоге её утверждение в должности [11]. В целом, Х. Солис обладала, безусловно, достаточными знаниями и сфере трудовых отношений, имела опыт работы и была хорошо знакома с проблемами в этой сфере. Она стала третьим «испаноязычным» членом кабинета, что отражало стремление демократов и Обамы упрочить позиции в данной группе избирателей.

Послужной список К. Сибелиус был также впечатляющим. Она получила степень бакалавра в политической науке, степень магистра – в государственном управлении [19; 25]. С 1977 г. по 1986 г. Сибелиус была исполнительным директором и главным лоббистом Ассоциации адвокатов Канзаса. Затем с 1987 г. по 1995 г. была членом Палаты представителей Канзаса. В палате Сибелиус получила известность, в частности, поддержкой легализованного аборта (pro-choice) [7]. В 1994 г. она была избрана на должность государственного страхового комиссара Канзаса, чья обязанность – регулирование страховой отрасли. Следующим важным этапом её карьеры стало избрание губернатором Канзаса в 2002 г. На этом посту она оставалась с 2003 г. по 2009 г. Ей в заслугу ставили погашение долга штата в размере 1,1 миллиарда долларов, сохранение системы социальной защиты без повышения налогов, поддержку государственного образования, стремление увеличить число канзасцев, имеющих медицинскую страховку [9; 25]. Первоначально Сибелиус отказалась войти в кабинет Обамы, объяснив это нарастающим бюджетным кризисом штата и ее преданность канзасцам [10]. Обама предполагал на пост главы Министерства здравоохранения и социальных служб экс-сенатора Тома Дэшла, но тот по ряду причин снял свою кандидатуру. Только после этого Сибелиус согласилась с предложением Обамы. Утверждение в должности прошло не просто: за кандидатуру проголосовали 65 сенаторов против – 31. Возражения республиканцев связывали с позицией Сибелиус по абортам и намерениями осуществить перестройку всей системы здравоохранения [12]. В целом, наличие необходимого административного и политического опыта у К. Сибелиус для того, чтобы возглавить министерство, не подвергалось сомнению.

Джанет Наполитано получила степень бакалавра степень области

политических наук, затем получила докторскую юридическую степень. Она работала клерком у судьи Апелляционного суда Соединенных Штатов для девятого округа Мэри М. Шредер, а затем – в юридической фирме в Фениксе [15; 17]. Президентом Б. Клинтон в 1993 г. назначил Наполитано прокурором Соединенных Штатов в округе Аризона. В этом качестве она проводила часть расследования террористического взрыва в Оклахома-Сити, устроенного в Федеральном здании. В 1998 г. она баллотировалась и получила пост генерального прокурора Аризоны. На этом посту она участвовала в написании закона, направленного против контрабанды людей, много внимания уделяла вопросам защиты прав потребителей и совершенствования общего правоприменения. Следует отметить, что Аризону называют «республиканским» штатом с либертарианскими настроениями [17; 20], что затрудняло деятельность демократа с либеральными взглядами. Следующим важным этапом карьеры Наполитано стало избрание в 2002 г. на пост губернатора Аризоны. Она добилась организации детских садов целого дня и программы обучения грамоте, обеспечения финансирования увеличения заработной платы учителей, что требовало поиска компромиссов с республиканцами штата [2; 17]. Именно в период губернаторства Наполитано была принята первая в стране программа внутренней безопасности штата, и был открыт первый контртеррористический центр [20]. В начале 2008 г. Наполитано поддержала кандидатуру Обамы, в декабре избранный президент номинировал её на должность главы Министерства внутренней безопасности. Сенат проголосовал за кандидатуру без особых возражений: путем опроса участвующих в голосовании [16]. Таким образом, послужной список и административный опыт Д. Наполитано не оставили сомнений в правильности данного выбора и её способности справиться с возложенными на неё обязанностями.

Сьюзан Райс получила степень бакалавра истории в Стэнфорде, затем получила степень магистра и доктора философии в международных отношениях в Оксфордском университете. Она представила диссертацию, в которой рассматривался переход Родезии от правления белых к правлению черных [41]. В администрации Клинтона в 1993-1997 гг. она работала специальным помощником президента и старшим директором по африканским вопросам в Совете национальной безопасности при Белом доме, а также директором по международным организациям и поддержанию мира в штате Совета национальной безопасности. Наиболее серьезное назначение произошло в 1997 г. – она стала по рекомендации М. Олбрайт помощником государственного секретаря по делам Африки в возрасте 33 лет [40]. После избрания Дж. У. Буша президентом Райс покинула государственную службу и в 2002 г. стала старшим научным сотрудником в Брукингском институте, где продолжила заниматься исследованиями внешней политики США, положения т.н. несостоятельных государств, проблемами последствий

глобальной бедности и транснациональными угрозами безопасности. Во время президентской кампании 2004 г. Райс была советником Дж. Керри по внешней политике, в 2008 г. - старшим советником по внешней политике в кампании Б. Обамы. В начале декабря 2008 г. Обама объявил о номинировании Райс послом (представителем) США в ООН и заявил, что восстанавливает эту должность на уровне кабинета. Утверждение Сенатом произошло без затруднений – путем опроса участвующих в голосовании [20; 33; 40]. Она стала первой афроамериканской послом США в ООН. Её знания международных отношений, опыт государственной службы и решения международных проблем были достаточны для занятия этой должности.

Лиса Джексон получила степень бакалавра и магистра в химической инженерии, причем последнюю – в Принстоне. После работы в некоммерческой организации «Клин Сайтс» (Clean Sites), занимавшейся заключением сделок по ускорению очистки участков с опасными отходами, в 1987 г. Джексон начала работать в федеральном Агентстве по охране окружающей среды. В 2002 г. она перешла работать в Департамент охраны окружающей среды Нью-Джерси на должность помощника комиссара по вопросам соблюдения и правоприменения и занималась вопросами использования земельных ресурсов [5; 22]. В 2006 г. она была назначена комиссаром (главой) Департамента охраны окружающей среды Нью-Джерси. Джексон, в частности, руководила проверками соблюдения стандартов и требований в Камдене и Патерсоне, общинах, в которых последствия загрязнения окружающей среды долгое время игнорировались [5; 26]. В начале декабря 2008 г. Л. Джексон была назначена губернатором Нью-Джерси на должность руководителя его аппарата. Но вскоре Б. Обама предложил кандидатуру Джексон на должность Администратора Агентства по охране окружающей среды. Утверждение в Сенате прошло путем опроса участвующих в голосовании, Джексон вступила в должность 23 января 2009 года. Таким образом, она стала первой афроамериканкой, возглавляющей это агентство. Уровень её профессиональной подготовки и достижения в деле охраны окружающей среды под сомнения не ставились [29; 35].

Кристина Ромер до 2009 г. к государственной службе в каком-либо качестве отношения не имела. Она получила экономическое образование, защитила диссертацию в Массачусетском технологическом институте, начала работать в Принстонском университете, а затем продолжила в Калифорнийском университете в Беркли. Одна из тем её исследований – причины Великой депрессии в Соединенных Штатах и пути выхода из неё. Другая вечно актуальная проблема – выявление влияния налоговой политики на управление и на общий экономический рост [21; 24]. Глубокие знания в этой сфере стали причиной выдвижения Ромер на пост председателя Совета экономических консультантов. Хотя первоначально Ромер, получив электронное письмо с предложением о встрече, не поверила в реальность происходящего. Уже в конце 2008 г. она вместе с Л. Саммерсом, который стал позже директором

Национального экономического совета при президенте Обаме, и П.Р. Орсагом, будущим директором Бюджетного управления, представила избранному президенту рекомендации по т.н. стимулирующему пакету [3; 31].

Карен Миллс получила степень бакалавра экономики в Гарвардском университете, а затем степень магистра делового администрирования в Гарвардской школе бизнеса. В 1980-1990 гг. и в начале XXI в. Миллс занималась развитием малого бизнеса. Она занималась инвестированием и управлением небольшими производственными фирмами, которые занимались, например, литьем под давлением пластмасс, штамповкой металлов и паркетными полами, двигателями для холодильников. У неё был опыт управления бизнесом во время рецессии 1991-1992 годов, что в условиях 2008 г. было весьма ценным. Кроме того, Миллс является сторонником развития региональных инновационных кластеров, которые представляют географические группировки смежных отраслей (подобно технологическим компаниям в Силиконовой долине) и могут делиться ресурсами, идеями и человеческим капиталом. Она организовала создание кластера специализированных продуктов питания в штате Мэн, с тем, чтобы использовать преимущества местного сельского хозяйства (черника, картофель, лобстеры и рыба) [18]. В 2007 г. губернатор штата Мэн Дж. Балдаччи назначил Миллс председателем Совета по конкурентоспособности и экономике штата Мэн. В этом качестве она свои усилия сосредоточила на инициативах регионального развития, включая региональный экономический кластер с индустрией судостроения штата Мэн [4]. Вполне закономерно, что Б. Обама во время пресс-конференции в Чикаго в декабре 2008 г. отметил: «С Карен Миллс в качестве администратора у американского малого бизнеса будет партнер в Вашингтоне, который поможет им создать рабочие места и понять проблемы, с которыми они сталкиваются». Сенат единодушно утвердил кандидатуру К. Миллс [30; 34]. Во время пребывания Миллс во главе Управления в 2012 г., её должность была повышена до ранга члена Кабинета [34]. Таким образом, как и в случаях с Л. Джексоном и К. Ромером, К. Миллс обладала достижениями и огромным опытом деятельности в сфере, за которую она теперь несла ответственность, и её профессионализм не подвергался сомнению.

В целом, рассматривая практику назначения женщин на руководящие посты в администрации Б. Обамы, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев выдвижение их на должность обуславливалось знанием предмета будущей деятельности, административным опытом или иными заслугами. Влияние политического фактора на выбор президента наиболее очевидно в случае с Х. Клинтон. Следует также отметить, что важным ресурсом демократов становится привлечение на высшие должности в федеральной исполнительной власти губернаторов, сочетавших как собственный разнообразный опыт деятельности, так и занимавших вполне определенную политическую позицию. Женщины в администрации Б. Обамы представляли, кроме того, расово-этническое разнообразие Соединённых Штатов. Здесь

следует кроме выше отмеченного, что Л. Джексон – афро-американка, а отец Дж. Наполитано – итальянского происхождения.

Список литературы

1. Шведова Н.А. Женщины в США: механизм гендерного равенства [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenshchiny-v-ssha-mehanizm-gendernogo-ravenstva> (дата обращения: 16.05.2019)
2. 10 Things You Didn't Know About Janet Napolitano [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.usnews.com/news/articles/2008/11/24/10-facts-about-janet-napolitano> (дата обращения: 16.05.2019)
3. The \$787 Billion Question [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fandd/2013/03/people.htm> (дата обращения: 16.05.2019)
4. About Karen [Электронный ресурс]. – URL: <http://karengmills.com/about-karen/> (дата обращения: 16.05.2019)
5. About Commissioner Lisa P. Jackson [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20070927183737/http://www.state.nj.us/dep/commissioner/bio.html> (дата обращения: 16.05.2019)
6. About Hillary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hillaryclinton.com/about/> (дата обращения: 16.05.2019)
7. Activists criticize abortion legislation [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.google.com/newspapers?id=rWZAAAAAIBAJ&sjid=V1cMAAAAIBAJ&pg=4006,1803506&dq=kathleen+sebelius&hl=en> (дата обращения: 16.05.2019)
8. Ambassador Susan Rice [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.salt.org/bio-rice-susan> (дата обращения: 16.05.2019)
9. America's 5 Best Governors: Kathleen Sebelius | Kansas [Электронный ресурс]. – URL: <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,1129537,00.html> (дата обращения: 16.05.2019)
10. Governor takes herself out of contention for cabinet post [Электронный ресурс]. – URL: https://web.archive.org/web/20110805231355/http://cjonline.com/stories/120708/kan_364611825.shtml (дата обращения: 16.05.2019)
11. GOP-ers may block Solis confirmation [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.politico.com/story/2009/01/gop-ers-may-block-solis-confirmation-017538> (дата обращения: 16.05.2019)
12. Health Secretary Sebelius Confirmed By Senate [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/health-secretary-sebelius-confirmed-by-senate/> (дата обращения: 16.05.2019)
13. Hillary Clinton [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.britannica.com/biography/Hillary-Clinton> (дата обращения: 16.05.2019)
14. Hillary Clinton's Last Tour as a Rock-Star Diplomat [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2012/07/01/magazine/hillary-clintons-last-tour-as-a-rock-star-diplomat.html> (дата обращения: 16.05.2019)

15. Janet Napolitano [Электронный ресурс]. – URL: <https://theconversation.com/profiles/janet-napolitano-185708> (дата обращения: 16.05.2019)
16. Janet Napolitano [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nytimes.com/interactive/projects/44th_president/new_team/show/janet-napolitano (дата обращения: 16.05.2019)
17. Janet Napolitano and the New Third Way [Электронный ресурс]. – URL: <https://prospect.org/article/janet-napolitano-and-new-third-way> (дата обращения: 16.05.2019)
18. Karen Mills <https://web.archive.org/web/20100406001115/http://www.themainmag.com/profiles/1164-karen-mills-small-business-administrator.html> (дата обращения: 16.05.2019)
19. Kathleen Sebelius [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.forbes.com/profile/kathleen-sebelius/#12ef94f5261> (дата обращения: 16.05.2019)
20. Key members of Obama-Biden national security team announced [Электронный ресурс]. – URL: https://web.archive.org/web/20081201182614/http://change.gov/newsroom/entry/key_members_of_obama_biden_national_security_team_announced/ (дата обращения: 16.05.2019)
21. Lessons from the Great Depression for economic recovery in 2009 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.brookings.edu/~media/Files/events/2009/0309_lessons/0309_lessons_romer.pdf (дата обращения: 16.05.2019)
22. Lisa P. Jackson [Электронный ресурс]. – URL: <https://pubsapp.acs.org/cen/coverstory/88/8819cover.html> (дата обращения: 16.05.2019)
23. List of Cabinet and Cabinet Level Officers at White House website [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20090214045627/http://www.whitehouse.gov/administration/cabinet/> (дата обращения: 16.05.2019)
24. The macroeconomic effects of tax changes: estimates based on a new measure of fiscal shocks [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20081202234611/http://emlab.berkeley.edu/users/cromer/draft1108.pdf> (дата обращения: 16.05.2019)
25. Meet Kathleen [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20060927190652/https://www.ksgovernor.com/ShowPage.asp?page=bio.asp> (дата обращения: 16.05.2019)
26. More Obama Cabinet Nominees Confirmed [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2008/12/11/us/politics/11web-jackson.html> (дата обращения: 16.05.2019)
27. Obama, Clinton discussed secretary of state job <https://www.reuters.com/article/us-usa-obama-clinton/obama-clinton-discussed-secretary-of-state-job-idUSTRE4AD04820081114> (дата обращения: 16.05.2019)
28. Obama to Announce Final Cabinet Picks [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/12/18/AR2008121804057.html> (дата обращения: 16.05.2019)
29. Obama picks N.J. official to lead environmental agency [Электронный

ресурс]. – URL: https://www.nj.com/news/2008/12/obama_picks_nj_official_to_lea.html (дата обращения: 16.05.2019)

30. Obama Taps Venture Capitalist to Head Small Business Administration <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/12/19/AR2008121902112.html> (дата обращения: 16.05.2019)

31. The Obama Memos [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2012/01/30/the-obama-memos> (дата обращения: 16.05.2019)

32. Picks for Labor and Trade Positions Disagree on Policy [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2008/12/19/us/politics/19obama.html> (дата обращения: 16.05.2019)

33. Profile: Susan Rice [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-20722189> (дата обращения: 16.05.2019)

34. SBA administrator Karen Mills stepping down [Электронный ресурс]. – URL: https://www.washingtonpost.com/blogs/on-small-business/post/sba-administrator-karen-mills-stepping-down-agency-sources-confirm/2013/02/11/2bfef99c-7464-11e2-8f84-3e4b513b1a13_blog.html?utm_term=.75fa55d120b3 (дата обращения: 16.05.2019)

35. Senate confirms Lisa Jackson as EPA administrator [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nj.com/news/2009/01/senate_confirms_lisa_jackson_a.html (дата обращения: 16.05.2019)

36. Senator Hillary Rodham Clinton [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20071011195718/http://clinton.senate.gov/senate/committees/index.cfm> (дата обращения: 16.05.2019)

37. Senate Temporary Committee Chairs [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20070707064827/http://www.lib.umich.edu/govdocs/congress/sncom012.html> (дата обращения: 16.05.2019)

38. Solis confirmed as Labor secretary [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20110722142216/http://www.wavenewspapers.com/news/local/east-edition/40261552.html> (дата обращения: 16.05.2019)

39. Solis Prepares to Take Another Step Up [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2000-dec-28-me-5513-story.html> (дата обращения: 16.05.2019)

40. Susan Rice Biography [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.biography.com/political-figure/susan-rice> (дата обращения: 16.05.2019)

41. U.N. Ambassador: Susan E. Rice [Электронный ресурс]. – URL: http://content.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,1863062_1863058_1863641,00.html (дата обращения: 16.05.2019)

Конкурс студенческих исследовательских проектов
КОНКУРС СТУДЕНЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ
«ГЕНДЕРНЫЕ РЕЖИМЫ ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ»

УДК 305

В.Ю. Иванов

V.Yu. Ivanov

Башкирский государственный университет (Уфа, Россия)

ТАНЦЫ НЕ ДЛЯ ВСЕХ

DANCES NOT FOR EVERYBODY

Аннотация. Большинство людей хотя бы раз в жизни были на концерте. Многие на рок-концерте. И уже намного меньшее количество, на панк- или тем более хардкор-концерте. Цель данной работы – изучить взаимодействия и мнения разных сторон культурного обмена с точки зрения гендерного анализа, т.е. описать гендерную коммуникацию в данных условиях. Основным методом исследования является включенное наблюдение. В ходе исследования, автор пришёл к заключению, что подобные исследуемому событию обладают рядом проблем в сфере гендерного равенства, решение которых возможно и происходит естественным путём.

Ключевые слова: гендер, панк и гендер, неравенство концерты, гендер музыка

Annotation. Most people have been at a concert at least once in their lives. Many at a rock concert. And already a much smaller number, at a punk or even more so hardcore concert. The purpose of this work is to study the interactions and opinions of various aspects of cultural exchange in terms of gender analysis, i.e. describe gender communication in these conditions. The main research method is included observation. During the study, the author came to the conclusion that such events under investigation have a number of problems in the field of gender equality, the solution of which is possible and occurs naturally.

Keywords: gender, punk and gender, gender equality concerts, gender music

Большинство людей хотя бы раз в жизни были на концерте. Довольно многие присутствовали на рок-концерте. И уже намного меньшее количество может похвастаться тем, что были на панк- или тем более хардкор-концерте, который стал предметом нашего анализа.

Напомним, что в целом концерт – это особое социальное и временное пространство, для которого характерны следующие признаки:

- общественный статус участников культурного обмена разнороден (на одном концерте могут проводить время люди разных профессий, возраста, материального положения и т.д.);

«Гендерные режимы глазами молодых исследователей»

- устанавливаемые на концерте социальные связи и взаимодействия в большинстве случаев носят временный характер;
- на концерте стираются границы личного и социального пространства, возможность уединения только за пределами площадки концерта

Как в любом другом социальном пространстве, на концерте существуют свои приемлемые для мужчин и женщин правила, нормы поведения.

Цель данной работы – изучить взаимодействия и мнения разных сторон культурного обмена с точки зрения гендерного анализа, т.е. описать гендерную коммуникацию в условиях хардкор-концерта. Можно выделить два основных аспекта исследования:

- рассмотреть внутреннюю структуру концертного мероприятия (проанализировать занятия и отношения женщин и мужчин, паттерны и причины их взаимодействия или его отсутствия).
- проанализировать логику действий, которая разделяет зрителей хардкор-концерта по половому признаку, а также отношения самих участников к подобному разделению и к различным социальным группам.

Данные получены методом включенного наблюдения. Основными действующими силами в рамках исследования были три субъекта культурной сделки: производитель (музыканты), коммуникатор (организатор) и потребитель (зритель). У всех сторон происходящего культурного обмена были собраны интервью по основным целям исследования.

Местоположение и цена концерта были доступны всем группам населения, кроме несовершеннолетних ввиду внутренней политики заведения. На концерте исполнялась музыка в жанре «хардкор», что привнесло ряд особенностей в составе аудитории, что по словам организатора и музыкантов является привычным и стандартным положением дел. Данный жанр в массе своей ориентирован на мужскую аудиторию и ей же потребляется.

Межполовые вопросы были подняты в ходе интервьюирования. Организатор и музыканты отметили то, что большинство зрителей приходит на концерт в смешанных компаниях. Это же можно было наблюдать визуально. Следующим составом приходящих по популярности были гетеросексуальные пары, а затем исключительно мужские компании. И парни, и девушки различных возрастов в большинстве своём открыты к межполовым знакомствам. Определённый процент посетителей приходит с целью знакомства романтического толка.

Однако поведение во время того, как играет музыка, значительно отличается от подобной открытости и для того, чтобы понять, с чем это связано, стоит рассмотреть мошпит как внутренний феномен хардкор-концертов. Мошпит – это часть сцены, в которой происходит мош. Мош – это характерный для хардкор-музыки танец, движения которого очень сходны с первобытными танцами. Участники моша входят в своеобразный «транс» и активно двигаются, как сами, так и провоцируют столкновения с другими участниками танца. Таким образом, танец становится агрессивным и может стать травмоопасным.

Однако, в субкультуре хардкор-концертов, существует определённая этика танца, значительно понижающая возможность быть раненым в ходе моша.

Что же такого происходит в мошпите, что разделяет гендерное поведение? Агрессивность самого танца часто приводит к травмам и «слабых телом» там не ждут по причине опасности для них же самих. И, естественно, к девушкам подобное определение и отношение является привычным для нашего общества. Обычно вовремя мошпита девушки стоят у самой сцены, под «защитой» своих парней или добровольцев способных помочь, разделяющих мошпит от них.

Является ли такое разделение оправданным? В современной культуре хардкор-музыки в мировом масштабе уже давно нет. Конечно же девушек не стоит втягивать в насильственный танец вопреки их желанию, как не стоит и вообще никого. Однако оберегать мошпит от женских посягательств и допускать туда худых андрогинных юношей как минимум достаточно противоречиво. Тем более если учесть, что все остальные аспекты, включая гендерный состав музыкантов, уже давно продвигаются к равному распределению, с появлением популярных хардкор-групп со смешанным составом.

Несмотря на то, что вопрос толерантности к сексуальным меньшинствам не был одной из изначальных целей исследования, в процессе стало очевиднее, что это одна из самых крупных проблем в условиях молодёжного хардкор-концерта. При малейшем упоминании ЛГБТ-сообщества в интервью, реакция опрашиваемых была шумной и иногда агрессивной. При опросе музыкантов неоднократно употреблялись оскорбления по признаку сексуальной ориентации, несмотря на утверждение толерантного отношения. Тогда, когда опрос не вёлся, можно было заметить обсуждение данной темы с открытым пренебрежением и агрессией в сторону сообщества. Так же все респонденты из числа публики резко отрицательно отреагировали на вопрос о возможностях наличия лиц нетрадиционной сексуальной ориентации на концерте и возможности их романтического интереса в условиях данного мероприятия.

Таким образом, подводя итоги исследования, можно сказать, что гендерный порядок независимого хардкор-концерта является неоднородным. Не все активности в ходе мероприятия являются нейтральными по отношению к половой принадлежности участвующих, однако большинство из них является такими. Временное сообщество открыто к межполовым контактам внутри себя и в ходе общения между мужчинами и женщинами не происходит конфликтов на основе позиции авторитета кого-то из них. Однако в столь разнообразном временном сообществе остаются отпечатки пассивной гомофобии, проявления которой заметны даже без попыток её найти. В ходе исследования автор пришёл к заключению, что подобные исследуемому событию обладают рядом проблем в сфере гендерного равенства.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ В КАФЕ

GENDER ASPECTS OF WORKING IN CAFE

Аннотация. Статья посвящена анализу результатов опроса о наличии гендерных стереотипов в коллективе кафе. Вопросы опроса были посвящены распределению обязанностей в зависимости от гендерной принадлежности, премирование работников, а также предпочтения в блюдах.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, гендерный режим, стереотипы в пищевой культуре

Annotation. The article is devoted to parsing results on the presence of gender stereotypes in the cafe team. The survey questions were devoted to the distribution of responsibilities depending on gender, employee bonuses, and preferences in dishes.

Keywords: gender stereotypes, gender mode, stereotypes in food culture

Ресторанный бизнес и в целом пищевая культура, несет в себе большое количество сложившихся стереотипов. Так, считается, что дома за приготовление пищи отвечает женщина, которая к приходу с работы голодного мужа, отца, брата готовит горячий ужин. Но при этом в обществе есть мнение, что лучшие повара «высокой», «ресторанной» кухни – именно мужчины.

Отдельным вопросом стоят предпочтения в выборе блюда. Существует мнение, что девушка закажет салат или же рыбу, а мужчина первое, второе, то есть большие и калорийные блюда. Также кажется совершенно логичным, если девушка в дополнение к основному блюду закажет десерт с кофе или фруктовым фрешем; мужчина же чаще всего ассоциируется с бокалом пива и соответствующими пивными закусками. Это находит отражение и в психологии поведения. Так, например, как писали в авторитетном *The Wall Street Journal*, на первом свидании или встрече при выборе еды люди руководствуются гендерными установками только потому, что хотят произвести правильное впечатление на собеседника. Похожую мысль высказал Тео Ливен в книге *The Effect of Brand Gender on Brand Equity*: потребители чаще выбирают товары с четко выраженной половой сегментацией, так как это помогает связать образ бренда со своей собственной личностью [2].

В современном обществе укоренился миф о феминности и маскулинности пищевой индустрии, что делает еду средством гендерной самоидентификации. Данная тенденция продолжает развиваться и в маркетинге, поскольку реклама продуктов питания, их внешний вид также подчеркивает гендерную

принадлежность. В рекламных роликах перед нами чаще всего предстают стройные девушки с фруктами, овощными салатами, йогуртами для пищеварения и прочим; сложно встретить рекламу, где девушка будет с удовольствием, есть бургер. И наоборот -алкогольную и мясную продукцию обычно «продают» представители мужского пола. Эмоциональное отношение к еде как врагу или другу является частью процесса психологизации культуры питания в пищевой феминной культуре. В то же время здоровый аппетит, утоление чувства голода, калорийное питание в маскулинном типе потребления пищи воспринимается одобрительно [3]. В данном исследовании мы постарались разобраться, насколько распространены данные стереотипы среди сотрудников кафе, а также их достоверность.

В проведенном анонимном опросе приняли участие все сотрудники коллектива – 18 человек, независимо от занимаемой ими должности, девять женщин и девять мужчин. Большая часть опрошенных, 15 человек, сталкивались с гендерными стереотипами в коллективе. При этом практически в равном процентном соотношении поделились голоса о гендерной принадлежности этих стереотипов.

В рассмотренном коллективе обязанности управляющего исполняет молодая девушка; повара, на момент исследования – только мужчины; должности барменов и официантов распределены среди юношей и девушек; пекарем является женщина; бухгалтер и уборщица – женщины. К обязанностям официантов относится выдача заказов посетителям, уборка столиков; бармены отвечают за прием заказов, приготовление напитков. Посетители делают свои заказы на кассе, за барной стойкой.

Большинство столиков рассчитаны на компанию из 4 человек, также есть общий стол для большого количества посетителей. В меню имеются бургеры, с различным наполнением: мясные (с дополнительными котлетами, большим количеством сыра и т.п.), с морепродуктами и вегетарианский; есть супы, салаты, закуски. В баре можно заказать кофе, молочные коктейли, пиво. В ресторане также имеются уборные комнаты, отдельные для каждого пола, отдельной зоны для детей нет. На дверях уборных написано «men» (мужской) и «women» (женский), что как бы соответствует тематике заведения американской бургерной. Однако даже у русскоговорящего населения возникают шутки касательно такого деления: men в переводе с английского в первую очередь означает человек – значит, один туалет предназначается для людей, а второй для женщин. Раздевалка у персонала общая, не отдельная, поэтому возникают некие трудности. Парни, как правило, не закрывают дверь, когда переодеваются, а девушки ждут, когда переоденутся парни и только потом заходят, однако так делают не все. Кто-то из девушек считает, что нет ничего постыдного находиться в нижнем белье перед мужчинами, ведь в купальниках ходить нормально.

На вопрос о вкусовых предпочтениях у мужчин и женщин почти все ответили

«Гендерные режимы глазами молодых исследователей»

о наличии таковых. Были отмечены в заказе напитков: мужчины предпочитают горький и крепкий алкоголь, девушки сладкие и малоалкогольные. Есть различия и в кофейных напитках: девушки предпочитают напитки с молоком – латте, парни же – американо. Также в ресторане замечены предпочтения в бургерах: мужчины заказывают бургеры с мясом, а девушки и люди с нетрадиционной ориентацией – с морепродуктами и веган-бургеры. Это во многом подтверждает мнение о предпочтениях у женщин более легкой пищи, а у мужчин калорийной и сытной. Как было сказано ранее, официанты лишь выносят еду и напитки, поэтому они не знают, кто и что именно заказал. Поэтому если за столом сидят девушка и парень, то заказанное пиво официант поставит скорее парню, а минералку или капучино девушке. Именно такие стереотипы отметили сотрудники в опросе.

Как и в любой сфере в ресторане бывают часы наиболее повышенного спроса, когда количество посетителей и заказов достигает пика. На основании опроса было выяснено, что 12 опрошенных считает, что панике подвержены в равной степени оба пола, 6 считает, что стрессу подвержены женщины, и ни одного ответа в пользу мужчин. Каких-либо научных исследований, где говорилось бы, что женщины более эмоциональны, а мужчины сдержаны, нам не удалось найти, а нейробиологи напоминают нам, что мозг – чрезвычайно сложный орган. Его отделы четко не отвечают за конкретные функции. И нет никаких оснований говорить о чисто женском и чисто мужском способе мышления. Мозг каждого человека уникален, и каждый человек не похож на другого. На поведение, таланты, темперамент и другие особенности скорее влияет воспитание, культурная и социальная среда, стереотипы.

Как мы уже отмечали, практически каждая женщина является поваром для своей семьи, однако, приходя в какое-либо заведение, людям хочется, чтобы их блюда готовили именно мужчины. С чем связан стереотип о том, что лучшие повара – это мужчины и так ли это на самом деле? Действительно, большинство опрошенных полагают, что мужчины готовят лучше, второе место поделили мнения о том, что качество блюд зависит от умений человека, независимо от пола и о том, что хорошо готовят и те, и другие. Вариант, в котором женщина готовит лучше, не отметил никто. Существует мнение, что женщины на кухне отбывают повинность, а мужчины творят. Это на самом деле так, потому как для женщины готовка непременно ассоциируется с долгом, что умаляет ее кулинарные способности. Мужчину напротив ничего не связывает с кухней, потому слово «готовить» для него стоит на одном месте со словом «созидать». Безусловно, существуют великие повара женщины, но в процентном соотношении их намного меньше, чем мужчин, поэтому существует стереотип о том, что мужчины лучшие повара.

Далее участникам опроса было предложено представить себя в роли владельцев заведения, и первый вопрос касался приёма на работу новых сотрудников. Очевидно, что на должность повара, участники поставили

мужчину и только один человек ответил, что пол не имеет значения. По поводу должности уборщика мнения разделились: 12 человек отдали бы эту должность женщине, а для 6 опрошенных пол не играл здесь значения. Но голос за мужчину не отдал никто. Скорее всего, это связано со стереотипом о том, что уборка – это женское занятие. Женщина всегда была хранительницей очага и привыкла к постоянным домашним заботам. Поэтому она, в первую очередь, следит за поддержанием чистоты: старается сразу складывать вещи на места, не разбрасывать ничего, сразу моет посуду после еды, проводит косметическую уборку каждый день. Мужчина, напротив, с давних времен проводил дома лишь малую часть дня, и в бытовом плане у него выработалась неорганизованность и некоторая рассеянность. Поэтому порядок он не поддерживает. Такая позиция перешла и из сферы семейных отношений в трудовые. Мужчина – охотник, защитник, уборка – это исключительно женское занятие. Однако, в современном обществе охота это хобби, защита семьи – обязанность государства, поэтому данный стереотип уже изжил себя.

На должность официанта 7 участников из 18 приняли бы девушек, остальные выбрали вариант «не имеет значение», но на должность бармена большинство участников наняли бы парня, что подразумевает работу с алкогольными напитками мужским занятием. И действительно, в обществе развит стереотип о том, что женщина вообще не должна прикасаться к алкоголю и вообще иметь какие-либо вредные привычки. Это связано с тем, что именно женщина вынашивает ребёнка и от ее здоровья многое зависит. Данный стереотип, на наш взгляд, оберегает женщину от алкоголизма. В начале XX века соотношение мужчин и женщин, страдающих алкогольной зависимостью, не превышало 12:1. Сегодня ситуация в корне изменилась: женщины составляют пятую часть всех больных алкоголизмом, то есть в этой печальной статистике женщины скоро придут к равенству с мужчинами.

Мнения по поводу того, кого же поставить на должность управляющего заведением, разделились. Возможно, это связано с тем, что сейчас эту должность занимает девушка, и кто-то поддерживает её умение управлять людьми, а кто-то не видит в ней лидера и считает, что лучше на это место поставить мужчину.

На должность охранника, как и следовало ожидать, опрошенные поставили бы мужчину и только один участник отметил женщину. У людей защита ассоциируется с силой. Однако в современном мире не обязательно владеть чёрным поясом по каратэ, чтобы всех обезопасить. Сейчас существуют системы видеонаблюдения, различные сигнализации и техники обезвреживания преступников. Редко возникают ситуации, в которых охранник дерётся с преступником и демонстрирует свою мощь. Чаще всего в каких-либо конфликтных ситуациях охранник всего лишь вызывает полицию или группу быстрого реагирования (ГБР), а до их приезда ведёт переговоры с преступником. Для этого не обязательно быть мужчиной, лучше быть хорошим

психологом.

На должность бухгалтера большинство участников взяли бы женщину, меньше половины отметили вариант «не имеет значения». Бухгалтер, таким образом, тоже у многих ассоциируется с женской профессией. Бухучёт – это рутинный труд, а мужчины не любят рутинной работы. Ко всему мужчина-бухгалтер не отличается трудолюбием. А вот женщинам свойственны и усидчивость, и трудолюбие, и умение превозмочь себя, чтобы не отказаться от рутинной, но нужной для предприятия работы. Также финансовые вопросы, как нам кажется, скорее, доверят женщине, нежели мужчине. Во властной структуре преобладающее число составляют мужчины, а там, где, власть, там деньги, а значит, по мнению граждан, коррупция и воровство.

Рассмотрев данный блок опроса, можно прийти к выводу, что сотрудники делят профессии на мужские и женские. В большинстве обществ взаимоотношения между полами складываются в пользу признания большей значимости мужских занятий. По меткому замечанию М. Мид «мужчины могут стряпать, ткать, одевать кукол или охотиться на колибри, но если эти занятия считаются мужскими, то все общество, и мужчины, и женщины, признают их важными. Если то же самое делают женщины, такие занятия объявляются менее важными» [1].

Также участникам как управленцам данного заведения необходимо было решить, кого премировать, при условии, что все выполняют свою работу в равно хорошей степени. Были предложены следующие социальные группы: Семейный мужчина, Холостой мужчина, Незамужняя женщина, Мать-одиночка, Замужняя женщина с детьми/без детей. 12 сотрудников предпочли бы финансово поддержать мать одиночку, 2 человека замужней женщине с детьми, остальные распределили бы премию между всеми. При этом в следующем вопросе отношение к матери с ребенком уже другое. 8 опрошенных предпочли бы отказать в приеме на работу именно женщине с маленьким ребенком, только 10 сотрудников обратят внимание на стаж работы человека. Такие варианты, как женщине, которая недавно вышла замуж и человеку с нетрадиционной сексуальной ориентацией не являются причиной для отказа в приеме. Скорее всего, это связано с мнением, что женщина с маленьким ребенком будет чаще брать больничные отпуска, реже будет соглашаться подменять коллег.

Следующий блок вопросов был посвящен отношению к людям с нетрадиционной ориентацией. 14 опрошенных подтвердили, что они обращают внимание на пары, которые кажутся однополыми. И у них это вызывает различные эмоции. 7 безразличны к этому факту, 5 испытывает интерес, а 2 испытывает неприятные эмоции и агрессию. Также для всех участников ориентация не является условием для непринятия на работу. Было высказано мнение, что сексуальная ориентация не влияет на качество работы, большее значение имеет компетенция и квалификация работников, их активность. В целом в коллективе не выявлен факт гомофобии, можно говорить только о

выделении людей с нетрадиционной ориентацией из числа общих посетителей, но оно не несет в себе негативных последствий.

Кафе и рестораны часто выбираются местом встречи, сюда можно прийти просто перекусить, встретиться с друзьями, провести обеденный перерыв с коллегами или же провести свидание со своим партнером. В связи с этим в обществе существует некая установка, что в случае, если девушка приходит в компании молодого человека, он должен оплатить счёт. Но с увеличением феминистических настроений, все больше девушек предпочитают оплачивать блюда самостоятельно.

В смешанной компании почти всегда каждый платит сам за себя. При этом если дело касается разнополой пары, то 15 человек подтвердили факт оплаты счёта мужчиной. В однополой паре 7 ответили, что каждый платит сам за себя, 10 затрудняется ответить. Это во многом подтвердило мнение, что по этикету, на свидание должен пригласить мужчина и взять все расходы на себя. Это остается актуальным несмотря на то, что сейчас женщины во многом эмансипированы и финансово независимы.

Подводя итоги, отметим, что мы рассмотрели проявление гендерных стереотипов лишь на маленьком коллективе кафе со средним ценовым диапазоном, однако, чтобы выявить данные стереотипы, мы проанализировали существующие штампы в обществе и лишний раз убедились в их укорененности в наше время. Но существует и положительная тенденция. Несмотря на то, что в коллективе существуют гендерные стереотипы, к людям с нетрадиционной ориентацией они не относятся. В заключение следует отметить, что перед современными молодыми исследователями стоит сложная задача: исследовать не просто гендерные стереотипы, а внутренние механизмы, порождающие их, знание которых позволит искоренить неравенство в обществе.

Список литературы

1. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения / Пер. с англ. Ю.А. Асеева. – М.: Наука, 1988. – 430 с.
2. Мужское и женское: как правильно использовать гендерный подход в ресторанном маркетинге? URL: <https://www.cre.ru/analytics/71149/> (дата обращения: 11.05.2019).
3. Убайдулаева А.Т. Исследование гендерных стереотипов в пищевой культуре // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XLI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 4(40). URL: [https://sibac.info/archive/social/4\(40\).pdf](https://sibac.info/archive/social/4(40).pdf) (дата обращения: 22.04.2019)

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ПАО «ГАЗПРОМ»)

GENDER POLICY IN MULTINATIONAL COMPANIES (ON THE EXAMPLE OF PJSC «GAZPROM»)

Идея объединения в одном коллективе, в одной компании людей с подчас противоположными религиозными и политическими взглядами, разной культурой, мировоззрением, этническим происхождением, не говоря уже о поле и возрасте, может дать поистине удивительные результаты. Социокультурное многообразие является нормой для многонациональной и многоконфессиональной России. Рабочие команды с таким пестрым составом являются более гибкими к быстро изменяющимся условиям, быстрее находят оптимальные решения, прививают своей компании образ инновационный и отвечающий духу времени.

Темы гендерного баланса и социокультурного многообразия весьма популярны в современных компаниях, и это не случайно. Благодаря глобализации появилась возможность привлекать для работы в транснациональных компаниях сотрудников из разных стран и континентов, что повлекло за собой сопутствующие проблемы. Соотношение мужчин и женщин в рабочем коллективе занимает мир уже давно, но лишь недавно достижение гармонии в нем стало рассматривать как достаточно важный фактор для повышения эффективности функционирования бизнеса. Однако работ по теме гендерного баланса в крупнейших транснациональных компаниях слабо изучено.

Необходимо отметить, что исторически сложившийся перевес мужчин на производстве и в бизнесе лишь последние 50-60 лет стал сокращаться, и женщины получили возможность занимать не только рядовые, но и руководящие позиции в компаниях. На данный момент женщина-руководитель среднего или даже высшего уровня уже никого не удивляет. В России ситуация ничем существенно не отличается, в том числе и от развитых стран Запада: как и почти везде, женщины у нас работают наравне с мужчинами.

²Работа участвовала в заочном этапе конкурса

ПАО «Газпром» предлагает обширные возможности и ресурсы для профессионального развития и роста своих сотрудников вне зависимости от пола, однако в данной компании видна доминирующая роль мужчин в компании.

Таблица 1 – Среднесписочная численность персонала ПАО «Газпром» в разбивке по полу (2012-2016 гг.)

	2016	2015	2014	2013	2012
Мужчины	36 649	37 574	34 679	34 816	35 443
Женщины	24 349	24 288	22 836	21 159	19 386

В большей степени это зависит от характера работы данной компании. Большая часть работы связана с добычей и реализацией нефтепродуктов, куда преимущественно идут мужчины. На сегодняшний день компания берет сотрудников на любые высокие позиции, рассматривая не гендерную принадлежность кандидатов, а их опыт и достижения. Возможно, что в скором времени в среде топ-менеджеров данной компании и совета директоров будут представители женщин.

Отметим, что сегодня в России женщины – топ-менеджеры – далеко не редкость. К примеру, в UC Rusal должность директора по персоналу занимает Виктория Петрова, в числе партнеров компании «Уралсиб» – Галина Мельникова, Марала Чарыева возглавляет ООО «Росинтер рестораны». Вместе с тем, специфические вопросы регулирования гендерных отношений в менеджменте, управлении персоналом в научной литературе практически не освещены. Вопросы необходимости проведения гендерной политики на уровне предприятий и организаций, в том числе в сфере практической деятельности по управлению персоналом, человеческими ресурсами являются своего рода «белым пятном», будучи заслоненными большим количеством других проблем.

Тем не менее, как справедливо указывает Ю.П.Лошакова [2], гендерные отношения в трудовой сфере становятся все более актуальной темой исследований в мировой науке, а топ-менеджмент корпораций все чаще воспринимает этот аспект управления персоналом как важное направление деятельности своих компаний. Гендерно-чувствительное управление персоналом положительно влияет не только на удовлетворенность сотрудников, но и на их эффективность. Такое управление способствует созданию комфортной рабочей атмосферы, которая дает возможность более эффективно актуализировать и развивать профессиональную компетентность сотрудников мужского и женского пола, а также развивать гендерно-толерантные качества управляющего персонала. Степень вовлеченности женщин в руководство компаниями значительно влияет на результативность их деятельности, а гендерное разнообразие привносит дополнительные конкурентные преимущества.

Список литературы

1. Официальный сайт компании ПАО «Газпром». «Коллектив компании «Газпром» – ее основная ценность». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazprom.ru>
2. Лошакова Ю.П. Гендер как фактор социальной дифференциации в крупных компаниях (на примере России и Швеции): автореф. дис... канд. социолог. наук. СПб. 2013. 24 с.
3. Михаил Малыхин Гендерный баланс // Газета Ведомости. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/publications/?view=9786> (дата обращения 10.06.2019)

Для заметок

[illegible]

Для заметок

[illegible]

Подписано в печать: 16.07.19
Формат. 60х84 1/16
Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Тираж 80 экз.
Заказ № 6647. 2019 г.

Отпечатано в ООО «Издательство «Диалог»,
450076, г. Уфа, ул. Гафури, 54, тел.: 8 (347) 251-78-29,
e-mail: dialogufa@mail.ru
Сайт: elasgroup.ru

